

РС

Для служебного пользования

Экз. № 000918

**СОВРЕМЕННЫЕ БУРЖУАЗНЫЕ
КОНЦЕПЦИИ ФИЛОСОФИИ
ИСТОРИИ И ИХ КРИТИКА**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

СОВРЕМЕННЫЕ БУРЖУАЗНЫЕ
КОНЦЕПЦИИ ФИЛОСОФИИ
ИСТОРИИ И ИХ КРИТИКА

РЕФЕРАТИВНЫЙ СБОРНИК

Москва · 1981

Серия: "ФИЛОСОФИЯ ЗА РУБЕЖОМ"

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СБОРНИКА:

АНДРЕЕВА И.С. - доктор философских наук, КРАВЧЕНКО И.Н. - кандидат исторических наук, РАКИТОВ А.И. - доктор философских наук, ответственный редактор, СКВОРЦОВ Л.В. - доктор философских наук, ответственный редактор, УВАРОВ А.И. - доктор философских наук, ШАМШУРИН В.И. - редактор-составитель

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.	5
Введение.	7

I. МАРКСИСТСКАЯ КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

К актуальным тенденциям в буржуазной теории и методологии истории.	23
Злекеш Л. Проблема истории и методов исследования в современной буржуазной науке.	31
Бояджиев Г. О комплексном раскрытии активности человека марксистской историографией.	35
Беренд И.Т. История как научная дисциплина и как учебный предмет.	39
Буксинский Т. Проблема объективности исторического знания. Дискуссии в американской историографии первой половины XX века.	41
Легутко Р. Разум и история. О философии Р.Дж.Коллингвуда.	59
Железный М. Об истоках и границах истории в философии Карла Ясперса.	62
Сыский Я. Генетическая феноменология и историчность.	64

1053Д

II. СОВРЕМЕННАЯ БУРЖУАЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ И ЕЕ НЕМАРКСИСТСКАЯ КРИТИКА

Дрэй В. Перспективы истории.	70
Аткинсон Р.Ф. Знание и объяснение в истории. Введение в философию истории.	77
Конституция исторического прошлого.	87
Маккаллох К. Связь между событиями и классификация в истории.	92
Ротенштрайх Н. Теория и практика. Исследование человеческих интенциональностей.	94
Философия истории и действие.	114
Шамшурин В.И. Два направления в современной англо-американской критической философии истории (Научно-аналитический обзор).	123
Ротенштрайх Н. Философия, история и политика: исследования в области современной английской философии истории.	139
Уилкинс Б.Т. Обладает ли история смыслом? Критика философии истории Поппера.	153
Теоретические проблемы исторической науки.	165
Сербиненко В.В. Историческая герменевтика: задачи и границы применения метода (Реферативный обзор).	182
Даллмайр Ф.Р. Генезис и обоснование социального знания: уроки Мерло-Понти.	192
Рикёр П. Может ли существовать научное понятие идеологии?.	198
Бартник Ч. Прологомены к дискуссии над смыслом истории.	204

ПРЕДИСЛОВИЕ

Программное значение для работников общественных наук имеют положения XXVI съезда КПСС, которые касаются роли средств информации в перестройке многих участков и сфер идеологической работы, требуют, чтобы ее содержание стало более актуальным и отвечало требованиям современности, давало должный отпор нашим идейным противникам.

Настоящий реферативный сборник, являющийся продолжением выпущенного ранее сборника¹⁾, посвящен разработке наиболее актуальных теоретико-методологических течений в современной буржуазной философско-исторической мысли. Предметом особого рассмотрения данного сборника являются: англо-американская критическая философия истории, историческая феноменология и историческая герменевтика, критический рационализм К.Поппера, в которых в качестве предмета исследования ставится изучение истории как специальной формы познания, вида знания.

Целью сборника является критический анализ субъективизма в историческом познании, присущего отмеченным выше

¹⁾ См.: Современные исследования по философии истории: Реф. сб. /ИНИОН АН СССР. - М., 1977. - Ч.1-2.

буржуазным философско-историческим теориям. В соответствии с этим материалы сборника разбиты на две части. В первой представлены критические исследования ученых социалистических стран; во второй – современная буржуазная философия истории и ее немарксистская критика.

В специальном введении к сборнику, написанном доктором философских наук, профессором Л.В.Скворцовым, дается освещение основных течений в современной буржуазной методологии исторического познания, критически анализируются реферируемые источники.

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей высших учебных заведений – философов и историков, интересующихся методологией исторического познания, пропагандистов и работников печати.

В В Е Д Е Н И Е

Предлагаемый вниманию читателя реферативный сборник "Современные буржуазные концепции философии истории и их критика" может рассматриваться как логическое продолжение выпущенного в 1977 г. ИНИОН сборника "Современные исследования по философии истории" в двух частях¹⁾. Если сборник 1977 г. охватывал широкий круг проблем, давал представление о позициях современных буржуазных теоретиков в таких вопросах, как природа и смысл истории, связь истории с современностью, процесс становления и эволюция философии истории как специфической области знания и других, то данный сборник дает обширную информацию о позициях современных буржуазных теоретиков главным образом по ключевым методологическим проблемам истории. Под методологическими проблемами понимаются не те или иные частные вопросы источниковедения, интерпретации отдельных исторических фактов, приемов обработки исторических материалов и их классификации, а философские проблемы истории. Именно в рамках философии и возник вопрос: может ли история быть наукой?

Для того чтобы правильно понять отношение современных буржуазных теоретиков к данному вопросу, необходимо дать хотя бы краткое предварительное пояснение.

1) Современные исследования по философии истории: Реф. сб. /ИНИОН АН СССР. - М., 1977. - Ч. I-2.

Вопрос о научных основаниях истории – это ключевой методологический вопрос, от решения которого зависит и отношение к историографии. Историк обычно занимается своими исследованиями, будучи убежденным в объективной реальности истории, исторического прошлого, в том, что он ищет и в конечном счете находит объективную истину, закономерности общественного развития, воспроизводит историческое движение, факты и события такими, какими они были на самом деле, создавая действительные предпосылки для критики ложных представлений, разного рода предрассудков, лжесвидетельств и т.д. Без такого убеждения было бы невозможно движение исторического познания, а труд историка терял бы свой познавательный смысл.

Однако на чем основано это убеждение? Для того чтобы оно не было тождественно обыденной вере, необходимо знание того, с какими фактами имеет дело историк, какова их специфика, каким методом он должен владеть, чтобы адекватно воспроизвести эти факты в историческом описании. Это – не праздные вопросы, поскольку историк обычно имеет дело с историческим процессом не непосредственно, как с данной ему реальностью, а опосредованно – через свидетельства, источники. Серьезную проблему представляет и несовпадение объективной сущности исторических событий с представлениями о них участников исторической драмы. В истории действуют люди, которые руководствуются различными, подчас субъективными целями, скрытыми мотивами, меняют их в зависимости от обстоятельств, так что на поверхности предстает сложнейшая и, по-видимому, случайная картина переплетения стремлений и действий людей, отдельных индивидов и общественных групп. Совпадает ли объективное содержание исторического процесса с субъективными мнениями о нем, которые как бы лежат на поверхности в разного рода декларациях о намерениях, оценках событий и т.д., – этот вопрос также представляет подчас серьезную трудность.

В XIX в. в буржуазной мысли четко определилась противоположность двух методологических подходов к интерпретации истории и социальных явлений вообще. С одной стороны, философы и социальные теоретики, взявшие на вооружение установку позитивизма (Конт, Милль, Спенсер), исходили из того, что факты социальной и исторической жизни можно рассматривать по аналогии с природными фактами вообще. В математике, физике, биологии они видели идеал всякой науки, и коль скоро общественное знание стало претендовать на научный статус, то казалось, что оно должно исходить из наличия идентичных с естествознанием социальных законов, действующих в исторической жизни, так что отдельные действия людей, независимо от их субъективных представлений, должны подчиняться этим законам. Известны многочисленные попытки рассматривать общественную жизнь с точки зрения социальной статистики и динамики, биологических законов — борьбы за существование, выживание наиболее приспособленных, экономии общественной энергии и т.д. и т.п. Однако такая экстраполяция законов природы на жизнь общества приводила к очевидным натяжкам, искусственным схемам в объяснении общественной жизни.

С другой стороны, сформировалась тенденция рассматривать факты исторической жизни как специфические индивидуальные явления, не поддающиеся адекватной интерпретации с точки зрения общих законов. Эта тенденция наглядно выразилась в неокантианском противопоставлении наук о природе и наук об истории, обществе, в попытках определить специфический статус наук о духе (Дильтей). На этой почве и возникает отличие объяснения явлений на основе принципов детерминизма в естествознании от понимания специфических социально-исторических, духовных явлений, требующих проникновения во внутренний мир субъекта, специфического сопереживания его устремлений и целей, с тем чтобы дать адекватную интерпретацию лежащих на поверхности фактов истории.

Различие этих методологических подходов иногда определяется как различие между аристотелевской и галилеевской традициями. Аристотелевский метод телеологичен. Он объясняет мир как определенную целостность, в которой каждая его часть должна выполнять определенную функцию, а стало быть, она подчинена цели целого, движима ею, определяема ею. С этой точки зрения исторические явления должны рассматриваться как телеологические целостности, независимые от того, являются ли они отдельными индивидами, отдельными национальными образованиями или цивилизациями, охватывающими несколько народов в их историческом движении. В конечном счете история может быть представлена как замкнутое телеологическое единство, имеющее свое начало и свое определенное завершение, определяемое стоящей над ней общей целью.

В отличие от аристотелевского галилеевский метод детерминистичен. Он не принимает во внимание наличие цели у исследуемого объекта. Всякое последующее состояние объекта он полагает принципиально выводимым из предшествующего состояния. Поскольку предшествующее состояние потенциально содержит в себе последующее состояние, то тем самым все явления обусловлены предшествующими причинами, т.е. своим прошлым, а не будущим, которое потенциально содержится в цели. Повторяемость причинно-следственных отношений и есть основание объективности общих законов, которым подчиняются явления реального мира.

Интерпретация общественного развития с точки зрения этих двух методологических подходов должна дать различные "картины" истории. В первом случае история должна быть понята как некоторое замкнутое единство. Философия здесь становится насущной необходимостью для истории, поскольку только она может открыть основания этого единства, которое не выводится из фактов истории как таковых. Этот подход к интерпретации истории все более утрачивал свое влияние, поскольку он был спекулятивным по своему характеру, не соот-

ветствующим принципам науки, научного исследования, авторитет которого все более укреплялся. Во втором случае история всегда остается "открытой", поскольку она выступает как результат взаимодействия факторов, и, чем больше этих факторов включается в историческое движение, тем сложнее и причудливее становится результат их взаимодействия. В этом случае история утрачивает однолинейный характер своего развития. Она становится, если можно так выразиться, потенциальной возможностью всего. С этой точки зрения и кажется оправданным агностицизм и субъективизм в интерпретации истории как явления. Радикальный эмпиризм, представление об истории как сумме индивидуальных фактов, лишенных внутреннего единства, оправдание субъективной аранжировки, классификации этих фактов в соответствии с субъективно выбранными самим историком критериями - все это, казалось бы, вытекает из внутренней сущности истории, поскольку в ней самой отсутствует общая объективная связь.

Эти представления закономерно породили в буржуазной теоретической мысли XX в. дивергентные тенденции в интерпретации истории.

Первый раздел предлагаемого вниманию читателя реферативного сборника представляет интерес в том отношении, что в нем показывается, какие конкретные формы приобрело проявление внутренних методологических противоречий в буржуазной философии истории. В работах ученых социалистических стран - ГДР, Венгрии, Болгарии, Польши, с одной стороны, обнажается внутренняя противоречивость философской мысли, исходящей из того или иного одностороннего принципа, а с другой - раскрывается связь этого, казалось бы, чисто теоретического движения с реальными историческими сдвигами, происходящими в XX в.

С точки зрения информационной представляет интерес реферат, представленный в сборнике на книгу Т. Буксиньского "Проблема объективности исторического знания", в кото-

рой раскрывается характер спора, возникшего в американской историографии. В ней показано, в каких специфических формах преломились методологические проблемы, поставленные европейской философской мыслью, в исторической науке Соединенных Штатов.

Читатель получит немало интересных сведений и из рефератов работ, посвященных анализу процесса формирования новых методологических идей, родившихся в рамках европейской философской традиции. Эти новые идеи связаны с творчеством Р. Коллингвуда, К. Ясперса, Мерло-Понти и ряда других видных философов. Они, как правило, не выходят за границы герменевтики, концепции "понимания". Они не столько вытекают из нового материала истории, сколько из новых результатов воображения самих философов. Концепция понимания приобретает более широкую трактовку. Понимание рассматривается не только как способность историка проникать в цели, стремления, психологический мир субъекта прежних исторических эпох, иных культур, но и как способность теоретической концептуализации, своего рода конструирования истории как духовного движения, а также способность человека радикально изменять свой образ жизни, свою судьбу в соответствии с пониманием своей экзистенциальной ситуации в истории. Так, Коллингвуд считает субстанцией истории мысль, которая должна быть воссоздана в индивидуальном сознании историка, а историческое прошлое — "интеллектуальным посланием". Единство и универсальность мысли оказываются и предпосылкой возможности общей интеллектуальной интерпретации истории как определенного единства, независимого от исторического времени, различия исторических эпох. В отличие от Коллингвуда К. Ясперс видит подлинные основания истории не в мысли, а в трансценденции, философское постижение которой открывает истоки глубоких исторических сдвигов в реальном бытии человека. Мерло-Понти считает историю реализацией внутренней сущности человека и в конечном счете приходит к ее ис-

толкованию как своеобразной символической системы, как выражения всех возможных форм существования человека. История здесь постигается в своем особом единстве, по отношению к которому объективные факты истории оказываются чем-то вторичным, производным от интеллектуального, трансцендентного или экзистенциального измерений бытия человека.

Следует, однако, подчеркнуть, что продвижение философии истории в границах герменевтики всегда имело определенный скептический противовес. Выводы герменевтики не получали и не могли получить однозначного истолкования. Они вполне могли отождествляться с субъективным мнением философа, с произвольной интерпретацией истории. Этим объясняется и позитивистская реакция на герменевтическое истолкование исторического процесса, попытки противопоставить ему теорию, опирающуюся на методологический фундамент научного исследования.

В 40–50-х годах была предпринята попытка восстановления в своих правах принципов классического позитивизма. Эта попытка связана с появлением известной дедуктивно-номологической модели объяснения Гемпеля. Вокруг этой модели завязались острые дискуссии. Гемпель полагал принципиально возможным детерминистское объяснение любого исторического явления. Применение модернизированной концепции понимания с этой точки зрения могло рассматриваться как результат сложности исторических явлений, недостаточности нашего знания о их действительных причинах. Позиция Гемпеля находила неожиданное подтверждение в кибернетических исследованиях, в раскрытии на основе принципа негативной обратной связи внешней целесообразности явлений.

Усиление влияния методологии позитивизма дало импульс широкому распространению концепций стадий роста, доктрин индустриального и постиндустриального общества, которые рассматриваются и как определенная интерпретация истории с точки зрения общих закономерных фаз социального развития, детерминируемых развитием техники и технологии.

В этой связи представляет интерес статья Ганса-Петера Яека "К международной дискуссии об объяснении в исторической науке" из представленной в сборнике книги "К актуальным тенденциям в буржуазной теории и методологии истории". Яек отмечает, что методология позитивизма, хотя она и заимствует определенные выводы материалистического понимания истории, в целом направлена против марксистско-ленинской общественной науки. Характерно, что, как это отмечает Ганс-Петер Яек, в ходе дискуссии была установлена неприемлемость модели Гемпеля, как, впрочем, и традиционных форм герменевтики. Возникла необходимость поиска "средней линии", учитывающей и мотивационную структуру действия, и общие законы. Фактически это означает, что удовлетворительного теоретического решения методологических проблем истории не было найдено и движение мысли вновь вернулось к своей исходной точке.

"Средняя позиция" в современной буржуазной теории истории - это позиция методологического эклектицизма. Она не решает методологических трудностей, а просто закрывает на них глаза. В представленном сборнике своеобразным проявлением "средней позиции" можно считать книгу Р.Ф.Аткинсона "Знание и объяснение в истории", реферат на которую имеется в сборнике. Аткинсон объявляет себя сторонником повествовательной истории. Повествовательный метод требует связности изложения, привлечения всего уместного и исключения неуместного. Связность изложения, как самоцель, неизбежно включает в себя субъективный момент, "подгонку" материала к установке историка, если историк не руководствуется объективной, научной теорией исторического развития. Отсутствие такой теории приводит Аткинсона к противоречивым утверждениям. Он, с одной стороны, критикует объяснение истории с точки зрения общих законов, а с другой - утверждает, что ничто не свидетельствует в пользу того, что таких законов вовсе не существует. Он заявляет о недостижимости абсолют-

ной ценностной нейтральности в исторических суждениях и вместе с тем полагает, что для профессиональных историков остается возможность придерживаться независимой от ценностных установок объективности.

"Средняя позиция" – это симптом отсутствия теории истории и вытекающего отсюда эмпиризма и электицизма.

Очевидно, что научная теория истории не может быть создана на основе трактовки общественного развития как тождественного в своей сущности естественной эволюции. Общественное развитие подчиняется своим специфическим законам, поскольку его "сущностью" является деятельность человека, историческая практика. Объективные закономерности исторической практики определяются объективными условиями общественных формаций. Общие законы в истории выступают как законы данной формации. Если игнорируется реальность этих объективных законов, которым подчиняется деятельность данного исторического субъекта, то тогда остается "субъективный слой" истории, возникает иллюзия, что движение истории управляется мыслью, духом. На этой почве и возникают представления таких, например, теоретиков, как Л.Голдстайн.

Л.Голдстайн совершает серьезную методологическую ошибку, когда выдвигает тезис о первичности знания, а не реальных в историческом познании. Ведь адекватная методологическая позиция в своей основе должна иметь объективную сущность самой истории, иначе воспроизведение истории будет ее субъективным конструированием, в чем, собственно, и обвиняют Голдстайна его критики. Эту же ошибку совершает и Ротенштрайх, который, отталкиваясь от историко-философского и структурного анализа сознательного действия, приходит к выводу о первичности теоретической сферы в истории по отношению к практической.

В контексте этой проблемы представляет интерес обзор В. И. Шамшурина "Два направления в современной англо-американ-

ской критической философии истории". Характеризуя теоретические позиции одного из старейших представителей англо-американской философии истории М.Мандельбаума, автор отмечает их внутреннюю непоследовательность, разделение исторического познания на две части, в одной из которых возможно объективное знание (общая история), а в другой – нет (специальная история). Общая история, согласно Мандельбауму, имеет дело с политическими, социальными и экономическими институтами общества. Специальная история – с некоторыми аспектами культуры, которая включает в себя акты творчества, идеи, формы поведения, но не институты. Если общественные институты, структуры, по мысли Мандельбаума, имеют независимое существование от того, как их рассматривает историк, то акты творчества таким независимым существованием якобы не обладают.

Само по себе это разделение истории на две области симптоматично, независимо от того, какое значение оно имеет в общей концепции Мандельбаума. Дело в том, что общественные структуры, институты видятся здесь как нечто самостоятельное, как некий особый субъект, включающий в себя отдельных индивидов, подчиняющий их себе. В этом представлении немало верного. Это – своеобразное психологическое ощущение наличия объективных законов общественного развития. Именно ощущение, а не раскрытие их сущности. Поэтому и представляется правомерным говорить об особой "мертвой" силе институтов, общественных структур как неких самостоятельных сущностей. Однако любой общественный институт вне реальной деятельности людей не может быть действительным историческим субъектом. С другой стороны, преувеличение роли субъективного фактора в истории приводит к отрицанию объективности исторического процесса. Такое отрицание и характерно для концепций Коллингвуда и Голдстайна, которые отождествляют действительную историю с движением мысли, сознания. Согласно этой точке зрения, история вообще должна

быть представлена как продукт реализации "свободной" мысли, как произвольное конструирование действительности. Здесь цель, не обусловленная объективными обстоятельствами общественной жизни, спецификой формации, предвосхищает будущее, сопровождает практическое действие и сообщает ему внутреннюю структуру.

Разумеется, вне исследования целей, интересов и устремлений людей, процессов их реализации в общественной практике история как наука вообще невозможна, ибо в этом случае она утрачивает свой предмет, который и составляет деятельность людей в специфических для нее временных этапах, исторических эпохах. Однако вопрос заключается в том, почему в данных исторических условиях реализуются лишь определенные цели, чем ограничена свобода человека в истории. Какова роль объективной стороны события, возникающего в результате деятельности людей, не предвидящих, однако, всех исторических последствий данного события? Этот слой истории оказывается невозможным интерпретировать как результат осуществления осознаваемых целей человека, а стало быть, как телеологический процесс.

Противоположность детерминистского и телеологического истолкования истории, социальных явлений, как и неизбежность применения обоих методологических приемов для описания реальных исторических событий, — это кажущийся парадокс, который не может найти своего объяснения до тех пор, пока не понята конкретно-историческая природа социального субъекта. Буржуазные теоретики говорят о социальном субъекте как агенте действия вообще. В силу этого и исторический субъект предстает в их интерпретации либо как отдельный индивид с его сознанием, уникальный в своей неповторимости, либо как внеперсональный разум. Индивид реален, его действительность подтверждается эмпирически. Но из действия отдельного индивида не вытекают масштабные исторические события, социальные структуры, общественные институты. Внепер-

сональный разум может быть представлен в качестве той силы, которая объясняет возникновение общих социальных норм и институтов. Но тогда должен существовать и особый исторический субъект, который не может быть сведен ни к отдельному индивиду, ни к их механической сумме. Сама история здесь начинает казаться сознательной действующей силой, стоящей над людьми. И это происходит потому, что субъект не понят в своей конкретно-исторической специфике как реальная действующая сила, обусловленная спецификой организации людей под воздействием объективных общественных отношений, обуславливающих их соединение в действительного исторического субъекта. Непонимание исторического генезиса социального субъекта, диалектики превращения его из прогрессивной силы в реакционную, выхода на историческую арену нового исторического субъекта - все это присуще буржуазной философии истории, поскольку она теперь руководствуется глубоко консервативным воззрением на мир. Взгляд буржуазной философии истории в поисках истины обращается в прошлое. Гадамер, например, считает, что для правильного понимания ситуации необходим выход за рамки современности. История должна быть истолкована как традиция. Исторический субъект должен быть постоянно обращен к прошлому, признавать необходимость непрерывности диалога с традицией. Некоторые теоретики вообще отрицают правомерность такого диалога, считая, что традиция должна быть незнолема. В наиболее рельефной форме эта точка зрения выражена Панненбергом, полагающим, что библейские источники образуют основу для универсально-исторического мышления (см. реферативный обзор В.В.Сербиненко "Историческая герменевтика: задачи и границы применения метода").

С другой стороны, буржуазные теоретики сводят сущность субъекта к внутреннему переживанию настоящего как специфической феноменологической интуиции, которая полностью абстрагируется от внешнего мира, а значит, и от истории. Субъект

в такой интерпретации (выраженной наиболее рельефно в чистой феноменологии Э.Гуссерля) выступает как чистая субъективность, в отношении к которой все явления обнаруживает свое значение, свой смысл. Попытки перебросить мост от чистой субъективности к реальности мира через соединение феноменологии с социологией (Мерло-Понти), к intersубъективности через коллективность обыденного опыта (А.Шютц) не ведут, однако, к преодолению исходного пункта субъективизма. Поэтому и историческую реальность такого рода теоретики вынуждены трактовать как некое тождество, несводимое ни к идеальности, ни к материальности мира. Но тогда закономерно встает вопрос: какова природа исторической реальности и существует ли эта реальность в действительности, не является ли она продуктом нашего воображения?

Такому крайнему субъективизму, в тенденции ведущему к своего рода "историческому солипсизму", некоторые теоретики пытаются противопоставить объективную реальность включенных в историю материальных факторов как константных, определяющих причин исторического движения. Попытки последнего времени, связанные со "структуральным изучением истории", показывают, что буржуазная теория истории совершает своеобразное попятное движение к концепциям XVIII века. Она представляет дело таким образом, будто человек был и остается пленником таких естественных факторов, как климат, биосфера, или же культурных традиций. Так, например, согласно Фернану Броделю, изучение этих "глубинных структур" позволяет якобы понять движение истории. Человек в такой интерпретации выступает лишь как следствие внеисторических константных факторов. Но в таком случае вообще непонятно, почему происходят качественные сдвиги в истории в условиях относительной неизменности константных факторов - революции, духовные перевороты, смена общественных формаций. Не спасает концепцию Ф.Броделя и его интерпретация исторического события как выявления на поверхности истории глубоко спря-

танной игры причин и следствий. Дело в том, что Ф.Бродель не видит специфики исторического детерминизма, по сути дела сводя его к детерминизму вообще, и это принципиальная ошибка.

Лишь конкретно-историческое понимание субъекта истории, в реальной практической деятельности которого история осуществляет свое движение, открывает путь и для верного истолкования диалектической взаимосвязи процесса изменения субъекта и объективных исторических обстоятельств в их взаимодействии. Это взаимодействие и есть реальный исторический процесс, который подчас получает самое фантастическое, перевернутое с ног на голову отражение в социальном самосознании. Искусственная вивисекция этого процесса, попытки выделить из него в качестве определяющей силы истории некие константные вневременные естественные или духовные факторы, структуры, как и противопоставление чистой субъективности в качестве активного начала всему объективному миру, неизбежно ведут к неадекватной интерпретации исторического процесса.

Камнем преткновения для буржуазной философии истории оказывается и диалектика общего и отдельного. Общее в истории проявляется через индивидуальное; они образуют то специфическое единство, без воспроизведения которого не может быть и речи о подлинно научной интерпретации реальной исторической действительности. Между тем для буржуазной методологии истории характерен именно разрыв между общим и индивидуальным. Общее в общественной жизни объявляется предметом социологии, индивидуальное — истории. Попытки навести теоретический мост над пропастью, которая разделяет общее и индивидуальное, заканчиваются, как правило, неудачей, поскольку общее трактуется абстрактно, как некая вневременная реальность. В этом случае индивидуальное, как специфическое в данных условиях места и времени, выступает как антипод общего.

Неверное решение вопроса о соотношении объективных закономерностей исторического развития и целесообразной деятельности людей порождает неизбежно дуалистические позиции, характерные, в частности, для К.Поппера, выдвинувшего формулу "дуализма фактов и решений". Поппер, как известно, резко выступал против научного историзма, изображая его как некий "холистский" взгляд на историю, как предпосылку тоталитаризма и т.д. Однако в действительности он вел борьбу скорее с им самим созданными карикатурными конструкциями, имеющими мало общего с научным историзмом. Его собственные теоретические позиции характеризуются непоследовательностью и эклектицизмом, так что сами буржуазные теоретики вынуждены давать развернутый критический комментарий к его работам по философии истории.

Ошибка Поппера состояла в том, что он представлял общие исторические законы как некие всеобщие абстракции, общие места, а не как законы реальных исторических формаций. Анализ объективных законов общественных формаций позволяет определить и действительные истоки мотивов, целей, которые ставят перед собой реальные исторические персонажи, представляющие интересы определенных для данной формации общественных классов. Вместе с тем открываются возможности и для оценки адекватности или неадекватности тех или иных социальных представлений реальным условиям общественной жизни, исторической практике, борьбе за осуществление объективных требований общественного прогресса. Только на основе научного историзма и оказывается возможным последовательное использование соотношения объективных и субъективных факторов в историческом развитии.

Мы остановились на характеристике лишь некоторых ключевых проблем философии истории, с которыми сталкивается современная буржуазная мысль. В их решении наблюдается дивергентная тенденция, расхождение в подходах. Такое расхождение в рамках буржуазного философского мышления можно

рассматривать как закономерное следствие рассудочности, метафизичности подходов, порождающих выводы, взаимно исключающие друг друга. С другой стороны, существует и тенденция "схождения", своеобразного внешнего соединения: противоположных точек зрения, но не на основе теоретического объяснения действительных оснований такого соединения, а как простая коррекция "крайностей", диктуемая здравым смыслом. Такой подход неизбежно влечет за собой теоретический эклектицизм.

Разумеется, нельзя упрощать действительную сложность тех методологических проблем, с которыми столкнулась буржуазная философия истории в XX веке. Теоретическое преодоление современной буржуазной философии истории требует дальнейшей углубленной марксистско-ленинской разработки методологии истории как науки. В этом направлении в советской философской мысли наблюдается все более заметный прогресс. Нарастание теоретических усилий в этой весьма сложной области философского знания приобретает все большую идеологическую значимость, позволяет укреплять позиции научного понимания истории в тех сферах, которые буржуазная мысль долгое время считала своей монополией.

Данный реферативный сборник как раз и служит этой цели. Он дает представление о новейших тенденциях, характерных для современной буржуазной философии истории. Он будет полезен для специалистов в области философии истории и для историков, интересующихся проблемами методологии.

Доктор философских наук
профессор
Д. В. Скворцов

I. МАРКСИСТСКАЯ КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

К АКТУАЛЬНЫМ ТЕНДЕНЦИЯМ В БУРЖУАЗНОЙ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

Zu aktuellen Tendenzen in der bürgerlichen
Geschichtstheorie und- Metodologie:
Materialien der I. Tagung der Fachkomm. s.
"Theorie, Metodologie und Geschichte der
Geschichtswiss". der Historiker-Ges. der
DDR am 29. März 1978 in Berlin /Behrendt L.-D.,
Berthold W., Hedtz G. et al.; Wiss. Red.:
Irmischeler K. u. Heun W. - B., 1979. - 105 S. -
(Thematische Inform. u. Dokumentation /Akad.
für Gesellschaftswiss. beim ZK der SED. R.B.:
Konf. u. Tagungen; H. 18).

Сборник содержит материалы заседания вновь учрежденной комиссии "Теория, методология и история исторической науки" общества историков ГДР.

Главный доклад "Историзм и социальная история в современной буржуазной историографии" представлен Конрадом Ирмшлером и Герхардом Лозеком. В ходе теоретико-идеологического размежевания с буржуазной историографией основное внимание обычно уделяется историко-политической концепции и картине истории. "В настоящее время

необходимо настойчивее и целеустремленнее включать в сферу размежевания и область теории и методологию с тем, чтобы быть в состоянии лучше постичь все структурные элементы буржуазной историографии в их единстве и взаимоотношениях, а также вести более убедительную полемику" (с.8).

Необходимо сосредоточить внимание на теоретико-методологическом анализе буржуазного историзма и современной буржуазной "социальной истории". Внимание к соответствующей проблематике обусловлено следующими факторами: 1. Буржуазный историзм и социальная история "образуют подлинную базисную субстанцию развития теории и методологии в буржуазной историографии" (с.8). 2. Это традиционные линии развития буржуазной теории и методологии истории. 3. Все значительные содержательные и гносеологические проблемы современной буржуазной теории и методологии истории теснейшим образом связаны с этими теоретическими образованиями.

Буржуазный историзм - это теоретическая и методологическая концепция, которая посредством так называемого индивидуализирующего метода утверждает "исторические события, структуры и процессы как нечто единоразовое и неповторимое и при этом произвольно преувеличивает роль исторического субъекта" (с.9). Буржуазный историзм отрицает материальную обусловленность индивидуального и общественного бытия и сознания, отрицает естественноисторический характер общественного развития и, соответственно лежащие в его основе закономерности. Для буржуазного историзма характерно отрицание диалектической связи единичного, особенного и общего в истории. Историзму присуща субъективация исторических явлений. В последнее время этот субъективизм проявляется в подчеркнутом "антропологизме".

Буржуазная социальная история представляет собой сложное, многосоставное и изменчивое образование. Необходимо различать традиционную и современную социальную историю. Традиционная социальная история возникла и

развивалась в симбиозе с историей хозяйства. Она исследует только один аспект истории - историко-хозяйственный. В отличие от традиционной современная социальная история стремится к исследованию "всей совокупной истории", стремится к всестороннему рассмотрению исторического развития. Это достигается путем вовлечения в историческое исследование всех сторон и аспектов исторической действительности. Для современной буржуазной социальной истории характерно широкое использование результатов и теоретико-методологических средств других социальных наук, прежде всего социологии.

Между историзмом и социальной историей существуют как моменты различия, так и общности. К числу общих моментов можно отнести: связь с буржуазными классовыми позициями; стремление к повышению идеологической и политической действенности буржуазной историографии; использование одних и тех же теоретических и методологических средств; неприятие диалектико-материалистической концепции истории. К числу различий относятся: вариации в понимании предмета историографии; различное определение отношения исторической науки к систематическим социальным наукам; известные расхождения в социально-политических позициях; различия в философско-мировоззренческих основаниях; различная готовность к заимствованию элементов марксистской общественно-исторической теории.

Наряду с буржуазным историзмом и социальной историей как господствующими теоретико-методологическими концепциями существует еще целый ряд теоретико-методологических концепций, которые "с трудом поддаются систематизации" (с.14).

В развитии современной буржуазной теории и методологии истории можно, по мнению автора, выделить пять ведущих тенденций.

Первая состоит в устремлении к созданию новых или модификации старых теорий, которые позволили бы постичь истори-

ческий процесс как сложное целое. Эти теории большей частью представляют собой историографический вариант теорий индустриального общества или теорий модернизации.

Вторая тенденция состоит в "антропологизации" теории и методологии истории. Широко используются различные буржуазные философско-антропологические концепции. В подобной "антропологизации" в искаженной форме отражается возрастание в современную эпоху роли субъективного фактора в истории.

Третья тенденция связана со стремлением к широкому использованию теоретико-методологических категорий буржуазного историзма, которые провозглашаются "неотъемлемыми элементами" исторического исследования. Буржуазные теоретики подчеркивают значение учения о понимании, которое они сочетают с различными современными психологическими и социологическими теориями.

Четвертая тенденция проявляется в стремлении к теоретическому обоснованию объективности буржуазной историографии. Причем объективность отождествляется с интересубъективностью, как ее понимает идеалистическая гносеология.

Пятая тенденция заключается в подчеркивании значения эмпирических методов исторического исследования.

В будущем можно ожидать как обострения теоретико-методологических разногласий в буржуазной историографии, так и стремления к интеграции в этой области, что обусловлено борьбой с марксистско-ленинской теорией и методологией истории.

В заключение подчеркивается, что марксисты-ленинцы должны интенсивно разрабатывать свои теоретические позиции в соответствующей области. Особое внимание уделить теории общественно-экономической формации.

Вольфганг Кютлер в докладе "Анализ исторических формаций и методологическая критика буржуазной историографии"

выделяет два аспекта теоретико-методологического размежевания с буржуазной историографией: 1) критический анализ теоретико-методологических основ буржуазной историографии и 2) разработка теоретико-методологического инструментария марксистско-ленинской исторической науки.

Анализ современной буржуазной историографии выявляет "принципиальную дилемму", которая демонстрирует теоретический и методологический кризис буржуазного исторического исследования: объективно данная необходимость общей теории, с одной стороны, и сознательное отрицание возможности адекватной общей теории общества и истории как отражение объективной структуры и объективного развития общества - с другой (с.34). Эта дилемма проявляется и в отношении к марксистско-ленинскому учению об общественно-экономических формациях. Буржуазные историки заимствуют отдельные компоненты этого учения, не принимая его в целом. Указанные компоненты, будучи включенными в инородный, большей частью эклектический контекст, теряют свое "объективно-теоретическое" значение. Обычно буржуазные историки стремятся сочетать компоненты марксистско-ленинской теории общественно-экономических формаций с различными элементами теорий "модернизации" и "индустриального общества". Дальнейшее развитие марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях необходимо не только для повышения уровня марксистско-ленинской исторической науки, но и для борьбы с теориями, входящими в основной идейный арсенал современной буржуазной историографии.

В работе Ганса Шлейера "Современные представления об исторических законах в буржуазной исторической мысли в ФРГ" указывается, что "отрицание общественных законов и исторических закономерностей является основной чертой немецкой буржуазной исторической мысли с середины XIX века, начиная с Ранке и Дройзена" (с.40). Даже различные неопозитивистские представления о существовании, природе, теоретическом статусе и т.д. законов не находят отклика у профессиональ-

ных историков в ФРГ. Это обнаруживается как в теоретико-методологических работах, так и в трудах по "эмпирической историографии".

Обзор ряда современных буржуазных работ позволяет автору сделать следующие выводы:

1. Используемые буржуазными историками, социологами, политологами и т.д. законы не призваны быть отражением объективной исторической реальности, а являются антропологическими, гносеологическими, психологическими и т.п. регулярностями.

2. Профессиональная историография в ФРГ мало использует даже антропологические и психологические закономерности.

3. Субъективистская гносеология и методология, а также субъективистские истолкования мировой истории по-прежнему сохраняют господствующие позиции.

В докладе Ганса-Петера Яека "К международной дискуссии об объяснении в исторической науке" утверждается, что тема "исторического объяснения" была наиболее дискутируемой среди буржуазных методологов истории. Тон в этой дискуссии задавал и задает американский журнал "История и теория".

"Непосредственным исходным моментом дискуссии послужил содержащийся в работах Поппера и эксплицированный в дедуктивно-номологической модели объяснения Гемпеля тезис о том, что научное объяснение невозможно без опоры на законы, соответственно без опоры на теорию, покоящуюся на знании законов. Этот тезис был применен к исторической науке" (с.50). Указанная модель объяснения и ее логико-методологическое обоснование не имела, по мнению автора, шансов быть принятой историками-эмпириками. Этим, возможно, объясняется и то обстоятельство, что в дискуссии участвовали немногие профессиональные историки.

В ходе дискуссии было установлено, что модель Гемпеля является неприемлемой и в модифицированном виде. Неприемлемыми являются и традиционные формы герменевтики. Было установлено, что следует искать "среднюю позицию", учитывающую как мотивационную структуру действия, так и общие законы. "Разработка удовлетворительной и подкрепленной фактами модели историко-научного объяснения возможна только на основе диалектико-материалистического понимания истории. Постоянно подчеркиваемый буржуазными критиками разрыв между марксистской общественной теорией и подлежащими объяснению обстоятельствами конкретной истории или не существует, или может быть методически преодолен в каждом конкретном случае. Основные принципы исторического материализма доказали свою силу исторического объяснения. Они подтвердят свою силу и при разработке методологической модели исторического объяснения" (с.53).

Доклад "О некоторых целеполаганиях буржуазных историков ФРГ, специализирующихся в области социальной истории, которые группируются вокруг журнала "История и общество"¹⁾, написана Кондрадом Ирмшлером. Этот журнал "занимается исключительно проблемами современной социальной истории" (с.65). История понимается как социальная наука, которая нуждается в тесном сотрудничестве с "систематическими социальными науками". Объект исследования - "история общества" понимается как "история социальных, политических, экономических, социокультурных и духовных явлений, которые коренятся в определенных общественных формациях" (с.66).

Если в области предметных исследований журнал с большим или меньшим успехом реализовывал свою программу, то не-

1) *Geschichte und Gesellschaft: Ztschr. für hist. Sozialwiss.* - Göttingen, 1975-1980.

реализованным осталось намерение "создать относительно разработанный теоретико-методологический фундамент для исторического изображения целостного общественного развития или по крайней мере его больших периодов" (с.68).

Статья Альфреда Лесдау называется "К специфике буржуазной теории и методологии истории в США".

Господствующую в США после второй мировой войны историографию сами американские историки считают ориентированной на "историю согласия", т.е. история США рассматривается "как результат общественного согласия, а не как история классовых битв" (с.86). Все направления и течения буржуазной историографии США признают наличие и значение социальных конфликтов в историческом развитии, но отрицают их классовую сущность.

Современная американская историография поддерживает идею американской исключительности, т.е. идею особой миссии США в мире.

Д. А. Кимелев

ЭЛЕКЕШ Л.
ПРОБЛЕМА ИСТОРИИ И МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ НАУКЕ

ELEKES L.

Le probleme de l'histoire et de la methode dans
la science bougeoise moderne. - Вр.: Acad.
kiado, 1980. - 38 p. - (Studia hist. Acad.
scientiarum Hungaricae; 178).

Развитие современной науки неизбежно порождает потребность в научном осмыслении ее собственных методов и приемов. В последние десятилетия она стала особенно актуальной. "Наша эпоха представляет собой эпоху расцвета методологических исследований" (с.5). Кризис, который пережила буржуазная наука в конце XIX-начале XX в., заставил ее представителей обратить самое пристальное внимание на проблемы методологии. Новизна этого обращения к методологии определялась прежде всего тем, что оно было вызвано именно кризисной ситуацией, возникшей в новых социокультурных условиях. Все многообразие предложенных буржуазными учеными способов преодоления этого кризиса с методологической точки зрения подразделяется на две основные группы. Представители первой доказывали существование универсальных критериев научности, годных для всех дисциплин. Представители второй, напротив, настаивали на отсутствии таковых и принципиальном отличии одних дисциплин от других. Эти оппозиционные направления напоминают то, что Д. Лукач описал как

"двойственность" буржуазной научной мысли. Разумеется, у них были и свои исторические корни. Первое направление унаследовало веру в возможность рационального познания всеобщих законов действительности от позитивистов XIX в., которые в свою очередь восприняли ее от просветителей (прежде всего французских) XVIII в. Историческое бытие человека с позитивистской точки зрения столь же законосообразно, как и любое другое бытие. Второе направление, отвергавшее эту точку зрения и принципиально разделявшее науки о природе и науки о человеке, сложилось под влиянием таких немецких мыслителей XIX в., как В.Гумбольдт и Л.Ранке. У сторонников философии жизни и Дильтея нашли развитие представления о человеческой истории как царстве уникальных единичностей, неподвластных каким-либо общим законам и постигаемых не разумом, а с помощью интуиции. Эта идейная тенденция, продолженная экзистенциализмом, опасно сближалась с явным иррационализмом. Указанные два, на первый взгляд, диаметрально противоположных идейных течения в одном методологическом плане были едины: их установки на исследование общих законов или уникальных явлений диктовались не объективными свойствами изучаемой сферы действительности, а априорно принятыми теоретическими постулатами.

Дальнейший теоретический поиск в буржуазной исторической мысли породил также две основные тенденции: 1) стремление к синтезу достижений различных гуманитарных дисциплин, 2) культурологическое направление. Первая тенденция дала о себе знать в попытке А.Берра организовать историческое исследование на началах международного сотрудничества специалистов разных подразделений гуманитарного цикла. Наиболее удачным ее воплощением стала деятельность школы Анналов во главе с М.Блоком и А.Февром. Исследования, проведенные в рамках этой школы, "принесли наибольшее в нашем веке число значительных нововведений в теории и методологии и способны обновить и освежить буржуазную историографию" (с.14).

В отличие от первой, рожденной во Франции, вторая тенденция зародилась в Германии. Самое яркое выражение она нашла в творчестве О. Шпенглера. Отраженные Шпенглером культурологические настроения выходили далеко за рамки исторической науки (где их главным выразителем после второй мировой войны стал А. Тойнби), проникая в этнографию, этнологию, антропологию и т.д. Этот подход, разумеется, не был лишен определенного рационального смысла. В частности, его представителями был обоснован принцип анализа культуры любого народа как целостного образования, все элементы которого находятся в системной связи друг с другом. Но, с другой стороны, этот подход априори исключал возможность целостного и системного рассмотрения истории и культуры всего человечества, что влекло за собой и принципиальный отказ от идей прогресса. Таким образом, здесь отрицаются основные идеи передовой исторической мысли прошлого – универсальность исторического процесса и его прогрессирующий характер. Стремление к разработке новых принципов исторического познания, отличных от принципов материалистической диалектики, снова привело буржуазных методологов истории к принятию той или иной из противостоящих друг другу тенденций, которые могут быть сопоставлены с существовавшими в XIX в. позитивизмом и "интуитивизмом". Выразители первой – неопозитивисты Карнап, Гемпель и др., критический рационалист Поппер, структуралисты, приверженцы теории систем и т.д., отстаивали идеи гомогенности науки, универсальности научной методологии. Главная особенность этого направления – отпор экспансии иррационализма. Однако цели этих исследователей не были достигнуты, поскольку методы специальных наук, принятые ими на вооружение, не отвечали требованиям аподиктичности, когда дело касалось всех наук, в том числе и исторических. Никакая ясность и четкость абстрактных принципов не может заменить конкретного анализа исторической действительности. Так, например, тут не может рассматриваться в качестве

универсального средства метод моделирования, который, как показал советский исследователь В.А.Штоф, обладая достоинствами большей приближенности к конкретному материалу, уступает теоретическому обобщению в степени отражения объективных закономерностей.

Рассмотрение неопозитивистами традиционной историографии как не-науки породило две прямо противоположные тенденции. С одной стороны, такие англо-американские исследователи, как В.Барстон, Д.Томпсон, П.Гардинер и др., предприняли попытку подогнать ее под неопозитивистские критерии научности. С другой стороны, была сделана попытка (Л.Минк) подчеркнуть гносеологическую специфику историографии. Эта тенденция была по сути дела возрождением идей М.Вебера, Э.Кассирера, Б.Кроче и особенно Р.Дж.Коллингвуда. В центре внимания современных представителей этого течения стоит проблема "индивидуального" и способов его познания. Согласно этой точке зрения, история не является "наукой" в традиционном, т.е. естественнонаучном, смысле этого слова, поскольку "индивидуальное" может быть постигнуто только путем "понимания", а не с помощью рационально-обобщающего познания. Именно поэтому Л.Минк говорит об историческом понимании, а не о исторической науке. Вместе с тем, не отказываясь полностью от принципа объяснения, Минк заменяет его "генетическим объяснением". Не отрицая также и рациональность в сфере исторического знания, где якобы нет тождественного, а есть только аналогичное, он апеллирует к "практической мудрости", "здравому смыслу". Адекватной формой исторического знания, с этой точки зрения, оказывается "самоистолковывающееся" повествование. Для этих идей характерен эклектизм, который, однако, не мешает увидеть их внутреннюю субъективно-идеалистическую ориентацию. В целом же современную буржуазную науку отличает то, что в ней "метод обретает автономное существование, независимое от объективных свойств изучаемой сферы" (с.34).

А. И. Кобзев

БОЯДЖИЕВ Г.
О КОМПЛЕКСНОМ РАСКРЫТИИ АКТИВНОСТИ
ЧЕЛОВЕКА МАРКСИСТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИЕЙ

Bulg. hist. rev.,
Sofia, 1978, y.6, N 2, p.78-88.

Проблема активности человека в истории имеет первостепенное значение для точного отражения исторического процесса. Признание или отрицание активности человека в истории является своеобразным водоразделом между фаталистическим и марксистским пониманием истории.

Современные теоретики исторического фатализма или связывают человеческую жизнь с судьбой как таинственной и враждебной ему силой, лишающей человека какой бы то ни было активности (М.Хайдеггер), или объясняют историческое развитие с помощью теологии, обуславливая самостоятельность в действиях индивидов "влиянием бога" (Ж.Маритэн).

Только марксизм раскрыл действительную роль человека в истории, доказав, что в основе общественных отношений лежит человеческая деятельность. Категория "деятельность" тесно связана с категорией "активность", но эти понятия не тождественны. Деятельность проявляет свою сущность как активность человека при его взаимодействии со средой.

Философы-марксисты единодушны в том, что социальная среда определяет содержание и границы деятельности человека. Следовательно, вопрос об активности как выражении сущности человеческой деятельности должен рассматриваться в неразрывной связи с социальной средой, в которой проявляется эта активность.

Таким образом, общественные условия и действия человека находятся в постоянном взаимодействии, причем в сложном и противоречивом процессе этого взаимодействия исторические условия определяют направленность действий, а практическая деятельность создает и изменяет исторические условия. В процессе деятельности, осваивая и преобразуя среду, человек создает самого себя и свою историю. Создаются определенные формы общения, т.е. определенные общественные отношения. Преодоление их границ происходит в результате человеческой деятельности, создающей условия для новых форм общения, т.е. новых общественных отношений.

Активность субъекта как выражение сущности человеческой деятельности является, таким образом, не чем-то внешним по отношению к историческому процессу, а его внутренней органической частью.

Личность развивает свою активность в зависимости от собственных потребностей. Постоянно растущие потребности человека - это источник его активных действий. Со своей стороны различные исторические условия обуславливают необходимость в удовлетворении различных потребностей и в соответствии с ними различную активность в сфере экономики, политики, духовной жизни.

Современная марксистская историография стремится к комплексному, конкретно-историческому отражению компонентов исследуемой ею социальной среды, в которой действует субъект.

Развитие активности субъекта может быть характеризовано по нескольким линиям. В первую очередь как расширение и углубление функций субъекта в данной сфере. Реализацию это-

го подхода автор рассматривает при исследовании активности рабочего класса Болгарии в 1944–1947 гг. Активность класса изучается в неразрывной связи с конкретными социальными условиями, которые приводят к углублению и расширению его функций в политической и экономической сферах.

Во-вторых, развитие активности субъекта можно выразить хронологически в ширину и глубину как совершенствование старых и нахождение новых форм общения в одной или нескольких сферах социальной жизни.

В-третьих, развитие активности выражается как активизация субъекта во все большем числе отраслей его деятельности. Таким образом, комплексно может быть раскрыта активность между странами в политической, экономической и культурной областях.

Реальное отражение активности человека требует от историка раскрытия ее проявлений во всех сферах социальной жизни. Социальная среда через деятельность людей оказывает свое воздействие на содержание их сознания. Преобразовывая условия среды, люди изменяют самих себя, свое сознание. С другой стороны, активная позиция субъекта проявляется как воздействие сознания на реальную социальную среду. Чем всестороннее и точнее знание условий, при которых осуществляется деятельность, тем рациональней будут цели и эффект самой деятельности.

Формирование сознания посредством деятельности в условиях определенной социальной среды может быть отражено комплексно, если оно рассматривается как сложный, противоречивый процесс развития в пространстве и времени. Соблюдение этих особенностей подхода обеспечивает успешное отражение исторических явлений и событий. Необходим также комплексный подход к исследованию активности и соответствующего ей сознания, дифференцированного анализа действий и сознания. Ежедневной человеческой деятельности соответствует так называемое обыденное сознание, т.е. сознание, раск-

рывающее действительность путем наглядных связей и отношений, без проникновения в их сущность. Ограниченное общеденными человеческими интересами, это сознание связывается с активной деятельностью, направленной на удовлетворение ежедневных нужд человека. Историк, отражая развитие данного народа или государства, должен учитывать этот факт.

В аспекте отношения "сознание-деятельность" выделяется проблема так называемого ложного сознания. Исследователь часто сталкивается с трудной задачей по отражению действий субъекта истории, который руководствовался ложными идеями в отношении действительности. В таких случаях знание субъекта об условиях, в которых необходимо действовать, не соответствует истине, и человек расходуется с целями, которых стремится достичь.

История человечества знает много случаев, когда формирование ложного сознания осуществлялось целенаправленно со стороны реакционных сил для защиты их корыстных интересов. Тогда активность масс входит в противоречие с объективными потребностями общества и направлена против прогресса.

О. В. Крыштановская

БЕРЕНД И.Т.
ИСТОРИЯ КАК НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА
И КАК УЧЕБНЫЙ ПРЕДМЕТ

BEREND J.T.

History as a discipline - scholarly and scholastic.
Bp.: Acad. kiado, 1980. - 26 p. - (Studia Historica.
Acad. scientiarum Hungaricae; 179).

На вопрос, что есть история, в разное время давались разные ответы. Всякого рода агностические взгляды на историю, высказывавшиеся с XVII по XX в., либо вообще отрицали существование исторических законов, либо отвергали возможность их обнаружения, либо, в лучшем случае, признавая возможность применения к истории законов и категорий, считали их скорее присущими человеческому разуму, чем свойственными самой истории. Отношение же к исторической случайности как к логической категории, характерное для целого поколения историков и философов от Макса Вебера до Карла Поппера, есть по существу отрицание научного мышления. Подход к истории, отрицающий за ней право считаться истинной наукой, не вполне преодолен до сегодняшнего дня.

Согласно другому взгляду на историю, она сводится к "фактологии" (Ланглуа и Сеньобос). За этим положением стоит уже целая традиция. В XX в. его в наибольшей полноте представляет Карл Поппер, который отказывается выносить суждения и делать обобщения по поводу истории и сводит свои исследования к строгому каузальному объяснению фактов.

Марксизм, познавая законы истории и общества, в отличие от предшествующих попыток не пытался истолковывать исторический процесс с помощью логических конструкций, а выводил объективные законы истории из самой действительности. Открытие Марксом общественно-экономической формации дало возможность свести развитие структуры общества к производственным отношениям, соответствующим определенным историческим периодам, т.е. способу производства средств существования. Благодаря разработанному К.Марксом методу анализа стало возможным раскрытие общего во множестве единичных явлений.

Историческое развитие, по Марксу, реализуется через человеческую деятельность, которая одновременно и детерминирована, и свободна. История есть система закономерных тенденций, извлекаемых из множества единичных и случайных явлений; это наука о человеке, свободная деятельность которого не только обусловлена внешними факторами, но и способна в свою очередь оказывать на них свое воздействие.

Что касается методологии, то раскрытие закономерностей истории позволило анализировать длительные исторические процессы в их взаимосвязи. На этой основе оказался возможным анализ, охватывающий целые общественно-экономические формации, а также подход, рассматривающий прошлое и настоящее в их единстве.

Что касается истории как учебного предмета, то процесс обучения должен быть направлен на овладение различными общественно-научными дисциплинами в их совокупности. В этой ситуации история выступает как первая среди равных.

А.И.Кобзев

БУКСИНСКИЙ Т.
ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ.
ДИСКУССИИ В АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

BUKSIŃSKI T.

Problem obiektywności wiedzy historycznej;
Dyskusje w historiografii amer. pierwszy połowy
XX wieku. - Warszawa; Poznań; Państw. wyd-wo
nauk., 1979. - 120 s. - [Prace] /Pol. akad.
nauk. Oddz. w Poznaniu. Ser.: Metodologia nauk;
t.12). - Рез. на англ. яз.

Книга состоит из двух частей, каждая из которых в свою очередь распадается на несколько разделов. Цель работы автор видит в "представлении спора, имевшего место в американской историографии первой половины XX в., по вопросу о специфике исторического познания и о возможностях достижения объективного знания об истории" (с.5). Этот спор рассматривается автором как фрагмент фундаментального спора между релятивизмом и объективизмом в философии относительно возможности и обоснованности объективного познания вообще. В первой части работы "Борьба между объективизмом и презентизмом в американской историографии до 1950 г." (с.7-72) дается содержательно-критическая история спора американских историков о специфике, возможностях и критериях исторического познания.

Профессионализация истории в конце XX в. в США, отмечает автор, способствовала формированию объективистского идеала исторической науки и разработке научных методов исследования исторических источников с ориентацией исследователей прежде всего на методы естествознания. При этом перед историей как наукой ставятся две взаимосвязанные цели:

1) тщательное, незаинтересованное установление фактов и
2) установление исторических законов на основе этих фактов. Развитие исторической науки в США совпадает с периодом популярности эволюционной теории (Дарвин, Конт, Спенсер, Бокль), и в результате американская историография конца XIX в. разрабатывает "натуралистическую и механистическую версию развития человечества" (с.11). Начиная с 90-х годов XIX в. эволюционистская модель истории уступает место идеалу истории фактографической, сторонники которого, сомневаясь в возможности установления исторических законов, делают упор на установление фактов. По сути дела, отмечает автор, этот своеобразный эмпиризм историков, как реакция против, с одной стороны, историософских теорий позитивизма (Конт, Спенсер, Бокль) и с другой – романтической философии истории (Гердер, Гегель), был "специфической разновидностью позитивистской программы в истории, постулирующей ограничение научных исследований установлением фактов и интерпретацией этих фактов феноменалистическим способом" (с.14). Своим духовным отцом американские историки фактографической школы провозгласили Л. Ранке, восприняв при этом у Ранке лишь его критическую методологию и не только не обращая внимания на ее философский контекст, но и не имея представления о тех философских послылках, с которыми связано ее принятие и использование. Это позволило чуть ли не всем американским историкам – как научной, так и релятивистской школы – видеть в Ранке "отца" научной и объективной истории и врага философии" (с.17).

Объективисты находят себе поддержку наряду с Ранке

также в концепциях неокантианцев баденской школы, также своеобразно интерпретированных: у неокантианцев воспринимается только то, что характеризует историю как объективную науку об индивидуальном и неповторимом, и игнорируются такие существенные факторы их методологии, как субъективизм и аспект "понимания", рассматриваемые неокантианцами в качестве необходимых условий исторического познания.

Основными положениями исследовательской позиции историка фактографической школы автор считает следующие: 1) предмет исследования существует независимо от познающего субъекта; 2) предмет исследования сам в себе естественным образом разделен на факты; 3) предмет познается в результате отражения его структуры познающим субъектом; 4) процесс познания заключается в воздействии предмета на перцептивный и интеллектуальный аппарат субъекта познания; 5) субъект выполняет роль пассивного зеркала, истинно отражающего факты; 6) истина состоит в верном отражении того, что действительно было; 7) знание как продукт процесса познания состоит в целостном копировании действительности и не зависит от субъективных условий; 8) истинное знание неизменно и общезначимо.

Оппозиция научной школе начинается в первом десятилетии ХХ в. с критики европоцентристского характера истории (Ф.Тернер), распространяясь затем (одновременно в работах историков, юристов и социологов) на совокупность проблем, связанных с содержанием истории и формой его выражения (первоначально с упором на последнюю). Важнейшим из выдвигаемых "новыми историками" (Дж.Робинсон) положений было сознательное тематическое подчинение прошлого настоящему, которое должно проявляться в выборе в качестве объекта исследований только актуальных для потребностей настоящего аспектов прошлого. Другую существенную черту "новой истории" автор видит в расширении тематической области исследований за счет включения в историю всех форм человеческой жизни.

Эта тенденция была частью более широкого интеллектуального движения в США, известного как "бунт против формализма". Третья характерная черта "новой истории" – ее союз с социальными науками – прежде всего с социологией. Вместе с тем, критикуя ортодоксов, представители "новой истории" фактически восприняли большинство их исследовательских принципов, таких, как: 1) убежденность в кумулятивном характере изменений в исторической науке; 2) неприязненное отношение к философии и литературе; 3) понимание объективности в исторической науке. Методологические позиции "новых историков" оказались противоречивыми: с одной стороны, вера в безусловный прогресс исторического знания, а с другой – оценка этого прогресса с точки зрения постоянно меняющихся потребностей настоящего; отождествление научного мышления с мышлением в категориях современности; многозначность понятий развития и прогресса; неопределенность понятий закона и истины.

В третьем разделе первой части работы (с.27-56) автор рассматривает презентизм как "наиболее интересный вклад Америки в теорию исторического познания" (с.27), который, будучи реакцией на статический и абсолютистский идеал знания XIX в., формировался в оппозиции объективистской истории в ее эволюционистской и фактографической версиях. При этом презентисты ищут поддержки у Б.Кроче, Д.Дьюи и даже у К.Маркса и Э.Фрейда. Наиболее представительные фигуры презентизма – К.Беккер и Ч.Бирд.

Поскольку эволюция "новой истории" шла в направлении все большей релятивизации и прагматизации исторического познания, презентизм есть не что иное, как "зрелая фаза развития этого направления" (с.28), известная также под названием собственно "релятивизма", "исторического прагматизма". Основная отличительная черта презентизма – "скептицизм относительно возможности достижения объективной истины об истории" (с.29). В своей релятивистской критике традиционных

концепций презентисты находят союзников в прагматизме и идеализме. С прагматизмом их связывает также и вера в зависимость истинности и ценности от времени обстоятельств, современных социальных проблем, стремление к соединению науки с социальными реформами, вера в технологический прогресс, а также убежденность в господстве практической воли над теоретическим мышлением.

Исходя из тезиса кантианцев баденской школы об индивидуальном характере исторических событий, представитель крайнего презентизма Карл Беккер определяет результаты исторических исследований как субъективные и прагматически-утилитарные: каждый человек имеет свою концепцию истории, ибо каждый обладает отличной от других памятью. Память же инструментальна, а история есть "память о вещах сказанных и сделанных" (с.31). Кроме единичной общество также пользуется общей всем индивидам коллективной памятью, которой является историческое знание, доставляемое профессиональными историками. В своих исходных формах историческое знание ориентировано на достижение практических целей - с тем отличием от памяти индивида, что история не всегда непосредственно соотносится с потребностями отдельной конкретной личности. Понятие прагматичности истории, отмечает автор, у К.Беккера нечетко и неоднозначно, выступая то как постулат исторической науки, то как ее характерное свойство. Беккер видел в историке "социального реформатора, а не ученого, в истории же не науку, а эффективное средство разрешения практических проблем, с которыми сталкивается общество" (с.32). В силу выполняемых ею утилитарных функций история всегда современна, а прошлое оказывается составной частью нашей нынешней жизни. С особой силой прагматическая интерпретация истории проявилась у Беккера в концепции исторических фактов, выступающей в качестве центрального предмета его теоретико-познавательных рассуждений. Рассматривая исторические факты исключительно в плане их актуального практического значения, Беккер подчеркивает, что зада-

чей истории является не открытие фактов, а их использование: "Нашей собственной задачей является не повторение прошлого, а извлечение из него пользы" (с.34). Ставя перед исторической наукой три вопроса: 1) что такое исторический факт? 2) где исторический факт? и 3) когда факт является историческим?, - Беккер дает следующие ответы: 1) исторический факт - это мысль о событии, символ; 2) исторический факт находится исключительно в сознании того, кто о нем мыслит и 3) исторический факт выступает в нынешних умах, являясь частью современности. На основании этих ответов Беккер делает следующие выводы: 1) даже самое простое событие невозможно описать полностью; 2) описание событий связано с приданием им значения; 3) значения фактов придается им историком; 4) пользу из исторического исследования может извлечь только тот, кто с ним знаком; 5) каждый нормальный человек имеет какую-то историю, которая есть память вещей и прошлых событий, необходимая для настоящего; 6) наибольшие изменения в настоящем производит та история, которая создается обыкновенным человеком.

Разрабатывая крайне активистическую теорию исторического познания, К.Беккер утверждал, что в познании принимает участие вся личность историка, а содержание исторического знания полностью обусловлено его нынешним опытом, который детерминирует интерпретацию данных и является основой верификации исторических утверждений.

Релятивизм в теории исторического познания вызывал к жизни ряд существенных онтологических проблем, в частности проблему теоретического обоснования самого существования объектов, к которым можно отнести исторические суждения. Беккер пытается разрешить эту проблему путем отождествления прошлого с мыслью о прошлом, причем неопределенность понятия прошлого позволяет ему утверждать, что настоящее в физическом смысле также не существует, будучи бесконечным пунктом во времени, который исчезает, как только мы пытаем-

ся фиксировать его как настоящий (с.40). Это – "кажущееся настоящее, состоящее из памяти прошлых вещей и нынешних намерений относительно будущего" (с.40). В результате прошлое, настоящее и будущее сливаются, и в этом смысле любая функционирующая история современна.

В конце 30-х – начале 40-х годов XX в. в работах Беккера появляются объективистские тенденции. Полемизируя с Мандельбаумом, он отмечает, в частности, что речь должна идти не о субъективном характере всех элементов исторического знания, а о том, что отбор и интерпретация фактов прагматичны по своему характеру.

Другим известным представителем американского презентизма является Чарльз Бирд, находившийся под явным влиянием идей Б.Кроче. Бирд различает четыре уровня и структуры в познании прошлого: 1) история как прошлая внеситочниковая действительность; 2) история как запись, материал о том, что было; 3) история как специальное знание о прошлой действительности, то есть как знание об исторических фактах; 4) история как мышление о прошлом, направляемое и упорядочиваемое историей как описанием и историей как знанием (уровень интерпретации и философии истории). Сомневаясь, подобно Беккеру, в возможности объективного знания о прошлой действительности, Бирд в отличие от Беккера, основывающего свой релятивизм на прагматизме, приходит к релятивизму в результате анализа специфики процесса исторического познания. Таким образом, прагматический релятивизм для него – результат, а не предпосылка исторического познания.

Презентисты отличаются от объективистов, подчеркивает автор, не только тем, что делают упор на активную роль субъекта в процессе исторического познания, но и самой концепцией субъекта, придавая существенное значение рамкам отнесения субъекта познания (его философия, совокупность социальных идей, концепция истины, система ценностей), детерминирующему отбору и структурализации источников и фактов. Согласно Бирду, историк должен подвергать анализу свои рам-

ки отнесения с целью их расширения и сознательного учета в своих исследованиях. Релятивизм концепции Бирда программно обусловлен не отдельными историками, а эпохой в целом, то есть теми проблемами и связанными с ними рамками отнесения, которые ставит общество. Бирд редуцирует множество возможных рамок отнесения к трем основным для современной эпохи - коммунизму, фашизму и либерализму.

Если К. Беккер открыто отрицает возможность использования классического понятия истины в историческом познании, то Бирд утверждает для историка необходимость веры в существование абсолютной объективной действительности, с которой можно соотносить взгляды релятивистов и которая позволяет постулировать само стремление к объективной истине. Несколько иные позиции в понимании истины занимают другие представители презентизма. Так, Лампрехт пытается согласовать классическую дефиницию истины с прагматической путем различения суждений о фактах и суждений о знаниях, Ранделл - путем придания прагматической концепции истины онтологического обоснования, сводящегося к утверждению, что сам предмет подвержен дифференциации и изменениям, которые влекут изменения в познавательных образах. Бирд, замечает автор, прославившийся как историк благодаря экономической интерпретации истории, непоследователен в своих взглядах, выступая, с одной стороны, против теории исторического детерминизма "новых историков", а с другой - создавая новую теорию исторического детерминизма, согласно которой основу механизмов развития истории составляют экономические факторы.

В конце 30-х годов в американской историографии поднимается новая волна объективизма (Т. Смит, Мак-Иллвен, М. Мандельбаум, А. Лавджой). Смит показывает односторонность бирдовой экономической интерпретации истории. Мак-Иллвен, выступая против релятивизма презентистов, подчеркивает, что изменения во взглядах на прошлое обусловлены не изменениями ценностей, потребностей и целей субъекта познания, а его все

более глубоким проникновением в сознание, мотивы и деятельность прошлых эпох. Анализу теоретико-познавательных проблем посвящена работа М.Мандельбаума "Проблема исторического познания"¹⁾, в которой он исходит из убеждения в существовании объективной исторической действительности, структурированной независимо от познающего субъекта, а также из веры в возможность объективного и истинного познания этой структуры. Согласно Мандельбауму, противоречия релятивизма логически ведут к абсолютному скептицизму. В названной работе показывается несостоятельность попыток Бирда рассматривать в качестве исходной точки зрения историка тип социально-политического строя, так как: 1) отсутствуют критерии, позволяющие исследователю ограничить изучение прошлого только политическими и экономическими структурами; 2) освобождение историка из-под влияния всех осознаваемых им исторических структур невозможно; 3) неясно само понятие социально-экономической структуры. Мандельбаум видит в релятивизме разновидность психологического подхода к проблеме познания, разделяя критику этого подхода, осуществленную Э.Гуссерлем. Ошибка психологизма заключается в смешении содержания познания с актом, в котором это познание формулируется и выражается (в терминологии Мандельбаума - смешение утверждения и суждения). Мандельбаум отмечает парадоксальность практической ситуации в исторической науке XX в.: открывая объективно существующие и истинные исторические факты и связи между ними, историки теоретически отрицают возможность того, что ими же практически реализовано. Целиком возлагая вину за этот скептицизм на неокантианцев, Мандельбаум считает, что, хотя исторические события в своей целостности неповторимы, это не имеет существенного значения для исторического познания, так как историк производит анализ сложных фактов,

¹⁾ Mandelbaum M. The Problem of historical knowledge. - N.Y., 1938.

разлагая их на простые и выявляя отношения между этими простыми элементами сложной исторической целостности. Исторические законы связывают между собой не только повторяющиеся, но и единичные факты, поскольку любое историческое событие, будучи уникально как целостность, неуникально как результат сплетения повторяющихся факторов и имеет характеристики, общие многим событиям. Что касается отношений между простыми элементами целостности, то они (имея функциональный, причинный либо иной характер) также повторяются в различных исторических событиях как целостностях. В силу этого историк может проверять свои суждения о прошлом на основе наблюдения подобных событий и отношений в настоящем, то есть факт принадлежности события прошлому не является препятствием для его познания. Не дает поводов для исторического скептицизма и факт селекции исторических событий, если стать на точку зрения онтологического плюрализма, согласно которой дифференцированный характер исторических событий позволяет объективно и истинно изучать ту или иную часть исследуемого объекта, вне ее связи с остальными. Необоснованность аргументов против объективности и истинности истории в силу ее интерпретативности (против Бирда) Мандельбаум доказывает тем, что описание фактов есть одновременно и их объяснение, так как историк "работает" с уже структурированными фактами. Много внимания Мандельбаум уделяет анализу категории причины, имея в виду необходимость обоснования пассивной роли сознания в историческом познании и объективность исторического знания. Причинно-следственные отношения между конкретными единичными событиями, подчеркивает Мандельбаум, играют особую роль в исследовании прошлого. Различая события и явления (событие - это осуществление явления в определенном месте и времени), Мандельбаум отмечает, что, будучи экзистенциальными по своему характеру, причинные отношения связывают события между собой. На основе открываемых причинных отношений между событиями историк выявляет

значение последних, то есть благодаря своим причинным связям события экстериоризируют свое значение, становятся внешне значимыми. Мандельбаум показывает также несостоятельность характерного презентистам телеологического взгляда на историю, согласно которому прошлое подчинено настоящему и будущему: события не имеют никакого направления разерттия, каждая из них обладает собственным смыслом, вытекающим из его места и роли в современной ему конфигурации явлений, и значение прошлых событий не исчерпывается их следствиями и их влиянием на современность. Телеологический подход, по Мандельбауму, предполагает знание конца исторического процесса, что сближает презентистские теории истории с религиозными концепциями, придает исторической науке эсхатологические характеристики.

Резкой критике подвергает презентистские концепции истории также и А. Лавджой, характеризующий свое отношение к прошлому как "временной реализм", признающий "временной характер опыта в качестве наиболее важного для теории познания факта" (с.55). Сознательно придерживаясь в теории исторического познания дуализма субъекта и объекта познания, идеи и бытия, Лавджой становится на точку зрения классической теории истины, отмечая, что причиной скептицизма относительно объективности и истинности исторического знания была теория познания, отождествляющая знание с непосредственным обладанием тем, что известно; но так как знание и опыт не одно и то же, мы можем познавать объект без его непосредственного и всесторонне-полного наблюдения. Из многоаспектности исторических событий следует множество точек зрения на историю, что вовсе не свидетельствует о релятивности нашего познания. Различая релятивность в смысле "отнесенности к" и релятивность в смысле "перспективы", Лавджой выступает против последней, объясняя свою позицию следующим образом: отношения между событиями имеют место независимо от того, открыты ли они исследователем или нет, и наша "перспектива" не изме-

няет свойств познаваемых объектов и связей между ними. Направляя острие своей критики против прагматических аспектов презентизма, Лавджой, подобно Мандельбауму, подчеркивает фундаментальную роль причинных отношений, объективных по своему происхождению, а также наличие универсальных законов истории и возможность создания общей теории "поведения" общества. История не оказывает никакой помощи в разрешении актуальных практических проблем современности, историческое исследование является определенной формой трансценденции, выходом за нынешние предпосылки и обусловленности.

В настоящее время, отмечает автор, большинство американских историков относится к объективистской школе, умеренность самой формулировки исходных тезисов которой в значительной мере объясняется влиянием презентистской критики. Спор между сторонниками объективизма и презентизма вновь ожил после выхода в 1976 г. работы Л.Голдстейна "Историческое знание"¹⁾, в которой на основе детального анализа процедуры верификации предложена модифицированная версия презентизма.

Вторая часть реферируемой работы - "Философские обоснования спора об объективности исторического знания" (с.73-117) - посвящена конкретному анализу ряду проблем, дискутируемых в американской историографии, с учетом того обстоятельства, что для участников дискуссии - профессиональных историков "эпистемологическая рефлексия была побочным продуктом их исторического творчества" (с.73). Анализ основных для американской дискуссии проблем автор предваряет уточнением наиболее часто используемых понятий истины и объективности: 1) представители презентизма и объективизма исходят из корреспондентной теории истины, согласно которой истинное знание - это знание, адекватное описываемой действитель-

¹⁾ Goldstein L.J. Historical knowing. - L., 1976.

ности. При этом участники дискуссии, ставя проблему возможности достижения истины в истории, не дают однозначной дефиниции истины; 2) в споре о том, дает ли историческое знание объективное описание истории, участники дискуссии пользуются многозначным понятием объективности. Историческое знание описывает события, обладающие: а) имманентной значимостью, независимой от каких-либо "рамочных отнесений" (эссенциализм); б) значимостью относительно независимо от познающего субъекта осуществляющегося исторического процесса (марксисты); в) значимостью относительно абсолютных ценностей (неокантианцы баденской школы); г) значимостью для всех познающих историю субъектов, независимо от времени и места познания (объективность исторического знания как его универсальная интерсубъективность). Участники американских дискуссий неявно используют в основном первое и четвертое понимания объективности. Из дискутируемых проблем автор детально анализирует следующие: 1) проблема прошлого исторических событий; 2) проблема субъективной обусловленности исторического познания и 3) проблема соотношения ценностей и исторической истины.

Одним из аргументов презентистов против познавательной ценности исторического знания, отмечает автор, был тот факт, что историческое описание имеет дело с объектами прошлого, которые не даны непосредственно в опыте. Английский историк Р. Коллингвуд в поисках решения этой проблемы пришел к выводу, что критерием исторической истины являются не источники и не естественное знание, а специфического рода априорное историческое воображение как автономная способность к творению истории, на основе которой конструируется образ прошлого и проверяется его истинность. Американские же презентисты и объективисты, принадлежа к эмпирической школе в теории познания, усматривают источник и критерии исторического знания в опыте, различно понимая последний. В результате объективисты исходят из возможности создания и проверки истинного знания о прошлом на основе опыта, тогда как презентисты

на той же основе такую возможность отрицают. Правда, если Беккер это отрицание распространяет на все исторические суждения, то Бирд – только на суждения, упорядочивающие и объясняющие факты. В буквальном смысле аргумент презентистов о невозможности правомочного знания о прошлом, подчеркивает автор, означает редукцию любого знания к "непосредственным данным". В более "свободной" интерпретации этот аргумент отсылает не к чисто чувственным данным, а к данным нынешнего опыта, причем предполагается, что суждения о прошлом не-верифицируемы с помощью суждений о настоящем. Еще запутанней понимание опыта и критериев знания у объективистов, которые, с одной стороны, делают упор на решающую роль источников в историческом исследовании, а с другой – подчеркивают обязательность критического исследования самих источников с помощью современных научных методов, отводя тем самым решающее значение в историческом познании теоретико-методологическому знанию. Соглашаясь с тем, что прошлый характер исторических событий ограничивает исследовательскую деятельность историка (невозможность экспериментирования и непосредственной верификации), объективисты говорят о преодолении этих ограничений. Тем более, что опытные данные настоящего не имеют абсолютного преимущества над данными, представленными предшественниками, так как сам опыт настоящего есть синтез теоретического и фактографического наследия прошлого, с одной стороны, и нынешних фактических данных – с другой. Вся проблема сводится к количеству и качеству наблюдений, тестирующих данное суждение. Полемизируя далее с тезисом об уникальном характере исторических событий, Мандельбаум таким образом трактует проблему единичности событий, что открывается возможность достижения истинного знания и о том, что неповторимо и уникально в истории.

Другим аргументом презентистов в пользу невозможности достижения истинного и объективного знания в истории является ссылка на активную роль историка в познавательном процес-

се, которая проявляется в селекции источников и фактов, структурализации фактов и их объяснении, в конструировании фактов и связей между ними. Мандельбаум и Лавджой постоянно подчеркивают, что историк в исследовании не выходит за источники и не апеллирует к субъективным факторам. По мнению автора, они признают определенный вид познавательной активности историка в отношении к источникам, веря в то же время в возможность пассивного типа исторического познания. Но эта активность создает возможность открытия исторической истины, тогда как для презентистов активная роль субъекта – препятствие в достижении истины. Следовательно, и презентисты считают идеальным пассивный тип познания, результаты которого обусловлены исключительно предметом исследования, хотя, с другой стороны (подобно объективистам), в качестве образца берут естественные науки, в которых исследование есть активный процесс интерпретации данных опыта на основе исходных принципов и теорий. Характерно, что и объективисты, и презентисты, говоря об активной роли субъекта познания, имеют в виду только индивидуальную субъективную обусловленность исторического знания: универсальная субъективная обусловленность не препятствует достижению истинного и объективного знания – в этом презентисты и объективисты согласны между собой. Сама субъективная обусловленность исторического познания специфична, будучи одним из типов обусловленности, характерной для гуманитаристических наук. Автор рассматривает проблему роли этого типа обусловленности исторического познания, анализируя некоторые исследовательские процедуры:

I. Селекция источников и фактов. Согласно презентистам, факты, содержащиеся в источниках, могут быть истинными, но истинной и объективной истории как целостности быть не может, так как истинность и объективность присущи лишь знанию, тотально отражающему все аспекты всех событий прошлого. Выступая против презентистов с теорией частичной истины, Мандельбаум считает такую истину свойством знания, приближи-

тельно описывающего отдельные фрагменты исследуемой действительности, причем степень общности формулируемых суждений зависит от уровня общности выбранных для описания исследуемых структур, а вид формулируемых суждений – от описываемого аспекта исследуемого объекта. Считая несостоятельным отрицание презентистами наличия объективных критериев селекции в силу субъективного характера предпосылок и ценностей осуществляющего селекцию фактов историка, Мандельбаум и Лавджой единственным партикулярным фактором, оказывающим влияние на историческое исследование, считают познавательный интерес историка. При этом заинтересованность историка оказывает влияние лишь на выбор проблем и объектов исследования, а не на их понимание и не на селекцию фактов. Результаты исследования зависят только от естественно структурированного объекта исследования. Приписывая, подобно презентистам, научному знанию черты универсальности как обязательности для всех познающих субъектов, объективисты в то же время убеждены, что история может стать объективной наукой по типу естествознания. История объективна, если она истинно описывает структуры и события, существенные для данного объекта исследования. Критерием важности для исследуемого объекта тех или иных фактов и событий объективисты (Дрэй) считают их внутреннее знание, присущее им безотносительно к другим (одновременным или последующим) фактам, тогда как презентисты либо вообще отрицают (Беккер) наличие у фактов внутреннего значения, либо связывают это значение с отнесенностью фактов к историку и его системе ценностей (Бирд). При этом презентисты вообще отождествляли внешнее и инструментальное значение фактов, тогда как объективисты (Лавджой, Мак-Иллвен) целиком отбрасывали концепцию инструментального значения фактов как не имеющую отношения к фактам прошлого.

П. Структурализация и объяснение фактов. Структурализацию и объяснение фактов американские историки рассматривают в категориях их истинности и объективности. Для объективистов (Мандельбаум), оперирующих категориями классичес-

кой теории истины и исходящих из наличия в действительности относительно изолированных структур, истина истории как целостности является функцией истинности ее составных частей - фактов и объяснений. Презентисты же (особенно Бирд) исходят из невозможности не только объективности объяснений, но и истинности в классическом смысле, так как: а) структурализация и объяснение фактов обусловлены не источниковым материалом, а самим историком, начинающим исследование с уже готовой концепции значимости фактов и их объяснений; б) в самих источниках отсутствуют данные для проверки истинности осуществляемой историком структурализации и объяснения фактов. Разделяя точку зрения презентистов на зависимость истинности знания от его генезиса, объективисты вместе с тем полагают, что историк открывает в источниках не только факты, но и их объяснение, а используемые им в процессе исследования гипотезы возникают на основе источникового материала и этим материалом тестируются (Мандельбаум). Вместе с тем объективисты не дали четкого определения роли общего внеисточникового знания в процессе объяснения и тестирования. Так, Мандельбаум, говоря о возможности установления конкретных связей между единичными событиями независимо от общих законов, указывает, с другой стороны, на необходимость использования в историческом объяснении общих законов.

Проблема истинности и объективности исторического объяснения в связи с ролью законов и теорий в этом объяснении, отмечает автор, является в настоящее время предметом острых споров, поляризующих позиции участников, которые автор рассматривает как "своеобразное продолжение презентистских и объективистских взглядов" (с. 98).

Ш. Конструирование фактов. Соглашаясь с презентистами по вопросу о том, что факты даны не изолированно, а вместе с отношениями, в определенных целостных структурах, Мандельбаум утверждает, что как события, так и связи между ними однозначно и четко обособлены в действительности и их можно открыть на основе источников. Подобно Беккеру, Мандельбаум

и Лавдой стирают различие между проблемой объективности и проблемой истинности исторического знания, но они делают это за счет редукции проблемы объективности к проблеме истинности, квалифицируя историческое знание исключительно в категориях истины и лжи.

IV. Ценности и историческая истина. Участники американских дискуссий различали два вида субъективной обусловленности исторического познания: а) обусловленность частными факторами – социальными, культурными и т.п.; б) обусловленность ценностями. Воспитанные в духе идей школы Ранке, объективисты отрицают точку зрения, согласно которой содержание исторического знания детерминировано частными субъективными факторами: если это имеет место, то история подменяется пропагандой. Что касается проблемы ценностей, то она появляется в американских дискуссиях в двух контекстах: 1) зависимость исторического познания от ценностей в силу отсутствия в истории универсальных законов, уникальности и неповторимости исторических событий и нетестируемости и невыводируемости результатов исследования из источников; 2) признание культурно-ценностного характера самого объекта исторического исследования. При этом презентисты аргументируют субъективность исторического познания "включенностью" субъекта и объекта исторического исследования в систему ценностей, а объективисты указывают, что оценка имеет место в любом виде исследований, но ей должно предшествовать познание оцениваемого объекта. Сам факт включенности исследуемых событий в систему ценностей не имеет большого значения для исторического познания, так как "отягощенные" ценностями объекты могут исследоваться так же объективно, как и любые другие. Что касается презентистов, то абсолютизация ими прагматической сферы ценностей и отождествление последней с внепознавательной сферой ценностей вообще ведет к "открытому отрицанию научного характера истории" (с. II2) и исторической истины ввиду отсутствия каких-либо интерсубъективных средств ее установления.

ЛЕГУТКО Р.
РАЗУМ И ИСТОРИЯ. О ФИЛОСОФИИ Р.ДЖ.КОЛЛИНГВУДА
LEGUTKO R.

Mind and history:
On R.G.Collingwood's philosophy. -
In: Reports on philosophy
/ Ed. Augustynek Z.; Jagiellonian univ. Warsaw;
Cracow, 1978, № 2, p.41-51.

"Идея истории" Коллингвуда¹⁾ была реакцией на так называемый "исторический натурализм". Триумф естественных наук в XVIII веке имел своим следствием абсолютизацию "натуралистического мышления". Успехи естественнонаучного метода породили убеждение в том, что с его помощью можно объяснить все реалии мира и в том числе самую природу разума. Коллингвуд же был убежден, что эти амбиции с самого начала обречены на неудачу, ибо нет никакой аналогии между "принципами природы" и "механизмами мышления". Возможность создания теории разума, согласно его взглядам, складывается лишь тогда, когда история конституирована как наука, так как именно появление истории было переломным моментом в развитии человеческого разума.

Подлинное изучение истории состоит в раскрытии смысла, заложенного в целесообразных действиях исторических аген-

¹⁾ Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. - М., 1980.

тов. Субстанция истории – мысль проявляет себя однозначно – путем воссоздания в индивидуальном сознании. Это включает в себя понимание намерений, мотивов и целей исторических агентов, а также интерпретацию интеллектуальной среды эпохи, явлений и фактов. Прошлое дано нам как мысль и только как мысль.

Разумеется, подобное воссоздание мыслей эпохи еще не производит историчность. Она должна оправдываться очевидностью. "Новая история" рассматривает очевидное не как готовый аргумент, а в качестве совокупности данных, подлежащих дальнейшему изучению и оценке.

Коллингвуд видел определенные сходства между работой историка и деятельностью следователя. В обоих случаях мы имеем дело с переменной проблемой – будь то преступление или же отдаленное прошлое. И там и тут мы используем свидетельские показания как очевидные, но они еще не составляют основу для окончательного решения.

Развитие исторического познания – бесконечный процесс. Новые факты вызывают новые соображения и вносят поправки в общей картине истории. В этом смысле история никогда не выносит безусловных заключений.

Анализ природы разума Коллингвуд проводил в тесной взаимосвязи со своим пониманием истории. В связи с разграничением реальности на природу и историю он полагал, что сознание, как продукт истории, не укладывается в рамки законов научного познания, поскольку оно не может быть понято при помощи эмпирических методов (с.45). Одной из важнейших теорий, объясняющих нам природу, является теория эволюции. Она утверждает, что развитие состоит в последовательной замене одного вида другим, более приспособленным к условиям окружающей среды. Развитие природы поэтому есть процесс, протекающий во времени, но его прошлая стадия есть нечто завершенное и необратимое.

История также развивается во времени, но она не обладает эволюционным характером. Согласно Коллингвуду, истори-

ческое прошлое – это не собрание исторических фактов, а некое "интеллектуальное послание". Как таковое, прошлое наличествует в настоящем, поскольку оно в значительной мере влияет на современное мышление. Отсюда следует, что человеческий разум не подпадает под действие принципа эволюции, а современный тип мышления не является определенной эволюционной стадией в развитии человеческого разума (с.46). Масштабы и содержание мысли безусловно изменились, но тип интеллектуальной активности в прошлом ничем не отличается от нынешнего способа мышления.

Обосновывая свое понимание исторической природы разума, Коллингвуд выдвинул принцип всеобщей коммуникабельности. Он говорит о том, что всегда существует возможность воссоздать, расшифровать и понять любую интеллектуальную деятельность, невзирая на ее отдаленность в пространстве и времени. Интеллектуальная активность простирается вне пределов времени, она безразлична по всем его атрибутам и потому непреходяща. Это позволяет людям общаться друг с другом через эпохи. Мышление вообще и историческое мышление в особенности существует в онтологически независимой реальности, которая имеет мало схожего с реальностью индивида и даже всего человечества. Противоречие между вневременной структурой разума и историческим изменением решается Коллингвудом двояко: во-первых, историк осознает настоящее, что дает ему возможность не только воссоздать прошлое, но и оценить его критически, и, во-вторых, хотя духовная жизнь прошлого и может быть реконструирована, историк никогда не достигнет последних истин, поскольку сам есть субъект истории, ее второе измерение – "история истории".

Исходя из подобной аргументации, Коллингвуд делает заключение о том, что именно история, а не естественные науки предоставляют наилучший метод познания природы человеческого разума. Историческая реальность по самому своему существу интеллигибельна, а мышление управляется принципом всеобщей коммуникабельности.

А. В. Попов

**ЖЕЛЯЗНЫЙ М.
ОБ ИСТОКАХ И ГРАНИЦАХ ИСТОРИИ
В ФИЛОСОФИИ КАРЛА ЯСПЕРСА
ZELAZNY M.**

**O źródle i granicach historii w filozofii Karla Jaspersa. -
Studia filoz.,
W-wa, 1979, № 8, s.181-190.**

Согласно Ясперсу, мир, являющийся сферой человеческой активности, есть историческое бытие как результат усилия человеческой экзистенции. Возможность ее познания всегда релятивна по отношению к историческим данностям – как в объективном смысле в силу исторической изменчивости воспринимаемых объектов, так и в субъективном – в силу исторической обусловленности познавательных способностей человека. Любой экзистенциальный вопрос историчен по своему характеру, хотя это и не означает, что в рамках истории человек должен и может получить исчерпывающий ответ. Человеческий исторический мир есть, по Ясперсу, уже определенным образом сформированная к моменту пробуждения нашей рефлектирующей активности действительность и человек не в состоянии даже представить себе какой-либо иной действительности вне сферы истории, в которой он пребывает. Исключение составляют переживаемые человеком так называемые пограничные ситуации,

в которых он, оставаясь в границах истории, одновременно чувствует крушение исторического порядка, указывающее на наличие какой-то иной, неизвестной и выходящей за границы уже существующей действительности. Согласно Ясперсу, перед лицом пограничной ситуации человек не только воспринимает границы исторической действительности, но и ощущает присутствие трансценденции, находящейся за этими границами.

Трансцендентный характер истоков истории трактуется К.Ясперсом не только как причинная сила истории в генетическом смысле, но и как ценностно-созидающая энергия, всегда присутствующая и необходимая на всех этапах развития человеческой истории в виде "знаков" трансценденции, которые отчетливо воспринимаются лишь переживающим состояние пограничной ситуации человеком, т.к. только экзистенциальное, а не "позитивно-эмпирическое" чувство оказывается единственной возможностью познания истоков, обладающих трансцендентальным характером. Но само это знание, отмечает автор статьи, в силу персонального и неповторимого характера не может быть систематизировано и сведено к единому философско-историческому принципу, тем более что проблема появления шифров трансценденции в переживаемых личностью пограничных ситуациях является предметом чувства и философской веры, и даже наличие такого опыта оставляет наше знание в пределах историчности.

В.С.Гаевой

СЫСКИЙ Я.
ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И ИСТОРИЧНОСТЬ

SUSKI J.

Phenomenologia genetyczna i historycznosc. -
In: Humanitas / Zesp. red.: Jaroszewski T.M.
(red. naczk.) et al.; Pol. akad. nauk. Inst.
filozofii i sociologii. - Wrocław etc., 1980,
4. Z zagadnień filozofii i kultury współczesnej,
s.113-143.

В философии истории Мерло-Понти автор выделяет два исходных понимания истории, в первоначальном творчестве философа взаимосвязанные между собой, а затем все более обособляющиеся и противостоящие друг другу. Первое понимание связано с проблематикой универсализации и рационализации истории и формулируется под отчетливым влиянием его дискуссии с марксизмом и гегелевской мыслью. Второе - с подходом к теории истории как своеобразной символической системе, в которой "перипетии смысла и экспрессии (как и в других сферах человеческого существования) не находят никакой привилегированной перспективы своего разрешения" (с.117). Если в первом случае история понимается как история гуманистическая, "организованная вокруг классического наследия гуманистических проблем и возможностей их разрешения в плане сосу-

дествования, подчиненных вопросу о возможности установления аутентичной общности, аутентичной intersубъективности, опирающейся на признание человека человеком" (с. II7), то во втором – как история символическая, понимаемая как "система экспрессии, как история, анализируемая сквозь призму социальных институтов, каждый из которых представлял бы собой особую символическую систему, выступая как специфический опыт экспрессии существования или метафизический шифр его трансценденции" (с. II8). В принципе эти два понимания истории не должны противоречить друг другу, так как с самого начала история для Мерло-Понти обладает ценностью символической системы, социальные факты являются системами смысла, а не вещами или идеями, и, с другой стороны, в своих поздних работах он продолжает интересоваться проблемами истории как воплощения ценностей, как опыта гуманизации существования. Но фактически в эволюции творчества Мерло-Понти происходит разделение этих перспектив, несмотря на его попытки восстановить утраченное первоначальное единство двух подходов. Переломным экзистенциальным моментом, явившимся импульсом для разрыва с идеализмом и индивидуализмом философии истории, абсолютизирующими индивидуального субъекта истории и его место в системе познания, деятельности и ценностей, для Мерло-Понти оказалась вторая мировая война, на фоне событий которой стала очевидной необходимость отказа от традиционных философско-исторических концепций, отрывающих "ценности от ситуации, идеи от действительности, мораль от деятельности, философию от жизни... создающих искусственный мир от мысли на обочине, руководствующейся собственными законами действительности, темной и непроницаемой для разума" (с. II8). В результате Мерло-Понти отбрасывает как несостоятельную концепцию человека как "чистого сознания, руководствующегося свободным рациональным решением и выбирающим среди ценностей, раз навсегда определенных в мире идей"

(с.119). Свобода человека не абсолютна, она ситуационно и исторически обусловлена, человек не может быть свободен в одиночку, и он должен признать и взять на себя ответственность не только за собственные интенции, но и за практические результаты их внешней реализации в мире. Мерло-Понти открывает для себя политику как действительность, несводимую к перспективе индивидуального сознания, и мораль как имеющую социальные границы и обусловленности. Нет истории, лишенной значения для деятельности, познания и оценки субъекта, ибо "история и политика существуют как определенный параметр ситуации бытия с другими, выходящими за пределы индивидуальной интенции и индивидуальной автономии" (с.120).

В эволюции отношений Мерло-Понти к марксизму автор выделяет четыре фазы. Первая фаза характеризуется восхищением и надеждой по отношению к марксистской философии истории (с.129). Маркс, прочитанный сквозь призму гегелевской философии и частично сартровского экзистенциализма, рассматривается как пример перелома в философии и как союзник в борьбе с идеалистической традицией европейской философии. Вторая фаза: Мерло-Понти осуществляет анализ и феноменологию исторической деятельности на основе конкретных исторических фактов, развивая свою концепцию рациональности истории и теорию неоднозначности исторической ситуации, а также уточняя ранее сформулированную им критику идеалистической философии истории - особенно ее либералистическую версию - с открытой апелляцией к принципам марксистской критики истории и буржуазного общества. Признавая принципиально истинными эти принципы, Мерло-Понти путем сочетания двух уровней анализа - философско-исторического и политического - формулирует предпосылки "ожидаемой установки" по отношению к опыту общества, строящего социализм. Третья фаза характеризуется отказом от ранее принятой точки зрения, прежде всего в сфере политики. Этот отказ распространяется также на сформулированные ранее критерии рациональности истории и постижимости ее смысла.

Мерло-Понти переходит к более метафизическому пониманию истории как символической системы и системы экспрессии всех форм существования человека и их специфической символизации и обновления во времени. Четвертая фаза эволюции отношений Мерло-Понти к марксистской философии истории характеризуется фактическим перенесением центра тяжести философии истории Мерло-Понти с политической и антропологической проблематики на герменевтическую и метафизическую: место пролетариата в центре этой философии истории занимает феномен экспрессии, а место политики и рефлексии над политикой — анализ отношения к "первичному" или "сырому" Бытию. Мерло-Понти отдалается от диалога с историческим материализмом, чтобы вступить в сферу дискуссии с Хайдеггером.

Важно иметь в виду, что концепция существования как экспрессии и концепция истории как символической истории присутствуют во всех четырех фазах. Изменению подлежит прежде всего сама перспектива рассмотрения явлений истории как основного параметра существования человека. Сначала в качестве центральных явлений истории выступают для Мерло-Понти явления политической, экономической и социальной драмы как "различных сфер человеческого существования и деятельности, соединяющихся воедино и обретающих свой смысл и значение, а также возможность и перспективу разрешения в перспективе событий единого и универсального общества, реализующего в конкретных межчеловеческих отношениях перспективу гуманистических ценностей" (с.131). Позднее таким центральным явлениям оказывается экспрессия и обновление смысла человеком: место сосуществования людей занимает отношение человека к Бытию, а идея рациональности истории, хотя и явно не отбрасывается, но лишается критериев, сводясь фактически к роли объекта волевого пари в системе постоянно обновляющегося исторического опыта.

Останавливаясь далее на более конкретной характеристике первой фазы развития Мерло-Понти, автор отмечает, что он не столько "экзистенциализирует марксизм" (в чем его обвиняют некоторые авторы), сколько "материализирует экзистенциализм", "описывая социальное и историческое измерения существования, принимая основные моменты марксистской критики буржуазного общества и разделяя его общую точку зрения на историю, ее смысл или рациональность, сконцентрированные вокруг явления отчуждения труда и его преодоления" (с.136). Антиметафизический и антиабсолютистский (в плане понимания исторической истины) характер марксистской философии истории ставит перед Мерло-Понти неразрешимую для него проблему необходимости и случайности в историческом процессе: если логика истории не гарантирована ни трансцендентными по отношению к ней принципами, ни метафизической структурой действительности, если она опирается на единство объективного и субъективного моментов истории, то "логика истории и эмпирическая история могут разойтись, а опыт, долженствующий придать рациональность истории, сделав тем самым возможным ее преобразование и понимание, - оказаться нереализованным" (с.141). Такая постановка и решение проблемы необходимости и случайности в истории оказались чреватými целым рядом неразрешимых в рамках философско-исторической концепции Мерло-Понти проблем, определивших последующую эволюцию его идей "логики в случайности", ведущую к "субъективизации истории и релятивизации исторической деятельности, к утрате историей точек опоры и отнесения в интересующей действительности и в объективном мире" (с.142).

Не решает этих проблем и трактовка Мерло-Понти волонтаристического придания смысла истории как "диалектического движения" принятия и обновления смысла, разработанная

им с целью преодоления негативных последствий недиалектического понимания проблемы необходимости и случайности в истории.

В.С.Гаевой

**П.СОВРЕМЕННАЯ БУРЖУАЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ
И ЕЕ НЕМАРКСИСТСКАЯ КРИТИКА**

ДРЭЙ В.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСТОРИИ

DRAY W.H.

Perspectives on history. -

L. etc.: Routledge & Kegan Paul, 1980. -

IX, 142 p.

В книге, состоящей из трех глав, на основе реальной практики исторических исследований, теорий истории рассматриваются основные проблемы "критической"¹⁾ философии истории, анализирующей понятия и предпосылки исторического знания и познания: значение побудительных мотивов действия агента истории для исторического понимания прошлого; структурная роль оценочных суждений в реконструкции прошлого; роль группы и индивида в исторических исследованиях.

Проблема исторического познания и понимания рассматривается на примере философии истории Р.Дж.Коллингвуда, оксфордского профессора-философа, историка и археолога, впервые в английской философии, в период между мировыми войнами, сделавшего предметом исследования изучение истории как специальной формы познания.

¹⁾ Впервые этот термин ввел в употребление В.Уолш в книге: Walsh W.H. An introduction to philosophy of history. - L. etc., 1951.

Интерпретация Дрэем теории исторического познания в понимании Коллингвудом такова. Объяснение действия исторической личности историком может включать в себя больше, чем то, что сама личность в определенное время отчетливо знала о собственном мышлении; более того, даже это отчетливое знание личностью собственных мыслей историку не обязательно передумывать снова в том же самом порядке, в каком оно осознавалось личностью, поскольку существует столь же бесконечное число способов передумывания той же самой мысли, сколько и способов ее выражения. "Тем не менее функцию объяснения могут выполнять только те мысли, которые, по нашему убеждению, субъект действительно думал; и если Коллингвуд прав, утверждая, что описываемая мысль, для того чтобы объяснить, должна быть фактически помыслена историком, то он также прав, что она должна быть передумана. Его утверждение о том, что историк должен переиграть опыт субъекта, конечно же, менее убедительно. Однако, когда он допускает это другое положение, то конечно же, не подразумевает, что историк должен воспринимать, представлять, чувствовать, двигаться или говорить так же, как и сам субъект. Подразумевается, что он должен рассматривать ситуацию субъекта так же, как и сам субъект" (с.26).

По Дрэю, вся теория исторического понимания Коллингвуда, развернутая им в "Идее истории"¹⁾, имеет своей целью придать истории характер именно "гуманистического" исследования. Причина того, что сам Коллингвуд стремился именно к "гуманистическому" рассмотрению истории, сводится, согласно Дрэю, к следующему: историческое понимание, так же как и изучение истории, всегда в некотором смысле было опосредовано, нуждалось в исследовании практическим разумом. Как иногда говорят сторонники Коллингвуда, историческое познание - это "практика, совершенная в роли другого". Она вклю-

¹⁾ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. - М., 1980.

чает в себя аспект человеческой деятельности. "Именно это вряд ли способно проделать "научное", в том смысле, по крайней мере, в каком понимал Коллингвуд этот термин, познание прошлого" (с.26).

Традиция "гуманистического" подхода к исследованию истории была продолжена видным американским историком, главным представителем философии исторического релятивизма Ч.Бирдом по-новому: так, он утверждал, что, рассматривая прошлые формы жизни людей, историки обращаются к уже имеющемуся у них набору моральных, эстетических и других человеческих ценностей, как бы прикладывают их к делам прошлого. Бирд с особенной отчетливостью поставил вопрос, который в общем-то всегда тревожил историков: способно ли историческое познание по самой своей сути дать нам знание о прошлом, "каким оно действительно было".

Дрэй выделяет четыре основных положения в теории исторического познания Бирда: 1) знание историка имеет косвенный характер; 2) знание историка с необходимостью неполно; 3) оценки историков имеют структурный, а следовательно - предвзятый характер; 4) исторические суждения с необходимостью имеют оценочный характер, поскольку события и действующие лица в истории по самой своей сути имеют этические и эстетические значения, что также мешает историку быть "нейтральным" исследователем (как в естественных науках).

Однако Дрэй не согласен с Бирдом, что подобная активность историка в познании может быть основанием для специфически-исторического релятивизма. Напротив, считает Дрэй, подобная теория исторического познания не дает для этого никакого основания, т.к. то, что представляется Бирду препятствием, является скорее общим свойством и условием всякого познания. Вместе с тем, отмечая положительные, по его мнению, стороны теории Бирда, Дрэй пишет, что 4-й, части 2-го и 3-го аргументов Бирда "показывают, что излагаемое историком прошлое определенно содержит признание или суждение

оценки и то, что он относит к "прошлому, каким оно действительно было"; будет совпадать с "прошлым, каким оно должно казаться" с точки зрения определенной схемы оценок - политических, эстетических, социальных, моральных, интеллектуальных и т.д. В этом, мне кажется, заключается главная истина об истории, которая вытекает из аргументов исторического релятивизма Бирда" (с.46).

Далее рассматривается роль индивида и группы в реконструкции прошлого на примере теории, известной как "методологический индивидуализм", и ее представителя Д.В.Н.Ваткинса современного философа из экономической школы в Лондоне, взгляды которого, во многом обусловленные идеями Ф.А.фон Хайека и К.Поппера, живо отражают "проблемы исторического познания" (с.2).

Методологический индивидуализм - это теория, в которой проблемы объяснения в истории, в частности, и в социальном познании, вообще рассматриваются прежде всего с методологических позиций индивида. Дрэй указывает на 4 основные его положения. "В методологическом индивидуализме, - пишет он, - только индивиды имеют независимое существование, только они значимы в причинном отношении, только они могут быть исследованы" (с.51).

Первые два аргумента Ваткинса - онтологические: в них указывается на сущность социального существования и сущность причинной взаимосвязи в общественной и исторической областях. Третий и четвертый полностью эпистемологические: т.е. в них рассматриваются определенные, подлежащие объяснению стороны познания социальных событий и процессов.

Дрэй выдвигает следующие критические возражения против основных положений Ваткинса. Первое касается онтологических аргументов методологического индивидуализма, в которых из двух видов объяснений - объяснения того, что есть то или иное явление или событие (конститутивное объяснение), и объяснения, каким образом оно возникло (продуктивное объ-

яснение), предпочтение отдается конститутивному, в то время как мы столь же "часто объясняем вещи также и в терминах целого, в которое входят его составляющие" (с.62). Отсюда следует второе положение Дрэй, касающееся эпистемологических аргументов Ваткинса, в которых аналитическое знание необоснованно предпочитается столь же важному в "социальном и историческом объяснении... синтетическому" (там же).

Рассмотрение основных проблем критической философии истории проводится в свете анализа полемики между А.Дж.Тэйлором и его критиками по поводу причин возникновения второй мировой войны¹⁾.

Дрэй утверждает, что различные оценки, подчас противоположные, участниками полемики одних и тех же фактов были вызваны различными пониманиями концепции исторической причинности. "Я хочу показать, - пишет Дрэй, - что можно ясно выделить по крайней мере пять парадигм причинностного мышления в тех местах, где эти имеющиеся различия привели к разногласиям" (с.71).

Согласно Дрэй, явно или неявно историки употребляют следующие парадигмы: 1) причина, как намерение, способное привести к тому или иному событию; 2) те или иные события, какими бы они ни были, "нормальны" в силу логики развития данной ситуации; 3) причины, приводящие к возникновению тех или иных событий, с необходимостью должны "заставлять людей действовать"; 4) причины, позволяющие появиться тем или иным событиям; 5) причины, как достаточные условия неизбежных событий, т.е. "достойные" тех событий, к которым они привели.

Насколько позволяет судить проделанный анализ, пишет Дрэй, в любом случае кажется плодотворным утверждение о том, что причинностные суждения от 1-й до 4-й парадигмы, по-

¹⁾ Taylor A.J.P. The origins of the second world war. - Harmondsworth, 1969.

могут уяснить историю, как интеллигентную в смысле человеческих отношений: они помогают дать человеческое знание человеческому предмету исследования. В самом деле, как бы продолжая то, что говорилось о Коллингвуде и Бирде, Дрэй отмечает, что понятия причины, включенные в эти парадигмы, преимущественно могут быть названы "гуманистическими". В них предполагается, что воспринимающий субъект прошлого действовал сознательно, и поэтому подразумевается понимание в стиле Коллингвуда. В этих парадигмах предполагается и то, что может быть названо "уважительным отношением" к людям прошлого, т.е. подход с точки зрения проявления этими людьми всех их моральных качеств, что, в свою очередь, не может не вызвать оценок. Тем не менее, продолжает Дрэй, в исторических исследованиях еще довольно часто встречаются так называемые квазиморальные рассуждения о причинах событий (5-я парадигма). Являются ли они плодотворными? — спрашивает Дрэй? Этот вопрос дальнейших исследований.

В заключение рассматривается то, что в общих чертах называется "спекулятивной" философией истории: познание исторического процесса как такового на примере системы Шпенглера (с. 99).

Дрэй отмечает, что теория, утверждающая не только "замкнутость", отсутствие связей между различными культурами в истории, но и невозможность постижения их своеобразия, ставит под сомнение, во-первых, целесообразность появления самой книги Шпенглера "Закат Европы"^{I)}, а следовательно, и его претензии на те или иные исторические объяснения, поскольку она тоже принадлежит к определенной культуре, своеобразии которой заключается в "фаустовской душе". Вряд ли, пишет Дрэй, если руководствоваться идеями самого же Шпенглера, писателя эпохи "заката", "поздней осени" западной

I) Шпенглер О. Закат Европы. — М.; Пг., 1923. — Т. I.

культуры Аполлона может адекватно выразить ее "душу", не говоря уже о "душах" других культур. Если же он гений, то "для кого он писал?" Зачем 100000 копий его книги" (с.122), т.к. "поздняя осень" и "ранняя зима" – это время естественного мышления, а не интуитивных прозрений гения. Во-вторых, продолжает Дрэй, если мы, таким образом, не можем понять ни того, что находится вне нашего времени, ни того, что выходит за рамки нашего культурного своеобразия, то, следовательно, мы способны понять только самих себя. "Философии истории, пришедшей к подобного рода выводам, действительно следует пересмотреть некоторые свои основоположения" (с.124).

В. И. Шамгулин

АТКИНСОН Р.Ф.
ЗНАНИЕ И ОБЪЯСНЕНИЕ В ИСТОРИИ .
ВВЕДЕНИЕ В ФИЛОСОФИЮ ИСТОРИИ

ATKINSON R.F.

Knowledge and explanation in history: An introd.
to the philosophy of history. - Ithaca (N.Y.) :
Cornell univ. press, 1978. - X,229 p. -
Bibliogr.: p.219-223.

При рассмотрении предмета философии истории проводится разграничение ее аналитических или критических концепций от субстанциональных или спекулятивных, причем автор стремится показать, что это разграничение не абсолютно. "Научные интересы философов истории, по крайней мере их англоязычных представителей последнего времени, главным образом посвящены вопросам значения и истинности утверждений истории, возможности объективных критериев, вопросам объяснения, причинной связи и ценностей" (с.4) - это область аналитических концепций. Субстанциональные концепции философии истории возникают на почве изучения собственного материала истории, исторического процесса как такового - в этом контексте автор указывает на Гегеля, Маркса и Тойнби.

Автор ставит перед собой задачу "устранить сомнения в возможности исполненных смысла и подчас истинных утверждений о прошлом" (с.1). Очевидно, что утверждения о прошлом не могут быть получены из непосредственного наблюдения, как

это имеет место в случае утверждений о настоящем; таким образом, последние, по-видимому, внушают больше доверия, нежели первые. Однако в связи с этим можно указать на то, что утверждения о настоящем включают в себя также утверждения о том, что недоступно непосредственному восприятию в данный момент времени, и степень достоверности здесь не выше достоверности по крайней мере некоторых утверждений о прошлом. До известной степени "заманчивым" является мнение, согласно которому память — это то, в чем настоящее непосредственно наблюдает прошлое; однако скептик, с одной стороны, согласившись, что утверждения о прошлом полностью основаны на памяти, с другой стороны, стал бы доказывать, что сама память не заслуживает никакого доверия. Оба эти положения ошибочны. Во-первых, большая часть прошлого "находится за пределами памяти", поскольку речь идет, например, о событиях древности. Во-вторых, со знанием прошлого память имеет не больше общего, чем со знанием вообще, ибо следует различать между утверждениями, к оформлению которых была привлечена память, и утверждениями, сделанными на основе памяти. Память привлечена к формированию всех утверждений, касающихся как прошлого, так и будущего и настоящего.

Другим источником скептицизма в отношении утверждений о прошлом являются метафизические сомнения в его существовании, его реальности. С точки зрения автора "основополагающей" здесь выступает та идея, что все действительно существующее должно быть наличным" (с.51). Сомнения в действительности прошлого возникают вследствие его недостаточной очевидности и невозможности непосредственного с ним общения. Однако представление о недостаточной очевидности предполагает критерий очевидности, и в свете тех утверждений о настоящем, которыми мы оперируем во многих "нескептических" обстоятельствах, значительное количество утверждений о прошлом оказываются достаточно очевидными. Традиционным поводом к сомнениям в реальности прошлого служит также "неопределенность

позиции абстрактных терминов "прошлое", "настоящее" и "будущее" на логико-лингвистической карте". "Верное средство" для преодоления этого недоумения состоит в том, чтобы напомнить себе, что мы постоянно принимаем и отвергаем некоторые утверждения о прошлом, что по большей части здесь мы приходим к согласию друг с другом, что, следовательно, нам достоверно известно, как обращаться с сообщениями о нем, хотя, возможно, мы и не могли бы дать четкого ответа на вопросы "что есть прошлое?" и "реально ли оно?". Данный ход рассуждений приводит автора к тому выводу, что "существование прошлого, о котором могут быть высказаны и неоднократно высказывались истинные утверждения, есть нечто более вероятное, нежели любая противоречащая этому спекуляция" (с.55).

Истинное и вероятное в области исторических утверждений противостоят друг другу в их отношении к очевидности. Если же, исходя из очевидности, мы готовы признать истинным какое-либо эмпирическое утверждение вообще, то нам надлежит признать возможность истинных исторических утверждений в частности.

"Одной возможности делать истинные утверждения касательно прошлого еще недостаточно, чтобы гарантировать объективность истории, которую иначе ведь придется представить себе лишь как конгломерат принадлежащих данной теме истинных высказываний. Здесь необходимы по крайней мере также отбор и резюме, не говоря уже об объяснении" (с.73). Однако всегда существует опасность, что в процессе отбора историк станет руководствоваться личными убеждениями, моральными, политическими или религиозными взглядами. Отсюда следует, что, во всяком случае принципиально, невозможно достичь полной, детальной истины (с.75). Подлинное оправдание истории как раз и заключается в ее неустанном стремлении к достижению полноты этой истины. Автор ставит себе задачей доказать, что отбор не является чем-то несовместимым с объ-

ективностью, если допустить, что различные виды отбора равно согласуются с фактами (с.77). Объективность в истории зависит от критериев отбора, но такие критерии сами по себе не даны объективно: не делает их объективными и факт их общепризнанности в среде историков. По мнению автора, историю следует понимать как науку, изучающую события в свете их последствий. Только так можно получить абсолютные критерии. Достижимость объективности в истории часто ставится под сомнение ввиду многочисленных разногласий между историками, но нередко разногласия возникают вследствие употребления одних и тех же данных при различных направлениях исследования; в таких случаях "то, что поначалу представляется вызывающим недоумение внутренним противоречием, может быть согласовано или нейтрализовано, будучи изложенным в связи с внешними различиями и в зависимости от них" (с.89).

Истории как науке присущ более нигде не употребляющийся повествовательный вид. Хотя вообще видов объяснения в истории чрезвычайно много (структурный, экономический, социологический, психологический и т.п.) практически, "повидимому, не существует такого вида объяснения, о котором с уверенностью можно было бы сказать, что он недопустим в истории" (с.96). Однако нетрудно указать на три доминирующих в настоящее время способа объяснения: это - (1) объяснение в свете законов истории и так называемые (2) рациональное и (3) повествовательное объяснение. Последние подразумевают: в первом случае - привлечение факторов намерений, целей, верований, установок и т.п., т.е. сведение различных видов объяснений к некоему единому контексту, во втором случае - отношение к историческому сочинению как к своего рода "объяснению в себе". Иначе говоря, рассмотрения отдельных видов объяснений уместны в истории постольку, поскольку они способствуют разворачиванию исторического повествования. Сторонники рационального и повествовательного методов обычно не склонны отрицать правомерность других видов объяснения. В то же время общеизвестно, что приверженцы номо-

тетического метода утверждают, что всякое подлинное объяснение должно удовлетворять именно этому способу или восходить к нему. Сам автор считает, что значение понятия "объяснение" "достаточно широко, чтобы предполагать все те его виды, на которые было указано как на типичные для истории" (с.99). С другой стороны, применение "теории законов" в истории он характеризует как "дезориентирующее".

Но каким же условиям должно удовлетворять повествование, чтобы ему возможно было атрибутировать качество объяснения? "По-видимому, никто не станет спорить с тем, что справедливости отдельных утверждений еще недостаточно, также недостаточно перечисления событий в хронологическом порядке, которое само по себе и необязательно. Непременным же является наличие известной связанности, - согласованности с целым, привлечения всего уместного и исключение всего неуместного, - связанности, предполагающей вразумительность и возможность объяснения" (с.131). Для повествовательного объяснения также существенно важно, чтобы "его утверждения были в должной мере очевидными, его проблемы отчетливо продуманы (хотя именно в случае повествовательного изложения они могут быть не всегда точно сформулированы) и стояли в связи с современной проблематикой исторической науки, изнутри или снаружи оказывая влияние на ее дальнейшее развитие" (с.136). Не претендуя на "строгое доказательство" своего тезиса и считая, что сам этот тезис может быть скорее проиллюстрирован, нежели доказан, автор признает за повествованием наиболее адекватный исторической науке метод и характеризует его как "объяснение в себе".

Рассматривая категорию причины, автор отмечает, что историки нередко бывают склонны допускать возможность неопределенного множества различных причин для какого-либо крупного исторического события. Подобная "терпимость", однако, побуждает к обсуждению того, какие же именно причины являются наиболее важными и значительными. Среди философов исто-

рии преобладают три основные точки зрения. Для первого характерным является убеждение в неправомерности какого бы то ни было вычленения отдельных причин в качестве особенно важных. Предполагается, что даже думать в терминах причинности означает "кроить по своему усмотрению цельную ткань прошлого, сотканную им для себя самого". Противоположную крайность представляет воззрение, согласно которому такие дискуссии суть манифестации субъективности и произвола, являющиеся имманентными истории как науке. Согласно третьей точке зрения считается возможным выработка разумных доводов об относительной важности причин.

Опыт учит нас, что в определении важнейших причин историки постоянно противоречат друг другу, но такие противоречия совсем не обязательно свидетельствуют о заблуждении какой-либо из сторон. Историки могут в значительно меньшей мере заботиться о том, "чтобы прослыть объективными, нежели философы, и в значительно меньшей мере быть обеспокоены непроверяемой однозначностью своей правоты" (с.162). Автор убежден в том, что ценность видения одних и тех же событий и их причин в многообразии различных перспектив намного превосходит ценность правоты в отношении одной из них" (с.163).

Поскольку в исторической науке категорией причины возможно охватить чрезвычайно обширное число событий - индивидуальные поступки, поводы к ним, действия коллективов (классов, наций, церквей и т.п.), экономические, географические, религиозные и культурные факторы, - постольку вполне естественно было бы попытаться выявить несколько различных уровней причинности, из которых один тип или уровень, по видимому, должен быть более фундаментальным, нежели все остальные. Ввиду многообразия направленных на разрешение этого вопроса концепций автор ограничивается рассмотрением лишь двух из них: так называемого методологически индивидуалистического тезиса, гласящего, что приоритетом главных причин

обладают действия, верования и позиции отдельных индивидуумов, и исторического материализма, восходящего к Марксу учения о том, что в конечном счете доминирующими являются экономические факторы.

Согласно одной из разновидностей методологического индивидуализма, мы не вправе утверждать, что коллективы обладают тем сущностным бытием, к которому были бы приложимы онтологические естественнонаучному знанию причинно-следственные закономерности. Такие понятия, как "класс" или "капиталистическая система", представляют собой лишь популярны абстракции. Целью истории как науки является отыскание рациональных объяснений (в том смысле, который был придан этому термину автором книги) человеческих поступков, хотя, разумеется, должное внимание следует уделять и их непредвиденным последствиям. Необходимо проводить различие между данными естественных наук и данными социальных исследований. Для естественнонаучного знания комплексы коллективов представляют собой данность, индивидуумы же подразумеваются или постулируются и наделяются теми особенностями, которые необходимы для того, чтобы стало возможным объяснение комплексов. В социальных исследованиях, однако, картина обратная: здесь индивидуумы даны, а объединяющие их социальные комплексы - нет, т.к. они должны подразумеваться или конструироваться. Однако история, по мнению автора, пусть даже в качестве социального исследования, не ограничена одними лишь поисками рациональных объяснений, и даже когда она обращается к особенностям или моделям рационального поведения людей, она не замыкается лишь в рассмотрении сформулированных этими людьми соображений. Далее, несмотря на обилие социальных псевдозаконов и неприменимость подлинных социальных законов к рациональным объяснениям, ничто не свидетельствует в пользу того, что таких законов вообще не существует.

Другая разновидность методологического индивидуализма предполагает, что подлинные объяснения должны базироваться

на "индивидуальной психологии (например, на выявлении инстинктов, присущих человечеству как таковому, или на социальных инвариантах законов индивидуальной человеческой природы). Здесь также цель социального исследования полагается в объяснении коллективных деяний как результатов поступков отдельных индивидуумов; в данном случае, по мнению автора, упускается из виду социальная ситуация индивидуумов.

Исторический материализм предполагает, что автономный политический, культурный и религиозный процессы должны истолковываться в свете конфликтов между экономическими классами. Признавая, что во многих случаях такой подход является оправданием, автор вместе с тем указывает на то общепринятое в марксизме уточнение, что культурная надстройка может оказывать обратное влияние на экономический базис. Плеханов даже "до известной степени" отрицал, что развитие идеологической надстройки возможно в полном объеме предсказать на основе знания ее экономического базиса, ибо ее характер всегда отчасти обусловлен предшествовавшей идеологией. Более того, он "пытался" проводить различие между материалистической концепцией истории и "экономическим материализмом или детерминизмом". По мнению автора, "история, ссылающаяся исключительно на экономические (каузальные) факторы, была бы столь же неправомерной абстракцией, как и любая другая односторонняя история" (с.176). Сами "истинность и значение" марксистской диалектики представляются ему "в высшей степени сомнительными". Обилие в данном разделе главы пристрастной критики, направленной против марксизма, позволяет охарактеризовать собственную позицию автора как анти-марксистскую.

"Традиционным поводом к сомнениям в объективности истории служит противоречие между ее стремлением к тому, чтобы быть целиком основанной на фактах, и наличием оценочных суждений в трудах историков" (с.189). Указанное противоречие, однако, может быть в значительной мере снято выяснением того, в сколь узком смысле история должна иметь чисто

фактологический, ценностно нейтральный характер. С точки зрения автора, абсолютная ценностная нейтральность в истории недостижима уже в силу теоретико-логической неосуществимости полностью оценочно нейтральной терминологии; но для профессиональных историков остается возможность придерживаться в значительной мере независимой от ценностей объективности.

Одной из разновидностей ценностных суждений являются суждения моральные. Автор считает, что было бы ошибочным позитивистски требовать их полного исключения из истории. Моральная ответственность есть достояние отдельных индивидуумов и не может быть достоянием коллектива. Однако внимание историков в неменьшей мере обращено и на социальное, в частности социальную ситуацию, обусловившую те или иные поступки индивидуума. Однако распространение моральных суждений на социальные соответствовало бы преувеличению значения личности и ее поступков, "что неприемлемо даже в традиционной политической истории и еще менее приемлемо за ее пределами" (с.201). Сами моральные стандарты, на основании которых выносятся суждения об исторических личностях, необходимо должны быть моральными стандартами самих этих личностей. Пусть историк не сомневается в абсолютной и вечной непреложности своих моральных критериев; он не имеет права пользоваться ими при вынесении оценочных суждений. Достижение подобной самоотреченности тем труднее, чем более дурными или нелепыми представляются моральные установки исторического лица.

К области ценностных суждений относятся также эстетические и религиозные суждения. При всем разнообразии и противоречивости эстетических концепций в данном случае можно удовлетвориться тем, чтобы в качестве типично эстетических рассматривать ценностные суждения, объектом которых являются произведения искусства. Данный подход предполагает уже то различие между моральным и эстетическим, что "в от-

ношении первого все мы являемся практиками, тогда как в отношении второго большинство из нас являются лишь наблюдателями" (с.207). Таким образом, позиция "эстетика" оказывается более конгениальной, нежели позиция "моралиста". Моралист склонен судить о людях прошлого на основании своих собственных стандартов, эстетик же видит свою задачу не столько в оценке произведений искусства прошлого посредством своих собственных стандартов, сколько в том, чтобы в самих этих произведениях распознать различные ценностные слои. Последнее не означает, разумеется, что, следуя ему, мы непременно окажемся в состоянии оценить произведения искусства прошлого точно так же, как это было свойственно их современникам; однако, чем больше мы узнаем о том, как они были созданы, о целях, которым они служили, тем более объективную оценку можем мы им дать в наших терминах.

Религиозные суждения в их ценностном аспекте отличаются от моральных и эстетических тем, что в наше время личные религиозные убеждения историка не входят как нечто само собой разумеющееся в состав его инструментария. В какой же мере неверующий историк должен считаться компетентным в вопросах, касающихся религиозных ценностей? По мнению автора, было бы неправомерным говорить о принципиальной невозможности "понять" религию прошлого. Недостаток воображения, в том числе религиозного воображения, может затруднить разработку гипотезы, но объективные требования к проверке гипотезы с точки зрения очевидности одинаковы как для религиозно, так и для атеистически настроенных историков.

Заключительный раздел посвящен рассмотрению концепций прогресса и регресса в истории. По мнению автора, до тех пор, пока рассмотрению подлежат географически ограниченные пространства и незначительные периоды времени, речь еще может идти о каком-нибудь прогрессе или регрессе, однако было бы бессмысленным применять эти категории к историческим процессам в целом: единственная возможность здесь - это субъективный выбор между оптимизмом и пессимизмом.

КОНСТИТУЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО

The constitution of the historical past. -
Middletown, 1977. - 157 p. -
History a. theory; vol.16, N 4.

Приложение к Международному журналу "Теория и история" за 1977 г., посвященное выявлению составных элементов исторического прошлого, начинается статьей П.Ноуэлл-Смита (Йоркский университет, Онтарио, Канада) "Конструктивистская теория истории".

Задача статьи - изложение и критика конструктивизма в исторических исследованиях, в основном в трудах Р.Коллингвуда и Л.Голдштейна¹⁾, которых он определяет как родоначальников этого направления.

Теорию конструктивизма Ноуэлл-Смит сопоставляет с реалистической концепцией, указывая на их различия, а также отмечая общие черты. Ноуэлл-Смит хочет "спасти методологию конструктивизма от ее философской концепции, которая мешает принятию его историками, несклонными занимать крайнюю идеалистическую позицию" (с.2).

¹⁾ Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. - М., 1980.

Goldstein L.J. Historical knowing. - L., 1976.

В противоположность "реалистическому" подходу, цель которого состоит в раскрытии того, что действительно случилось в прошлом во времени и пространстве (с.1), конструктивизм утверждает истинность обоснованных доказательств и концепций историков-аналитиков. Историк-конструктивист исходит из документов в широком смысле слова, рассматривая связанные с ними и потому известные ему события прошлого и их суть. Эти документы побуждают его не только ставить проблемы, но и конструировать теории, решающие эти проблемы.

Методологической основой конструктивизма является проведение резкого различия между свидетельствами очевидцев и доказательствами, применяемыми историком в целях решения проблем, необходимо поставленных этими свидетельствами и документами. Свидетельства очевидцев никогда не могут быть все-таки сильным авторитетом для историка, который должен видеть в них лишь одно из доказательств. Он может извлекать из них лишь то, что представляется ему "абсолютно точным, открывая факты, давно забытые, и вещи, которые никто никогда не знал" (с.3).

Так как события прошлого недоступны наблюдению современного историка, историография, по идее конструктивизма, - чисто интеллектуальная дисциплина, в которой перцепция не играет роли, исключая перцепции документов, Убедительность утверждений историков различна, утверждает Голдстайн. Некоторые их доказательства и тезисы настолько обоснованы, что было бы безумием сомневаться в правильности построенных ими теорий. Другие - только гипотезы.

Борьба с реализмом у конструктивистов возникает, когда они переходят за пределы методологии. С философской точки зрения они расходятся радикально лишь с крайними реалистами, во многом сближаясь с умеренными реалистами. Для конструктивистов в основе неприемлем тезис крайнего реализма, согласно которому пробным камнем исторической истины является непосредственность наблюдения над изучаемыми явлениями. Историческое прошлое, считает Голдстайн, - не реальное

прошлое, оно продукт интеллекта и никогда не может быть познано путем непосредственного знакомства с ним. "За невозможностью контролировать наши теории путем наблюдений мы принуждены работать с тем, что имеется в нашем распоряжении... Историки не открывают ничего в прошлом, они конструируют" (с.6-7).

Ноуэлл-Смит отвергает тезис Голдстайна о радикальном различии в вопросе об истинности при изучении прошлого и настоящего. Далеко не все исследуемое историком в современном ему мире доступно прямому наблюдению. При исследовании современности также очень сложен вопрос об идентичности личности и событий описаниям и интерпретации историков, о тождестве вымысла и фактов.

Для обоснования своего анализа конструктивизма и, в частности, критики идей Голдстайна автор останавливается на следующих вопросах исторического знания: прошлое и настоящее; наблюдение видимых фактов и проникновение в их инфраструктуру; метод проверки в истории и истина; разногласия в исторических исследованиях; методы познания и историческое знание.

Леон Голдстайн (профессор университета штата Нью-Йорк) в статье "История и первичность знания" отвечает на критику Ноуэлл-Смита. Голдстайн возражает против того, что именно он был создателем термина и теории конструктивизма в историческом знании. Он утверждает тезис о первичности знания, а не реалий "в историческом познании" (с.30). Нельзя отвергать существование в прошлом Вселенной, людей и вещей. Полностью неприемлемы "представления о творческой способности людей создавать прошлое, подобное силе бога, творящего мир из ничего" (с.30). "Но я не реалист, - пишет Голдстайн, - так как реализм не способен определить, что такое мир природы и социальный мир, в котором мы живем. Говорить, что при правильном рассуждении ученого мир действительно таков, каким он его представляет, значит не прибавить ничего к познанию мира. "Реализм - философия трусости" (с.31).

Признание первичности познания над реальностью "не означает ухода от действительности; это значит утверждение значения и необходимости четкого методологического подхода к ее исследованию при помощи имеющихся в нашем распоряжении средств ее познания" (с.31).

Теория познания историка, его методология не может быть независимой от его философской концепции. Поэтому не нужно, как этого требует Ноуэлл-Смит, "спасать конструктивизм от ассоциации с философской концепцией. Нельзя базировать теорию исторического познания на выводах исключительно эмпирических дисциплин" (с.29).

Чем отличается ценность и роль свидетельств очевидцев описываемых исторических событий и заключение историков? Свидетельство очевидца – повод для его исследования, первая стадия в изучении события. Реальное прошлое в его точности недоступно изучению историка, так как он имеет дело только с описанием очевидцев. "Историческое знание поэтому не имеет прямого доступа к прошлому" (с.33). В этом радикальное различие между познанием действительности и историческим знанием, различие между его эпистемологией и методологией" (с.33).

Принцип первичности знания в историческом познании требует нерушимого соблюдения правильности методов изучения прошлого. Историк, проверяющий правильность тезисов и выводов другого историка, обязан тщательно исследовать и глубоко понять его методологию, помнить, что пробным камнем исторического исследования является не адекватность его описания, а именно способы и методы его подхода к историческим свидетельствам. "Процесс познания исторического прошлого всегда должен оставаться конструктивным" (с.35).

У.Уолш (профессор Эдинбургского университета) посвящает статью проблеме "истины и факта в истории" (с.53). Необходимость философской постановки этой проблемы вызывается отсутствием для историков непосредственного доступа к наблюдению над фактами прошлого, невозможностью проверки их

путем анализа полностью и никогда "непогрешимых свидетельств и документов прошлого" (с.53). Поэтому неприемлема "теория корреспондентности", считающая критерием исторической истины соответствие выводов и заключений историков фактам прошлого.

Более убедительна "теория когерентности" (согласованности), утверждающая, что исторические факты "не столько открываются, сколько выводятся" в ходе развертывания аргументации историка. Вопрос о том, является ли какой-либо факт прошлого подлинным, истинным, "решается на основании того, может ли ученый установить его соответствие с другими, им уже установленными выводами и заключениями, не нарушая их в чрезмерной степени... Истина устанавливается путем ее согласования" (с.54).

Конечно, выводы ученого должны считаться со свидетельствами и документами прошлого; при этом всегда нужно помнить, что они не представляют собой нечто фиксированное, законченное, неоспоримое с точки зрения подлинности придаваемого им смысла и значения. Пытаясь восстановить прошлое на базе свидетельских показаний, мы не в коем случае не должны думать "о приспособлении наших конструкций к ним как "независимым" фактам" (с.54). Необходимо проникнуть во взаимосвязь многообразных явлений и событий прошлого и дать серию суждений, связанных одно с другим.

Подробно излагается и критически анализируется концепция исторического познания Л.Голдстайна и ее критика Н.Нозэллом-Смитом. Уолш защищает философскую позицию Голдстайна, отмечая, что Голдстайн впервые выделил и стремился решить многие проблемы, касающиеся "непознанного" в философии истории; он стимулирует дальнейшее проникновение в вопросы философии истории, вносит большой вклад в ее развитие. В частности, отмечается его утверждение о конституировании историком событий прошлого на основе свидетельств, о конституировании структуры прошлого, состояния дел, о его внимании к историческому объяснению.

М.В.Резцова

МАККАЛЛОХ К.
СВЯЗЬ МЕЖДУ СОБЫТИЯМИ И КЛАССИФИКАЦИЯ В ИСТОРИИ
McCULLACH C.B.

Colligation and classification in history. -
History a. theory,
Middletown, 1978, vol.17, N 3, p.267-284.

К.Маккаллох (Австралия) ставит задачу определить роль установления связи между историческими событиями для исследования исторических процессов. Исходным пунктом его статьи является изложение основных идей У.Уолша, работы которого он рассматривает как величайший вклад в "аналитическую философию истории" (с.267).

Согласно Уолшу, есть только один плодотворный путь понимания и объяснения исторических событий, и этот путь отличается от методологии исследования явлений природы. В то время как в естествознании факты "объясняются" методом их классификации и подведения под законы причинности, "историки ищут вскрытия внутренних отношений между предшествующими и последующими событиями, которые должны быть объяснены" (с.267). Применяемые при этом историками термины Уолш называет коллигационными.

В основе исторических перемен лежат, утверждает Уолш, идеи и ценности, их обуславливающие. Когда эти идеи и ценности вытекают из общего целеустремленного плана - коллигационный метод объяснения происходящих процессов носит телеоло-

гический характер. Если же эти идеи выражают группу событий, не связанных с планом, а представляют собой лишь совокупность ценностей и принципов, то объяснение их может быть только "полутелеологическим" (с.267), т.е. историк должен установить соотношение событий с этими ценностями и принципами. Примером периодов и движений, принадлежащих к этой категории, являются: эпоха Просвещения, романтизм, эпоха реформ в Англии XIX в., возникновение монополистического капитализма и многие другие.

Единство исторических процессов создается лишь при условии наличия уникального комплекса идей и ценностей, лежащих в их основе; процесс исторических изменений, объясняемый методом установления между ними связи, всегда уникален. Английскую промышленную революцию, романтизм Уолш называет особыми комплексами, конкретной универсалией (с.268). Оно единственно, а не универсально. События, из которых состоят эти процессы, являются конкретным выражением "уникальных идей" (с.268).

Именно из утверждаемой Уолшем уникальности многих исторических процессов вытекает невозможность применять к ним метод классификации. Уолш часто отождествляет метод коллигации с методом объяснения, рассматривая его как форму интерпретации. Он связывает этот метод и с обобщением, предупреждая, однако, иногда об опасности чрезмерного сближения и, значит, искажения этих понятий и терминов (с.271).

Принимая теорию Уолша в целом, автор рассматривает проблемы коллигации на примере таких понятий, как революция и Просвещение. По мнению автора, коллигация есть форма классификации исторических событий, так как ее понятия имеют всеобщий характер для группы событий, вовлекаемых в исследование.

М.В.Резцова

РОТЕНШТРАЙХ Н. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА.
ИССЛЕДОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

ROTENSTREICH N.

Theory and practice. An essay in human
intentionalities. The Hague: Nijhoff, 1977. -
VII, 239 p. - (The van Leer Jerusalem found. ser.).

Книга состоит из двух частей.

В качестве исходной позиции автор предлагает принять представление о том, что мышление и действие являются двумя различными возможными способами отношения к миру в истории человечества.

Исследование развития этих понятий начинается рассмотрением греческой философии, послужившей истоком идейной проблематики, а также самой терминологии, укоренившейся затем в европейской культуре. Греческое слово "теория" восходит к корню "теорео" - "видеть", "смотреть"; этот смысл сохраняется в производных словах европейских языков (ср. умозрение). Как в досократовской философии, так и в учениях Платона и Аристотеля проявляется еще один оттенок значения, присущий слову "теория", - момент человеческой активности, сознательной интенциональности, или направленности к определенному объекту.

Согласно Аристотелю, деятельность в теоретической сфере есть видение, или теория; деятельность в практической сфере – это собственно (благое) действие, а деятельность в "поэтической" сфере – творчество, то есть создание новых предметов (ремесло). В то же время три эти области различаются по типу знания, присущего каждой из них. Так, в теоретической области такое знание – это наука, в области этического действия – осмотрительность, а в "поэтической" области – умение, или способность. Что же касается цели, которая достигается в каждой из этих сфер, то для теоретической такой целью является блаженство (непрерывно сопровождающее высший тип мышления), в сфере этического действия это праведная жизнь, а в "поэтической" сфере – благополучие.

По всей вероятности, именно противопоставление вечности и изменчивости в системе Аристотеля привело греческого мыслителя к различению теоретической и практической сфер, в каждой из которых присутствует, однако, элемент знания, а последнее, в свою очередь, всегда сопряжено с достижением цели. При этом Аристотель отстаивал преимущество познавательного элемента как с операциональной, так и с телеологической точки зрения. В аристотелевом учении четко проследивается различие между теорией, с одной стороны, и этическим или "поэтическим" действием – с другой, поскольку, по мнению греческого философа, теория не может вмешиваться в процесс творения – она лишь созерцает его. Однако, "несмотря на различие между знанием и действием, существует общая область знания, внутри которой и проходит различие теории, этического и "поэтического" действия" (с.18). В телеологическом аспекте теория и сфера этического действия сходны, так как сами составляют свою цель.

Далее показывается, что основные идеи средневековой философии, связанные с концепциями теории и практики, были почерпнуты из греческой философии, прежде всего как раз из системы Аристотеля. Вместе с тем для средневековой философии

фии характерна волюнтаристическая тенденция; подчеркивание примата волевой стороны представляло по существу реакцию на прежнее преувеличение роли интеллекта. Соотношение между теоретическим, практическим знанием и искусством в основном повторяет аристотелеву схему с той лишь разницей, что преимущество теперь получает этическое действие.

Характерное для средневековья понимание взаимоотношений теории и практики, с его акцентом на волевом компоненте в противоположность познавательному, претерпевает значительные изменения в учении Ф.Бэкона. В его системе была сделана сознательная попытка отождествить практическое действие, направленное к достижению блага, с "поэсисом", имеющим целью благополучие, следовательно, носящим этический характер. "В отличие от Аристотеля Бэкон говорит о пользе не в связи с удовлетворением определенных человеческих потребностей, скажем, потребности в жилище, но в связи с широкой сферой познания природы" (с.36). Так достигается внутренняя гармония и единство различных сфер знания.

Непосредственно от рассмотрения концепции Бэкона Н.Ротенштрайх переходит к учению Канта, изложенному в главе IV "Разум и его осуществление". С точки зрения Канта, как область опыта, так и область теоретического знания нейтральны по отношению к этике. Теоретические положения предстают, таким образом, просто как описательные предложения, определяющие, что относится к объекту, а что нет.

Кант, следуя классической традиции, вводит в сферу этики интеллектуальный элемент, таким образом не сводя ее лишь к волевому компоненту или к принятию решения. Однако такая общность на интеллектуальном уровне отнюдь не означает для него тождества знания и этики. Вместе с тем он не сводит, подобно Бэкону, эмпирическое знание к одному только функциональному аспекту. В эмпирическом познании немецкий философ подчеркивает прежде всего момент действия, которое не направлено на жестко детерминированные результаты, но представля-

ет собой как бы спонтанную активность, суть которой состоит в возможности знания. Именно поэтому Кант не соединяет с познанием природы обязательное господство над ней; такое познание не нуждается в каком-то дополнительном оправдании, оно само по себе уже является целью (с.48-49).

Радикальное изменение, внесенное Кантом в философскую традицию, касалось прежде всего выдвигания на первое место не теории или умозрения, но этической сферы. Кант "связал теорию с эмпирическим знанием, поднял спекуляцию над этим знанием и обосновал ее связь с чистым разумом, поместив созерцание в область, которую оно не занимало прежде, - в область художественного восприятия" (с.55).

В системе Гегеля разделение мира на эмпирическое и вне-эмпирическое исчезает. Мир познаваем во всей своей целостности, ибо сам он есть только проявление познающего разума. Так обосновывается преимущество спекуляций по сравнению с отдельным знанием и отдельным (в том числе и этическим) действием.

"Поскольку Гегель полагает, что существует творческий, спонтанный разум, который находит себе воплощение в реальности как целостности, нет необходимости обеспечивать актуализацию разума созданием (отдельной) этической области. То, что Кант приписывает разуму в этической сфере, Гегель приписывает разуму в спекулятивной. Спекуляция лежит вне и выше как теории, так и практики" (с.69).

По мнению автора книги, в учении К.Маркса соединяются кантова концепция актуализации разума с представлением Гегеля о том, что разум находит себе выражение в определенных исторически сложившихся институтах. Таким образом, Маркс вслед за Гегелем пытается придать конкретность представлению о единстве теории и практики, причем место, занимаемое в гегелевской системе спекуляций, у Маркса отведено истории.

Концепция практики у Маркса опирается на "реальное поведение в рамках социальных отношений, связанных с материально-

экономическими условиями жизни людей" (с.79). Практика имеет преимущество перед теорией, поскольку она не только создает наличные социальные отношения, но и определяет в конечном счете, какими должны быть эти отношения. Маркс "отождествляет... теорию с сетью (абстрактного) мышления, а практику - с деятельностью, а также с действительностью, в которой мы действуем" (с.80). Автор книги делает вывод, что Маркс сводит практику ко всей совокупности исторического развития; осуществление главной цели - изменения мира - возможно только достижением единства теории и практики в области практического действия, а отнюдь не благодаря изменениям сознания.

По мнению Н.Ротенштрайха, в учении Маркса явственно прослеживаются две тенденции: первая отстаивает единство теории и практики, как это было принято в общем русле классической традиции, причем это единство находит себе выражение в истории; вторая тенденция подчеркивает превосходство практической позиции как в материальном, так и во временном аспекте. Именно последняя тенденция, как считает автор книги, получила развитие в популярном толковании марксизма.

В заключительной главе первой части книги Н.Ротенштрайх рассматривает прагматические доктрины, прежде всего на примере учений Пирса и Дьюи. Как отмечает автор, "теория в прагматизме связана с отношением к таким концептуальным системам, которые направлены к достижению определенных результатов, а также с выведением важных заключений и (определением) отношения человека к их источнику" (с.84). Если в марксизме значение практики связано прежде всего с действием внутри истории и с ее пересозданием, то прагматизм соотносит практику с достижением конкретных человеческих целей, меняющихся в зависимости от наличных условий. По мнению Пирса, мышление обладает лишь потенциальным существованием, при этом движение некоторой теоретической системы от потенции к реализации вовсе не подразумевает применение мышления к эмпирическим данным.

С точки зрения прагматизма будущие события возникают в качестве некоторых значений внутри определенной интеллектуальной системы, иначе говоря, более не проследивается различие между самой этой системой и событиями, с которыми она соотносится. "Такое отношение к будущему, взятое в аспекте как мышления, так и поведения, приводит Пирса к заключению о том, что логика, этика и эстетика производны от единой нормативной науки" (с.87).

Пирс в своем учении пытался сочетать внутреннее развитие интеллектуальной системы, связанное с движением от потенциального к актуальному, с внешним моментом – значимостью человеческого поведения. Исходя из такого допущения, можно утверждать, что Дьюи сделал акцент именно на человеческом поведении. Определенные следствия, по мнению Дьюи, и являются содержанием совершаемого действия; таким образом, этическое содержание действия оценивается исключительно по достигнутым результатам. Знание в его системе перестает быть целью само по себе; оно утратило былую этическую ценность и значимо лишь в той мере, в какой реализуется в результатах поведения. Знание сведено, по существу, к простому умению или степени господства человека над своим окружением.

Завершая рассмотрение прагматических учений, Н.Ротенштрайх пишет, что сама теория здесь понимается как практика – благодаря постоянному подчеркиванию ее операциональной активности; более того, теория и существует только ради практики, направленной, в свою очередь, на господство над окружающей средой. Теория не имеет теперь отношения к вечности; она связана с изменчивыми объектами, но сама по себе такая изменчивость ведет к внутреннему расширению и обогащению теории.

Как видим, в прагматизме существенно меняется значение традиционных терминов теории и практики. Именно поэтому данное учение сыграло, по мнению автора, такую важную роль в развитии новейшей философской тенденции рассматривать теорию в качестве гипотезы.

В конце первой части своей работы Н.Ротенштрайх подводит некоторые итоги исторического развития концепций теории и практики в европейской философии. Он отмечает, что в целом теория в ней, как правило, противопоставляется эмпирическим данным, получающим адекватное и всеобъемлющее объяснение именно с ее помощью. В конечном итоге теория предстает здесь как общая совокупность гипотез, могущая получить опытную проверку.

Однако перед любой теорией такого рода рано или поздно встает проблема интерпретации – как часть общей концепции применения теории к эмпирическим данным. Сами по себе эти данные не выводятся из теории, но представляют собой результат наблюдения. Таким образом, противостояние по существу имеет место не между теорией и практикой, но между теорией и данными наблюдения. Иными словами, обсуждая сущность теории, мы волей-неволей все время остаемся в рамках мышления и в рамках проблемы познания как проблемы применения неких условных постулатов к данным наблюдения. Тогда выражения, характеризующие определенные "теоретические сущности", имеют смысл лишь в рамках данной теории, а теория, в свою очередь, сводится к интерпретации этих сущностей, описываемых ее собственным языком.

Согласно концепции теоретического знания, преобладающей в нынешней методологии науки, можно дать лишь некоторую характеристику системы условных постулатов, применяемых к данным наблюдения, но отнюдь не характеристику особой сущности знания по сравнению с его объектами. "Концепция теоретических сущностей или теоретических выражений более не имеет дела с объектами, предстоящими знанию. Она всецело занята выявлением внутренней структуры знания или же внутренней структуры системы гипотез, которая самовластна в своей собственной сфере" (с.94).

Как пишет Н.Ротенштрайх во второй – главной – части своей работы, которая озаглавлена "Понимание и деятельность", целью его исследования является обнаружение нового значения

понятия теории. Для этого автор прежде всего пытается определить сущность термина "понимание", или "постижение".

Отмечая, что практика возникает из определенного отношения деятеля к миру, он утверждает, что такое отношение, составляющее основу единства теории и практики, отмечено особой характеристикой - позицией "понимания". Всякий агент действия, вступающий в некоторые отношения с миром, достигает этого внутри "понимания" и посредством него. Как пишет Н.Ротенштрайх, "к этой широкой сфере постижения относится также теория в классическом смысле этого слова, равно как и основной метод современной науки - метод конструирования, благодаря которому отдельное впечатление теряет свою изолированность и получает смысл и определенное место в сознании и опыте" (с.106).

Необходимо лишь сделать оговорку, что уже сам факт того, что обсуждаемая область является именно областью понимания, препятствует действительному видению предмета, к которому относится понимание, в качестве чего-то просто данного. В европейской философии известны два подхода к сущности постижения.

Если в системах платоновского толка считается, что человек в процессе познания способен выявить действительную сущность и значение самого объекта, то, согласно учению Канта, познание предстает как непрерывное конструирование смыслов внутри себя самого и с помощью своего собственного методологического аппарата.

Автор подчеркивает, что два возможных подхода к раскрытию действительной сущности познания, которое предстанет либо как теория (умозрение), либо как система методов, зависят в конечном счете от того, какой полагается природа самого постигаемого мира. "Мир, рациональный сам по себе, дает нам возможность (построения) теории; нерациональный мир или же по крайней мере мир, рациональность которого нам недоступна, требует наложения методологических приемов" (с.113).

Вместе с тем в обеих системах познанию отводится более высокое место по сравнению с постигаемыми объектами. Как ни парадоксально, одним из проявлений этого превосходства является сознание наличия познавательных границ. Однако подобное самосознание теории уже не может достигаться ее собственными методами, саморефлексия теории лежит вне ее границ; то же самое справедливо и для функционального познания по кантовому образцу.

Таким образом, познание как таковое, какова бы ни была его природа, отлично от специфических методов, посредством которых оно воплощается в качественных определениях. Само познание схватывается рефлексией, открывающей внутренние различия, изначально ему присущие: различия между познаваемым как таковым и его объектами.

Если в системах платоновского типа задача рефлексии сводится к различению отдельных идей и установлению соответствий между чувственными вещами и идеями, то, с точки зрения Канта, в системе которого признается фундаментальное различие между познанием и чувственностью, задача состоит в том, чтобы найти переход (в кантовской терминологии – синтез) между двумя этими областями.

"В той мере, в какой познавательный акт сопровождается абстрагированием, уводящим его от постигаемого объекта, он обладает также конкретностью, ибо абстрагирование – это способ отношения к содержанию объекта, содержанию, которое придает познанию конкретность" (с.123). Согласно Н.Ротенштрайху, абстрагирование – это в буквальном смысле слова познавательно-дискурсивная деятельность, которая реализуется в постоянном движении интенциональности от конкретного к абстрактному и наоборот.

В самом познании и акте различия проявляются при ближайшем рассмотрении два аспекта, несводимых к чисто функциональному методу: во-первых, сознание интенциональности (направленности) абстрактного к конкретному и, во-вторых, сознание того, что постижение как таковое не исчерпывается этой

направленностью. Оба эти аспекта, по мнению Н.Ротенштрайха, схватываются исключительно "видением", то есть чисто теоретической деятельностью. Таким образом, во всякой функциональной системе присутствуют некие предельные элементы познания, несводимые к самой этой системе. Постигание статуса этих элементов и постижение изначальных, существенных отношений между ними является познанием особого рода; оно отличается от чисто функционального понимания, сводящегося к поиску систем отношений в соответствии с набором методов или гипотез. К такому роду познания приложимо классическое понятие "теории", или рефлексии.

Далее Н.Ротенштрайх пытается предложить собственный метод выделения "теоретических отношений" как таковых внутри широкого спектра прочих отношений. Попытка эта делается в соответствии с современным представлением о мире, в котором в отличие от традиционного мировоззрения не существует более онтологических гарантий реальности или рациональности содержания нашего познания.

Для этого выделяется ряд так называемых "не-производных" понятий, не обладающих вместе с тем онтологическим статусом вечности, как это предполагалось в классической философии. В качестве примера рассматривается содержание понятий "мир", "человек" и "время".

Понятие мира, по его мнению, представляет собой крайний предел возможного рассуждения. Подобно тому, как существует особый род постижения, необходимо сопровождающий все отдельные акты познания, существует и мир, являющийся полной целокупностью значащих вещей и актов познания, мир, как предельный горизонт этого познания. "Содержание понятия мира связано с содержаниями определенных понятий и вместе с тем отделено от них; это как бы трансцендентность внутри имманентности, или же такая трансцендентность, которая вечно разрывает оковы имманентности" (с.136).

Далее рассматривается содержание понятия "человек". Природа его не может быть отделена от понятия "времени", по-

сколько человек – это существо, сущность которого не сводима к некоторому набору раз и навсегда данных качеств. Человек как вечно открытое единство обладает особым измерением именно в нем акты познания сочетаются с саморефлексией. Человек неисчерпаем не потому, что он по природе своей нерацонален; "человек – это вечно растущее единство в своих собственных определенных границах, поскольку посредством синтеза он относит себя к набору отношений и к своему собственному внутреннему единству, постепенно вырастая и изменяясь с этой деятельностью" (с.143).

Понятие времени, по мнению Н.Ротенштрайха, целиком входит в понятие мира, поскольку содержанием его служат чувственные данные, а не вечность. Автор рассматривает понятие времени как своего рода опосредующее звено между понятиями мира и человека; оно представляет собой формальную область событий как в сфере мира, так и в человеческой сфере. Подобно понятиям мира и человека, понятие времени является предельным горизонтом всякого рассуждения.

При этом важно учитывать, отмечает Н.Ротенштрайх, что с точки зрения направленности (интенциональности) познания к своим объектам эти три понятия "сферичны", т.е. образуют горизонт возможного рассуждения не с онтологической, но с смысловой стороны. Даже время не определяется в качестве онтологической или объективной реальности; единственное значение имеет тот факт, что оно обладает некоторой структурой.

Таким образом, познание выступает как интенциональный (направленный) акт, относящийся к постигаемым объектам как к своим коррелятам. Существует не только конкретная направленность познания, принимающая определенный вид в зависимости от специфики содержания данного понятия. По отношению к объектам, образующим предельный горизонт интенционального отношения постижения, мы занимаем позицию, которую уместно будет назвать теоретической.

Вместе с тем теоретическое отношение не имеет ничего общего с непосредственным знанием – интуицией, – но тесно

связано с анализом и рефлексией. "В рефлексии мы схватываем различие между объектами, находящимися на уровне отдельных качественных определений, и объектами, находящимися на уровне "сферических" значений, или горизонтов всякого понимания" (с.152).

В дальнейшем, в главе "События и действия" Н.Ротенштайн переходит к исследованию природы сознательного действия. Автор характеризует действие как "способность использовать знание ради определенной цели" (с.154). В этом смысле действие означает направленность (интенциональность) к конкретному. Иначе говоря, к сфере действия как такового относятся те действия, которые привели к изменениям в окружающей действительности, - и вместе с тем такие действия, которые сопровождаются определенным намерением или предварительным (предвосхищающим) знанием.

Деятель "вносит в реальность перспективу, которая не может быть найдена в самой этой реальности, - перспективу, вытекающую из его творческого отношения к действительности, перспективу обстоятельств, условия или ситуации" (с.158). Всякое сознательное действие ведет к достижению некоторого результата, будь то волевое решение, как в этическом акте, или же новое упорядочение окружающей действительности, как это происходит в "технологическом" действии.

Одним из ключевых положений является представление о первичности теоретической сферы по сравнению с практической, "первичности", которая, однако, никоим образом не сводится к ее преимуществу или преобладанию. Теория и практика в одинаковой мере связаны с общим интенциональным отношением, предполагающим наличие всеобщей природы сознания. Хотя теория в каком-то смысле ближе стоит к сущности сознания, она может лишь различать определенные объекты, уже присутствующие в мире, и потому она обладает меньшей насыщенностью отношения к миру, чем практика. Данный анализ не содержит в скрытом виде никакого ценностного суждения, он лишь указыва-

ет на некоторую "первичность" элементов, присущих теории. "Практика обладает первичностью факта, теория - первичностью с точки зрения содержания" (с.164).

Теоретическая позиция - это позиция по преимуществу различающая, ибо она основана на отличии познания от его объектов. Природа же практической сферы и ее внутренняя логика основаны на иных законах. Сознательное действие здесь синтетично уже в самом своем истоке, поскольку оно соединяет акт с его значением, придает смысл определенной части реальности или же направляет этот акт к достижению конкретных результатов. "Основной анализ познания как теоретической позиции является исходным пунктом и условием практической позиции как позиции синтеза" (с.169).

Как указывает Н.Ротенштрайх, "предвосхищение" в данном случае является всеобщим отношением познания к времени и к будущему как времени, лежащему за пределами данного мгновения или проекта, - иначе говоря, к возможности, реализуемой во времени. В этом смысле понятие "предвосхищения", предложенное автором книги и связанное с практической сферой, является более широким, чем известное экзистенциалистское понятие "заброшенности".

В отличие от предвосхищения "планирование" определяется как познавательное отношение, в которое человек вступает ради совершения определенного действия. Теория нейтральна по отношению к тем или иным объектам, планирование же предполагает наличие некоторых предпочтений. Такое различие между нейтральностью теории и предпочтениями практики проливает свет на некоторые "большие" философские проблемы нашего времени. "Вопросы, которые обычно называют экзистенциальными, - это вопросы, относящиеся к смыслу мира, к тому, соответствует ли он нашим ожиданиям и велики ли шансы на осуществление этих ожиданий" (с.178). Традиционно признаваемая важность этих вопросов обусловлена глубоко укоренившей-

ся склонностью придавать большее значение практической сфере, а не действительным отношениям теории и практики.

Взгляды автора на взаимоотношение этих сфер находят себе ясное выражение в его анализе концепции этического действия. Всякое действие основано на предвосхищении будущего, причем такое предвосхищение является по существу допрактическим отношением, которое затем сопровождает действие и сообщает ему внутреннюю структуру. Этическое же действие отличается от действия как такового тем, что оно направляется некоторым принципом – оправданием данного действия и источником предпочтения со стороны деятеля.

Опосредующим звеном между сферами этики и теории служит понятие человеческой ответственности. Допущение наличия такой ответственности означает вместе с тем принятие представления о последовательном движении времени и его необратимости. Таким образом, понятие "человек" необходимо включено в саму структуру этического действия как ее активный элемент; понятия же времени и мира являются лишь неизбежными коррелятивами такого действия.

Внутри отношения ответственности обнаруживается отношение деятеля к самому себе, которое состоит в сознательном присвоении деятелем своего действия. Этическая сфера соотносится не только с направленностью действия, но также и со статусом деятеля, поскольку этический императив связан с возможностями предпочтения, открытыми перед человеком как деятелем. Это статус человека, который судит себя, и, следовательно, статус человека рефлексии.

Вместе с тем любое действие, включая этическое, происходит в определенной эмпирической действительности. Это значит, что поведение должно как-то согласовываться с некоторыми наличными материальными условиями. Но для того чтобы принять в расчет эмпирические условия, необходимо знание. Следовательно, в основе любого этического определения лежит познавательный аспект. По мнению Н. Ротенштрайха, познание,

позволяющее предугадывать направление деятельности, всегда предшествует волевому порыву.

Таким образом, постижение является необходимым элементом этики, однако оно не составляет ее достаточного условия. Позиция этического субъекта-деятеля отличается от позиции познающего субъекта, но вместе с тем и опирается на последнюю. С точки зрения сферы этических действий независимый статус человека как бы углубляется – он приобретает новое содержание и ценность по сравнению с теоретической областью. "Этика в своем онтологическом аспекте, – отмечает Н.Ротенштрайх, – зависит от теории, однако со стороны своего значения она наделена также независимым статусом" (с.205).

Итоговая глава книги озаглавлена "Техническое действие и технология". Возвращаясь к рассмотрению этического действия, автор указывает, что воля, выступающая его движущей силой, сама формируется в определенных наличных условиях. Вместе с тем действия могут направляться не только индивидуальной волей, но и такими стабильными образованиями (в авторской терминологии – "институтами"), как закон, государство и т.п. Именно они чаще всего определяют собой привычные способы поведения. Их преимущество и практическое удобство состоят в том, что наличие институтов избавляет от необходимости постоянно обращаться к источнику действия – конкретному субъекту с личной волей и чувством ответственности.

Иными словами, институт возникает как бы на границе между соблюдением необходимой упорядоченности поведения и формированием намерения следовать определенному образцу. Институт же не относится ни к области природы, ни к области этического действия. "Можно сказать, – пишет Н.Ротенштрайх, – что минимум того, что требует институт, – это принятие принципа принуждения, сопряженного с любым установленным порядком; оптимальное же поведение... здесь предполагает добровольное согласие с той регулярностью, которая имплицитно заложена в поведенческих образцах данного института" (с.207).

Институты являются по существу различными видами объективизации человеческой воли; с другой стороны, они налагают определенные ограничения на волю тех, кто руководствуется их указаниями. "Такое соединение объективизации и ограничения (воли) показывает, что требования, выдвигаемые институтом, не являются всеобщими, — нельзя следовать некоторым поведенческим образцам, не дав согласия на само существование института" (с.207). Следует учесть при этом, что согласие здесь является не просто волевым актом, но непосредственно связано с размышлением и взвешиванием возможных альтернатив.

Нельзя считать, однако, что такие устойчивые образования направляются волей отдельных индивидов или являются продуктами деятельности последних. Институт — всегда общественное установление, даже тогда, когда основные принципы его закладываются отдельным индивидом. Разумеется, поведение индивида коренится в его собственной воле и решениях, которые годятся для данного конкретного случая; но институт, основу которого следует искать в общественной сфере, регулирует поведение индивида извне. Институты как таковые представляют собой совокупности правил поведения, довлеющих над личностью, причем таких правил, которые не выводимы из чисто природных закономерностей.

Совершенно очевидно, отмечает автор книги, что интеллектуальная деятельность не требует такой жесткой регламентации, так как в основе ее лежит различие — способность, присущая лишь отдельно взятым индивидам. К интеллектуальной области приложимо понятие "объективности", а не "объективизации". "В теоретической сфере не существует институтов, поскольку в ней нет места отклонениям или возможности (различного) поведения" (с.209).

Единственное исключение, допускающее связь между институтами и интеллектуальной сферой, имеет историческое происхождение: есть институт, который понуждает индивида к форме

поведения, непосредственно связанной с познанием, а не с волей, – это область так называемой технологии. Опираясь на этот термин, Н.Ротенштрайх проводит различие между "техническим" действием в греческом понимании этого слова и "технологией", представление о которой сложилось значительно позже античности.

Сущность техники, или технического знания, раскрывается в трех основных аспектах. Во-первых, техника понимается тут как нечто противостоящее природе и искусственно созданное. Во-вторых, она предполагает существование предшествующего действия, то есть сам термин "техника" может обозначать как произведенную вещь, так и акт ее производства. Наконец, говоря о техническом действии, мы подразумеваем также особое умение, которое в нем проявляется и характеризует само это действие, а не его продукт. Умение – это операциональное знание, воплощенное в действии, оно зачастую не поддается передаче и не может быть четко сформулировано. Вместе с тем умение создает возможность оценки деятельности индивида и его ответственности за полученный результат. Именно эта этическая окраска технического действия наизусть утрачена в сфере технологии

С культурно-исторической точки зрения переход от техники к технологии – это переход от творчества отдельных умельцев к совокупности поведенческих образцов, в основе которых лежат точные науки, причем, чем сложнее технологическое действие, тем большую роль в нем играет теоретическое знание. Вместо прежней непосредственной связи творца со своим изделием мы обнаруживаем в технологии общий план необходимых операций, не зависящий от воли и желания отдельных индивидов. Поэтому лишь применительно к области технологии правомерно говорить не просто о производстве вещей, но также об организации деятельности людей – планировании и распределении обязанностей. Технологическое действие не обязательно находит себе завершение в законченном материальном продукте; его итогом может быть упорядоченность и организация поведения.

В цепочке технологических отношений, где одни инструменты производят другие, весь процесс творения настолько сложен, что невозможно установить прямую связь между продуктом и его создателем. Акты творения опосредуют друг друга, и в результате возникает как бы некоторая самодостаточная, закрытая система собственно технологических отношений.

Более того, оказывается, что даже познание, предваряющее действие, невозможно без использования некоторых инструментов. Как пишет Н.Ротенштрайх, "само состояние технологии имеет познавательное значение, так как инструменты и организация деятельности, определяемые технологией, создают условия для развития методологии точных наук. Похоже, что технология должна рассматриваться не только как некоторое применение знания, но и как своего рода реализация знания в инструментах и поведенческих образцах" (с.215).

Такая самодостаточность технологической сферы отнюдь не является результатом какого-то этического решения; она вытекает из внутренних тенденций развития технологии. Интересно также отметить, что, если техника в традиционном смысле слова пеклась об удовлетворении человеческих потребностей, технология постоянно озабочена поисками новых потребностей. При этом все потенции, которые обнаруживаются в технологической сфере, толкуются как прямое побуждение к воплощению, и даже само это истолкование обусловлено внутренним ритмом развития технологии.

Как отмечает Н.Ротенштрайх, существует близкая аналогия между общественными институтами и областью технологии. Жесткая регламентация освобождает человека от бремени принятия решений, технология же освобождает его от бремени творчества.

Вместе с тем технология создает и средства для более легкого достижения намеченных целей; одним из них, в частности, становится господство над природой. Наконец, в сфере технологии существует тенденция к равноправию и слиянию функционального аспекта производства с эстетическим.

Можно сказать, что технология как бы создает новые слои или уровни над природной данностью, используя для этого материалы самой природы и ее законы. "Следовательно... технологическое действие – это всегда вмешательство, поскольку оно навязывает естественному порядку вещей телеологический ритм" (с.221). Когда точные науки перестали быть телеологичными по своему характеру и стали опираться на знание причин, иначе говоря, когда природа стала рассматриваться не как область достижения целей, но как система функциональных закономерностей, человек более не мог рассчитывать на то, что его цели будут осуществляться в природе сами по себе, спонтанно. "Причинность природы выступила теперь как вызов и возможность реализации человеческих целей... с использованием при этом **ее же** законов" (с.222).

С другой стороны, применимость этической оценки к сфере технологии объясняется тем, что сама эта область в конечном счете основывается на человеческих поступках. Человек же, по мнению автора книги, всегда может рассматриваться как "сферическая" сущность со стороны своей всеобщности и, следовательно, этически. Наконец, развитие технологии может рассматриваться с точки зрения достигнутых результатов, то есть поучить опять-таки этическую оценку.

Таким образом, с точки зрения технологии человек рассматривается не как творец, но лишь как существо, уже включенное в технологические отношения. Однако даже в этой области человек вступает в отношение не просто с каким-то узким участком реальности – происходит постоянное распространение технологических операций на все более широкую область. Аналогично и с точки зрения самой природы в ней не существует препятствий сознательному вмешательству человека в мир, привнесению им смыслов в простую совокупность эмпирических данных. Технологическая точка зрения – это позитивизм, не допускающий существования каких-либо незыблемых аксиом, признающий лишь временное, неполное операциональное познание.

Подобно техническому, технологическое действие также непосредственно связано со временем; однако отношение предвосхищения в области технологии имеет более широкое и всеобъемлющее значение. "Технологическое действие сопровождается сознанием значения этого действия во времени, сознанием непостоянства любого технологического достижения" (с.227). Следовательно, технологическая культура – это культура, ориентированная на будущее как совокупность еще не осуществленных возможностей. Вмешиваясь в обычный ход природных явлений, человек открыт миру и времени, что делает его зависимым от последних. Наконец, одной из характеристик человека в технологической сфере является способность к рефлексии. Создавая дистанцию между субъектом и объектом, между человеком и реальностью вообще, рефлексия служит человеку проводником среди множества поведенческих образцов, предлагаемых различными институтами.

Подводя итоги рассмотрения технологической сферы, Н.Ротенштрайх разбирает специфику связи между технологией и собственно познанием. Разумеется, технология опирается на открытия точных наук, однако вместе с тем существует и обратная зависимость. Аналогичные отношения связывают технологию с социальной организацией общества.

Признавая, что технология обеспечивает человеку господство над природой, мы подчеркиваем тем самым ее связь с познанием; считая же эту сферу продуктом человеческой деятельности, мы привносим сюда этическое отношение, включающее элемент выбора или решения. "Возможность двойного отношения человека к технологии отражает двойственную природу самой технологии, – природного явления и вместе с тем человеческого института" (с.231). Сохраняя связь с областями природы и этики, технология в отличие от техники представляет как независимая сфера, наделенная своими собственными характеристиками. Выявление этих характеристик только и может служить свидетельством открытости философского рассуждения, приспособляющегося к переменам окружающей действительности и человеческой истории.

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ И ДЕЙСТВИЕ

Philosophy of history and action : Papers pres. at the 1st Jerusalem philos. encounter, Dec.1974 / Ed. by Yovel Y. - Dordrecht etc. : Reidel ; Jerusalem : Magnes press : Hebrew univ., 1978. - XI,243 p. - (Philos. studies ser. in philosophy ; Vol.11). - Текст на англ., нем. и фр. яз.

Сборник посвящен актуальным проблемам философско-исторического исследования. Каплан в статье "Историческая интерпретация" указывает, что история должна быть основана на объективном фундаменте исторических фактов. "Хотя считается, что факты сами говорят о себе, историку все же необходимо представлять, что такое факты" (с.28).

Основная трудность состоит в том, что исторический материал, которым оперирует исследователь, "расположен в плоскости настоящего", тогда как предмет исследования принадлежит прошлому.

Однако верно не только то, что прошлое проясняет настоящее, но также и то, что настоящее способно бросать новый свет на прошлое. "Историческая интерпретация в этом смысле состоит в том, что исторические реликты рассматриваются как следы некоторых событий; их содержание выводится или конструируется из данных. Такая интерпретация включает в явное определение исторического факта" (с.29).

Историк не просто фиксирует события; он реконструирует их ход; при этом факты интерпретируются так, что они образуют взаимосвязь событий. Этот второй смысл исторической интерпретации является основным при определении задач историка. "Мы можем судить о фактах только на основе каузальных связей между событиями и их следами" (с.30).

Трудность такого понимания исторической интерпретации состоит в том, что знание каузальных зависимостей между событиями и их следами, которое позволяет историку истолковывать первые как исторические факты, еще недостаточно для того, чтобы понимать эти факты как элементы некоторого исторического повествования.

Историческое повествование придает значение событиям, связывая их с другими событиями, но не обязательно подчиняет их общим законам. Например, "историк может рассказать о том, какие события послужили поводом или причиной данной войны, даже не имея представления о том, как вообще говоря начинаются войны" (с.31).

"Представление отдельных событий как частных проявлений общих законов – это следующий тип исторической интерпретации, который можно назвать историческим анализом, нашедшим наиболее полное выражение в работах историков, стоящих на позициях марксизма-ленинизма" (с.31). Это сближает историю с науками о природе, однако связано с некоторыми специфическими трудностями: 1) особое место случая в истории; 2) концепцию исторических законов, предполагаемых историческим анализом, иногда ошибочно связывают с доктриной исторической предопределенности.

Четвертый тип интерпретации представляет исторические события в свете целенаправленных человеческих действий; его можно назвать историческим воспроизведением. Такие философы, как Б.Кроче или Р.Коллингвуд, допускали только этот вид интерпретации, поскольку считали, что исторические события всегда являются выражениями человеческих целей. Здесь тоже

имеется ряд затруднений: 1) "круг в интерпретации", когда некоторые действия интерпретируются как выражения определенных идей, а затем эти цели привлекаются для объяснения этих же действий; 2) действия не всегда являются умышленными, осознанными или преднамеренными, оставаясь при этом целенаправленными. Когда же в любом целенаправленном действии усматривают мотивы или другие признаки сознательного формирования этого действия, то это приводит к своего рода мифологии. Это не вызывает возражения, только если за этими холистскими понятиями государства, народа, разума, самой истории стоит эмпирический материал, деперсонализирующий их и позволяющий рассматривать целенаправленность их действий в функциональном, а не мотивационном смысле. Если исторические цели истолковываются в духе религиозной философии истории, они превращаются в некоторые символы, которые историк должен расшифровать. Историческая интерпретация тогда превращается в вид герменевтики.

Различные типы исторической интерпретации связаны с различными формами исторического объяснения. "Мы объясняем события, открывая их причины, представляя их как частные случаи общих законов или раскрывая цели, которым они служат" (с.35).

Гуманистическая роль исторической интерпретации состоит в том, что она не только связывает прошлое с настоящим, удовлетворяя наши познавательные потребности, но и связывает историю с будущим. Персонаж одной из пьес Б.Шоу Теодот взмолился к Цезарю, упрасывая его погасить пожар в Александрийской библиотеке, поскольку горит память человечества. Ответ Цезаря гласил: "Позорная память, пусть она сгорит! Однако более позорно позволить памяти погибнуть; ибо как же мы тогда сможем надеяться на наступление менее постыдного времени?" (с.36-37).

Н.Ротенштрайх в статье "Исторические действия и исторические события" проводит традиционное различие между де-

яниями прошлого и историей деяний прошлого. Он считает, что феноменологические характеристики неотъемлемы от данных истории. Автор задает вопрос — являются ли деяния прошлого событиями или действиями или же они не причастны ни тому ни другому.

Следуя древнегреческой и средневековой традиции, автор производит разделение между действиями, соотносящимися с субъектом действия, и действиями, результат которых независим от него. Действие, понимаемое с точки зрения его самоотносимости, становится знанием об объекте постольку, поскольку оно дает осознание объекта или помещает объект в область рассмотрения познающего субъекта. Необходимо различать агента, или субъекта, действия, и действие, или активность, с той, однако, оговоркой, что при тщательном рассмотрении подобное различие может показаться проблематичным.

Однако в истории трудно отделить субъекта действия от его свершений, тем более трудно различить действие и помысел, отыскать проявление помысла в том или ином совершенном действии. Вопрос о том, сводится ли изучение истории к изучению событий или действий, должен быть сформулирован по-иному: приемлемы ли для истории те или иные описания тех или иных действий?

История как деяния прошлого является направленным вперед действием, разрушающим результаты уже случившихся предшествующих действий. История как описание деяний прошлого является попыткой рассмотрения событий в качестве результатов действия либо попыткой отыскания причинной или герменевтической взаимосвязи между событиями-описаниями и наблюдениями и событиями как результатами действий. Итак, историческое действие, как активность, предполагает события, тогда как историческое описание предполагает действия, более того, события историчны постольку, поскольку предполагаемые действия имели место в прошлом и не могут быть

почерпнуты из опыта настоящего. Настоящее – это средоточие действий; в то же время в нем хранятся и события, являющиеся отправной точкой для исследований. "События не случаются в настоящем, их ход может быть прослежен от настоящего к прошлому..." (с.82).

История – это поле деятельности, а не подробное изложение какого-либо содержания. Поэтому на вопрос, что является историчным, а что нет, следует отвечать не с точки зрения внутреннего содержания события или действия, а с точки зрения их места, положения или воздействия. Более того, история как поле деятельности, а не как содержание, является процессом вовлечения, интеграции действий или событий, имеющих уже сложившееся, устойчивое содержание в движении, и приводит к непрерывным самоизменениям внутри этих действий и событий. Под постоянным содержанием событий или действий в истории имеются в виду научные события, политические действия, технология и т.д.

Исторические события являются таковыми постольку, поскольку они оказывают влияние, сравнимое с радиацией, как благотворное, так и злокачественное или нейтральное. Таким образом, признание важности последствий тех или иных событий, с одной стороны, а также вывод о том, что события не имеют субстанциального содержания – с другой, приводят к заключению, что главной оценкой события является его воздействие. В свою очередь, эта оценка должна быть рассмотрена с точки зрения самой природы воздействия – прогрессивного или отрицательного для последующих поколений.

Некоторые философы, которых Е.Вайнриб в статье "Описание действий и их место в истории" называет последователями Р.Коллингвуда, считают, что объектами исторического исследования являются не просто события, а скорее человеческие действия. Если согласиться с таким мнением, то возникает вопрос, "отличаются ли по существу описание и объяснение действий от описания и объяснения событий, не являю-

щихся действиями, и каким образом предполагаемые отличительные характеристики описаний и объяснений человеческих действий влияют на работу историка" (с.97).

Язык, который употребляется при описании человеческих действий, обладает свойством, которое автор вслед за Дж.Файнбергом, называет "эффектом гармошки" – термины, обозначающие действие, то сужают, то расширяют свое значение в зависимости от целей описания. Чтобы уточнить, каким правилам подчиняется эта "гармошка" значения, следует воспользоваться терминологией фон Райта, который различает результат действия и следствие действия. Например, результат "открывания окна" – открытое окно, следствие этого действия – скажем, изменение температуры в комнате.

Эффект "гармошки" описывается правилами языка, когда в одном случае растягиваются меха "гармошки" значения, а в другом – сдавливаются.

Существуют ли пределы растягивания и сжатия? Принято считать, что во втором случае такой предел имеется. Существуют такие действия, результаты которых не являются следствиями других действий, и существуют такие действия, которых мы не совершаем, когда делаем что-либо иное. Такие действия называют "базисными" или "исходными". Что касается "растягивания", то здесь, по-видимому, предела нет. Но всегда ли можно, растянув "гармошку значения", утверждать, что мы получим то же самое действие, но описанное другой дискрипцией?

"Неинтенциональные следствия суть не что иное, как эффекты результатов (по терминологии фон Райта) интенциональных действий. Но они не могут быть описаны как результаты действий, иначе сами эти действия были бы интенциональными, а интенциональность есть необходимое условие для того, чтобы нечто было действием" (с.106). Таким образом, "можно говорить о некоторых событиях, что они являются действиями при одних описаниях и просто событиями при других

описаниях... Некоторые дискрипции могут описывать ряд событий как интенциональные действия, в то время как другие дискрипции, описывающие более длинный ряд событий, представляют их просто как процессы. Это различие не является чисто терминологическим" (с.106).

События или последовательность событий являются действиями только при определенных описаниях. Если это верно, то из того, что предметом исторического исследования являются действия людей, не следует, что историки обязаны всегда использовать описания действий (с.106-107).

Поскольку действия исторических персонажей можно называть действиями только тогда, когда они рассматриваются как интенциональные, постольку историк, описывая исторические события, не должен забывать об этом и приписывать действующим лицам своего повествования действий, которых они не совершали. С другой стороны, эффект "гармошки" иногда играет эвристическую роль в историческом исследовании, когда историк показывает, что исторический персонаж, совершивший какие-либо действия, на деле совершал нечто другое.

Таким образом, заключает автор, "анализ понятия "описание действия" вместе с некоторыми соображениями о природе истории и общих целях исторического исследования говорит не в пользу крайностей концепции Коллингвуда.

И. Йовел считает, что конфликт между рационализмом и историзмом наиболее ярко проявился в системе Канта (статья "Кант и история разума"), поскольку тот впервые отверг платоновское рассмотрение разума и разработал систематическую основу для исторического его изучения. Кант, усматривая природу чистого разума в его становлении, выводит концепцию истории разума, по сути являющейся рациональной (или трансцендентальной), а не эмпирической. Позже Гегель рассматривает в своей системе историческое развитие как ста-

новление разума рационального субъекта, но уже в более отчетливой форме и с помощью диалектической логики. "Однако концепция истории разума полностью принадлежит Канту" (с.116).

В общих чертах кантовская концепция выражена: 1) в виде разума, творящего мир, и 2) в истории становления процесса самооткрытия разумом самого себя. Первый аспект является по преимуществу практическим, и в этом смысле рациональная история представляет собой бесконечный процесс движения к бесконечно отдаленным целям и идеалам актуального мира. Второй аспект по преимуществу теоретичен (причем сюда включается и теория морали), так как в своем движении человеческий разум проявляет собственную скрытую парадигму, выявляя свои сущностные концепции, принципы и интересы.

И. Йовел считает, что при анализе концепции истории разума у Канта необходимо рассмотрение имеющихся внутри его системы антиномий, прежде всего "исторической антиномии" и "проблемы исторического схематизма". Первая связана с кантовской теорией времени. Так, разум для того, чтобы быть историчным, должен воплощаться, находить свое выражение в актуальном времени. Однако время, согласно трансцендентальной эстетике Канта, является не более чем формой интуиции, вообще несоотносимой с разумом, а только с чувственными данными, которые оформляются в категориях рассудка. Концепция исторического разума явно несовместима с его теорией времени. Несмотря на это, автор подчеркивает, что обе теории равно необходимы в рамках системы Канта.

Трудность, связанная с проблемой исторического схематизма, представляет собой скорее непреодолимый дуализм, нежели антиномию. Поскольку Кант вынужден был принять неэмпирическую историю разума, он не смог показать ее отношение к материальной, чувственной истории. В самом деле, разум, будучи конечным и связанным с мыслящим субъектом,

оперирует "в" и "посредством" эмпирических данных, каждое из которых действует в мире опыта. Таким образом, Кант не дает удовлетворительного ответа на вопрос о том, каким образом возможно перейти от истории разума к эмпирической истории.

В.Н.Порус

В.И.Шамшурин

ШАМШУРИН В.И.
ДВА НАПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ
КРИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ
(Научно-аналитический обзор)

В современной философии истории обсуждаются в основном два главных вопроса. Первый касается теории объяснения с помощью всеобщих законов и ее применения к историческому процессу. Второй, менее связанный с одной, отчетливо выраженной теорией, рассматривает, насколько структура исторического прошлого обусловлена теми понятиями, которые историк привносит в интерпретацию исследуемой им исторической действительности. По мнению многих современных специалистов в области философии истории, первый вопрос характерен для субстанциональной или спекулятивной философии истории, а второй, более поздний — для критической или аналитической. Впервые подобное различие выдвинули в 50-х годах В.Дрэй (4) и В.Уолш (9) — признанные авторитеты в области методологии исторического познания, видные представители критической философии истории.

Оба автора различают два значения в довольно сложном понятии "история": спекулятивная философия истории есть философия о действительных причинах исторических событий и их закономерностях, тогда как критическая философия исто-

рии рассматривает, каким образом историки приходят к тем или иным заключениям об этих причинах. В первом типе философии истории, являющейся, по их мнению, частью метафизики, изучается развитие исторического процесса. Второй тип связан с пониманием или оценками процессов исторического познания и является отраслью эпистемологии.

Уолш и Дрэй используют термины "спекулятивная" и "критическая"; другие авторы, А.Данто (3), например, — "субстантивная" и "аналитическая" философия истории. Однако следует отметить, что все эти термины обозначают не только проблемы, стоящие перед исследователем, но и методы, которыми он руководствуется в своем творчестве, направленном на получение нового знания о прошлом.

Хотя сам термин — "критическая философия" истории — впервые был введен У.Уолшем в 1951 г. (9), ее проблематика имеет давнюю историю. Известно, что начиная с XIX в. существовало много попыток превратить историю в "точную" науку посредством соединения ее с идеями позитивизма (С.Милль, Г.Спенсер). Однако уже в конце XIX в. эта тенденция столкнулась с обратной реакцией, которая обычно ассоциируется с именами Дильтея и Виндельбанда, Риккерта и Кроче, М.Вебера, Э.Кассирера, Л.Витгенштейна и особенно — Р.Коллингвуда, во многом определившего основные положения современной критической философии истории.

Само зарождение этой традиции оказалось непосредственным образом связанным с антипозитивистской реакцией на кризис буржуазного рационализма, объективизма и натурализма, отрицающих роль субъективного фактора в истории.

В последнее время эта традиция нашла свое отражение в трудах В.Дрэя, В.Уолша, И.Берлина, Н.Ротенштрайха, Р.Аткинсона, Л.Минка, школы "интеллектуальной" истории США, М.Мандельсбаума, Л.Голдстайна и многих других представителей современной англоязычной философии истории. Основной стержень этой реакции составляли идеи Р.Коллингвуда о том, что метод

и цели исторического познания отличны от методов и целей познания естественнонаучного: первое занято пониманием частного, конкретного, уникального, ценностного в мыслях и поступках людей (по определению В.Виндельбанда, а позже — М.Мандельбаума — "идиографический" метод), тогда как второе — пониманием общего, повторяющегося, законообразного в явлениях природы, которые тоже могут быть рассмотрены как конкретные и уникальные, но ни в коем случае не персонафицированные ("номотетический" метод).

В нашу задачу входит рассмотрение современной англо-американской философии истории на примере двух ее основных и характерных представителей — М.Мандельбаума (6) и Л.Голдстейна (5), характерных, на наш взгляд, потому, что и в их творчестве наиболее отчетливо отражаются две, во многом противоположные точки зрения, два подхода к одному и тому же вопросу: каким образом в критической философии истории следует рассматривать основную область ее исследования — "историю истории" (по выражению Р.Коллингвуда — это "история второго порядка"). Другими словами, как нужно исследовать изучение истории как специальной формы познания. Для Мандельбаума характерно тяготение в этом вопросе к объективно-реалистической точке зрения спекулятивной философии истории (особенно на раннем этапе его творчества), с позиций которой он и критикует теорию "исторического релятивизма" в сочетании с типичным для критической философии истории стремлением к субъективному истолкованию исторической действительности, целиком будто бы обусловленной мыслительной деятельностью историка-исследователя. Так, Мандельбаум довольно непоследовательно разделяет историческое познание на две области, в одной из которых объективное знание возможно ("общая история"), а в другой — нет ("специальная история"). Что касается Л.Голдстейна, то его взгляды более последовательны. В вопросах исторического познания, целиком и полностью разделяя точку зрения Коллингвуда, согласно ко-

торой всякая история — это история сознания, т.е. его самопознание и, следовательно, — воспроизведение мыслей прошлого, заключенных в контексте мыслей настоящего, он подходит к изучению прошлого как к "конструированию".

Морис Манделъбаум — не просто глава современной англо-американской философии истории; он ее старейший представитель. В самом деле, само возникновение критической философии истории может быть датировано начиная с публикации им книги "Проблема исторического познания" (8), 1938 г. (название ее подзаголовка — "Ответ релятивизму"). Действительно, проблема исторического познания была в то время предметом дискуссий и в Европе, и в США. В книге рассматривались различные формы релятивизма, различного рода аргументы — за и против него. В основной части книги предлагалась разработанная автором защита возможности исторического познания.

Теперь, сорок лет спустя, Манделъбаум вернулся к рассмотрению той же или почти той же проблемы в книге "Анатомия исторического познания" (6). В 1938 г. Манделъбаум не мог даже найти подходящее название для своей работы: он называл ее "методологией", поскольку "философия истории" означала для него в то время попытку "интерпретировать значение или важность исторического процесса как целое" (8, с.305) — то, что сейчас бы называлось "спекулятивной философией истории". В общем же дискуссии последних сорока лет не изменили взглядов Манделъбаума на историю и историческое познание каким-либо существенным образом; более того, он усилил свои основные положения, четко очертил позиции своих противников, а также сменил некоторые акценты. Современный релятивизм, к примеру, уделяет особое внимание положению, согласно которому главным в исследовании историка являются его теоретические принципы, а не его "ценности", и Манделъбаум перестраивает свою защиту исторической объективности в соответствии с этой новой тематикой.

Другим важным изменением является то, что если "Проблема исторического познания" (8) отталкивалась в своих теоретических построениях от "истории как таковой", то "Анатомия исторического познания" (6) согласна с тем, что цели и виды исторических исследований (но не их предмет и методология) очень разнообразны. В соответствии с этим, оставая в качестве двух главных пунктов собственной теории исторического познания проблемы исторической причинности и возможности исторической объективности, Мандельбаум довольно осторожно высказывается о совершенно различном в различных типах истории применении собственных выводов по этим вопросам.

Мандельбаум различает три типа структур, свойственных историческим высказываниям; любая же историческая работа может использовать несколько из них. Последовательная история — традиционный тип — прослеживает изменения предмета исследования во времени. Объясняющая история характеризует ситуацию и исследует причины ее возникновения, все более углубляясь в прошлое. Истолковывающая история изображает те взаимоотношения между культурой общества и ее институтами, которые характеризуют особенность места и времени, т.е. эпоху. Вытекающим из этой классификации выводом является еще большее, чем в первой книге, разделение типов истории на "всеобщие" и "специальные". Это простое, с первого взгляда, различие становится все более и более важным по мере развития автором своих аргументов.

Всеобщая история имеет дело с обществом или с некоторыми аспектами структуры этих обществ, такими, как политические, социальные или экономические институты, а также с развитием и изменениями в этих обществах на протяжении короткого или длинного периода времени. Специальная история имеет дело с некоторыми аспектами культуры, не обязательно одного общества. Культура, в понимании Мандельбаума, включает в себя факты творчества, идеи и различные формы пове-

дения, но никак не институты. Истории искусства, литературы, философии, религии и т.п. — все они являются видами "специальной" истории. Основой различения между всеобщими и специальными историями является то, что первые имеют дело с развивающимися и единичными, хотя и сложными сущностями — такими, как общество или социальные институты, тогда как в специальных историях рассматриваются некоторые "совокупности творческих активностей и их проявлений", не представляющих собой "актуального единичного целого", а в большей степени классифицируемых вместе только на основе "представления о предмете исследования" того или иного историка. Причем это представление является исторически преходящим в том смысле, что, какое бы оправдание ни было дано частной концепции (например, нормативному определению литературы, руководствуясь которым историк литературы решает, какие работы он будет принимать во внимание, а какие нет), это оправдание с необходимостью будет основано на положениях, противоположных положениям независимой структуры исторического исследования. Однако подобных независимых структур, по мнению Мандельбаума, в специальных историях не существует, поскольку в них не существует соответствующих объектов, кроме тех, которые не "открываются", а "конструируются" историками.

Итак, тривиальное поначалу различие между всеобщими и специальными историями перерастает в довольно сомнительный метафизический тезис.

Всеобщим историям одних и тех же обществ хотя и разрешается рассматривать различные их аспекты с точки зрения временных параметров, но в принципе предписывается точное соответствие друг другу, т.к. они должны образовывать непротиворечивое представление о действительных взаимоотношениях между событиями; специальные же истории подобным требованиям, по Мандельбауму, не отвечают.

У Мандельбаума есть две формулировки проводимого им различия между обществом и культурой. Согласно одной — это онтология социальной реальности; согласно другой — это описание, хотя и довольно тенденциозное, практики исторического исследования. В онтологическом смысле оно означает, что общества и все их составные части имеют независимое во времени существование, причем на структуры и характеристики этих обществ совершенно не влияет то, как мы их рассматриваем. Культура же, напротив, состоит из фактов творчества и действий. Эти факты и действия могут быть реальными только в том случае, если они представляют собой индивидуальные объекты или события. Тогда реальными будут и их сходства, и различия, и даже "влияния" одних творений на другие. Однако, по Мандельбауму, это не так; и факты творчества и действий не являются частями каких-либо независимо существующих структурных целостностей.

В смысле исторической практики различие между обществом и культурой не столь радикально. Историкам всеобщих историй в принципе не требуется исходный концептуальный аппарат в их работе, т.к. в этом случае "оценки историка структурированы теми взаимосвязями, которые явно прослеживаются в исследуемом им материале" (6, с. II⁷). Однако, несмотря на эту оговорку, Мандельбаум все же рассматривает, при каких условиях историк всеобщей истории может использовать обобщения выводимых им с помощью собственных познаний о человеческой сущности и других источников, руководствуясь которыми он и исследует действительность. Главным же здесь будет то, что, согласно Мандельбауму, историк всеобщей истории изучает реально представленные и существующие в действительности те или иные взаимозависимости. Историк специальной истории, напротив, должен теоретически обосновывать правомерность выбора им предмета исследования. Его концептуальный аппарат как бы привносится в изучаемую им действительность и служит своеобразным средством, с помощью которого она

упорядочивается. Итак, с помощью теоретических построений историк-специалист отсеивает все проходящее из действительности. В самой же исторической реальности эти принципы открыты быть не могут, т.к. они ей совершенно не присущи.

Даже несмотря на оговорку Мандельбаума о том, что всеобщие и специальные истории – это идеальные типы и что они взаимозависимы (6, с.132), подобное различие порождает неразрешимые вопросы вокруг неясности отношений между обществом, которое рассматривается как нечто определенное и реально существующее, и культурой, которая тоже рассматривается как нечто определенное (концептуально), но уже не как реально существующее.

Основная часть "Анатомии исторического познания" посвящена разработке теории причинности. Согласно Мандельбауму, любой анализ причинности равнозначен феноменологии восприятия, тогда как во многих случаях никакие теоретические рассуждения не могут затушевать факта восприятия нами прямой взаимосвязи между явлениями или перехода энергии. Другими словами, согласно Мандельбауму, явного разделения явлений на "причины" и "следствия" не существует. Это разделение происходит только в восприятии единого непрерывного процесса.

Подобная причинностная модель объяснения утверждает последовательные серии событий, каждое из которых, в свою очередь, является следствием предыдущего и достаточной причиной последующего. Эта абстрактная теория причинности – модель "процесс–объяснение" характерна, по Мандельбауму, и для социальных – "идиографических", и для естественнонаучных – "номотетических" дисциплин. История идиографична в том смысле, что процессы, изучаемые ею, представляют собой последовательность отдельных, определенных событий, изучать которые следует в обратном порядке – от настоящего к прошлому.

Д.Минк (7, с.220-221) следующим образом критикует логическую непоследовательность окончательных выводов М.Мандельбаума по вопросу причинности. Если правильно понимать модель "процесс-объяснение", то собственная позиция Мандельбаума по этому вопросу может быть сформулирована следующим образом: процессы не состоят из каких-либо событий, непонятным образом сгруппированных в единые и последовательные "временные целостности". Однако, если именно процессы со всеми им присущими формами единства и последовательности, и в этом смысле - процессы изменений - первичны, то события скорее указывают на то, каким образом мы более или менее произвольно рассматриваем эти процессы в нашем познании, разделяя их подобно тому, как, например, мы делим какое-нибудь расстояние на определенное количество сантиметров или дюймов, хотя оно вовсе и не состоит из них. Однако Мандельбаум не допускает, что его взгляды могут привести к подобным выводам; напротив, он пишет совершенно обратное: "События, с которыми имеет дело историк, изучая различного рода процессы, могут принадлежать к одной группе или же потому, что они являются частями этих процессов, или же потому, что они проникают в эти процессы, оказывая непосредственное воздействие на те или иные составляющие их части" (6, с.126).

Эта своеобразная и довольно противоречивая позиция Мандельбаума по поводу причинности выработана им, как уже отмечалось, в процессе полемики с историческим релятивизмом (его основоположники - американские историки Ч.Бирд и К.Беккер отрицали возможность знания о прошлом, "каким оно действительно было"), в защиту объективности всеобщих, но не специальных историй. Однако эта защита, как уже отмечалось, страдает непоследовательностью, поскольку релятивизм все-таки не изгоняется полностью из области исторического познания; напротив - если к одним его областям он не имеет никакого отношения (всеобщие истории), то другим он просто-

напросто органически присущ (специальные истории). Вместе с тем Мандельбаум совершенно не рассматривает то, каким образом он собирается отделить то или иное общество и различные его институты от их религиозных, политических, идеологических, философских и пр. функций. Следует заметить, что историческое рассмотрение подобного рода "обществ" и "институтов" представляется более чем сомнительным.

Если для М.Мандельбаума в его "Анатомии исторического познания" основными являются проблемы исторической причинности и возможности исторической объективности, то для Леоны Голдстейн в "Историческом познании" главным положением является то, что "история является полноправной с эпистемологической точки зрения дисциплиной, заслуживающей серьезного изучения на основе ее собственных терминов" (5, с. XI). Голдстейн считает, что эпистемологии следует начинать собственные исследования или же использовать в качестве данных "проторенные пути, на которых достигается познание" (5, с. XV). История есть не что иное, как определенный способ получения знания, и именно поэтому эпистемология должна ее изучать. Для этого, согласно Голдстейну, следует отказаться от навязывания истории чуждых ей критериев познания, критериев, заимствованных из других, внешних по отношению к истории областей. Именно такого рода навязыванием, по Голдстейну, занимается многие современные философы истории. Применяя к истории критерий, будто бы присущий познанию вообще, согласно которому мы можем иметь знание только о непосредственных объектах, данных нам в восприятие, они приходят к "историческому реализму", характерному для "онтологического направления" в философии, т.е. к спекулятивной философии истории. "Исторический реализм – это "точка зрения, согласно которой реальное прошлое в том виде, в каком оно в свое время существовало, является тем краеугольным камнем, отталкиваясь от которого можно говорить об истинности или ложности продуктов исторического конструирования" (5, с. XXIII).

По признанию самого Голдстейна, этот термин заимствован им из феноменологии.

Это положение о соответствии истины предмету познания, согласно Голдстейну, неприемлемо для истории. Большое место в книге как раз и занимают полемические замечания автора по поводу недопустимости сверхисторических критериев исследования в историческом познании.

Голдстейн утверждает, что, анализируя историческое познание, мы анализируем не результаты исторических исследований, скажем, литературные источники, а то, как историк приходит к утверждению истинности своих положений. Историческим знанием становится не потому, что оно имеет определенную структуру или значение — как это утверждает Мандельбаум при рассмотрении "всеобщих" историй, а потому, что оно исторически выводится. Именно в этом смысле говорит Голдстейн о конструировании (по его словам — "конституировании") прошлого с помощью данных действительности; причем разнообразный исторический материал может быть скомпонован в виде действительности самыми разнообразными способами. Для объяснения этой, доступной нам действительности (а только такая, по Голдстейну, действительность и может быть нам доступна) могут привлекаться самые разные, но имеющие одинаковое право на существование гипотезы. Однако сама эта действительность не может ни подтвердить, ни опровергнуть эти гипотезы, т.к. историк пишет не о том, что он видел, а о том, во что у него были веские основания поверить. Прошлое, понимаемое как интеллектуальная конструкция, созданная на основе материала действительности, в философском смысле схоже с теориями косвенного подтверждения в физике. Однако данное сравнение естественных наук и истории, согласно Голдстейну, указывает не на сходство их подходов к разрешению проблем эпистемологии, а на различие, поскольку каждой из них следует проводить собственные систематические исследования в этой области (5, с. XXVII).

Именно исходя из основного положения Голдстейна о том, что "рассмотрение реальности прошлого не входит в сферу интересов критической философии истории" (5, с. XX), и следует, на наш взгляд, рассматривать другие, аналогичные тем, которые интересуют Мандельбаума, аспекты его методологии исторического познания: проблему объективности, исторического факта, причинности и т.п. Все эти проблемы имеют значение только в том случае, если прошлое расценивается не как "реальное прошлое", а как "результат мыслительной деятельности, и поэтому оно не может быть рассмотрено непосредственно" (5, с. 38).

В свете этих идей Голдстейн и рассматривает природу исторического факта, которая в философии истории, по его мнению, раскрывается двояко: 1) в "реалистическом направлении" и 2) в "методологическом направлении". "Исторические реалисты" рассматривают факт как некую непосредственную данность и помещают его в строго фиксированное место - "историческое прошлое", оставляя без внимания все те процедуры, благодаря которым этот факт только и может быть известен (5, с. 73). Голдстейн рассматривает "реалистическое направление" на примере Ланглуа и Сеньобоса, целью которых было описание изолированных исторических феноменов-фактов с помощью критического извлечения их из документов. Их девиз: "Факт извлекается непосредственно из документа" (2, с. 154).

"Методологическое направление" рассматривается на примере концепции исторического факта Мароу, согласно которой факты конструируются на основе анализа источника. Цель историка - обобщение и интерпретирование фактов.

Можно заметить, что идеи "методологического направления", сторонником которого, без сомнения, является и сам Голдстейн, очень схожи с его положениями о методологическом конструировании фактов исторической действительности с помощью концептуального аппарата историка-исследователя.

Однако Голдстейн не ограничивается тем, что признает первичность мыслительно-конструирующей деятельности историка по отношению к области его исследований. Он задается вопросом, а чем, собственно, конституирована сама эта конструирующая деятельность? В этом отношении интересна его теория о чувстве "перспективы" в исторических исследованиях. Благодаря этому чувству, пишет Голдстейн, историк способен не только критически истолковывать историческую действительность, вскрывать различного рода несоответствия в показаниях исторических свидетелей, опровергать мнимую очевидность, но и, что более интересно и плодотворно с методологической точки зрения, анализировать сам мыслительный процесс историка или исторического очевидца, его концептуальный аппарат, благодаря которому было получено ложное историческое свидетельство. Подобного рода интеллектуальные процедуры, заключает Голдстейн, были различными в различные исторические эпохи. А раз так, то для достижения объективного исторического познания прежде всего необходимо изучение того, как и почему люди были способны получать именно такие, а не иные исторические сведения; точнее говоря, каковы были процедуры получения исторических сведений в различные исторические эпохи (5, с.130-137). Только ответив на эти и подобные им вопросы, исследователь может переходить к рассмотрению таких проблем исторического познания, как его объективность, природа исторического факта и пр.

В заключение хочется сделать следующие выводы. Для методологии исторического познания Мандельбаума характерно нормативно-дескриптивное исследование теоретических процедур концептуального аппарата историка-исследователя. В самом деле, Мандельбаум как бы предписывает, что должен и чего не должен делать историк для достижения объективного, т.е. общезначимого с формально-логической точки зрения знания, внутренне согласованного и единого, которое может быть получено при исследовании тоже объективной (на этот раз

Мандельбаум имеет в виду третье значение этого термина – "независимой") исторической действительности (всеобщие истории). Если исторические реальности субъективны, то исследователь может делать все, что угодно, т.к. знание о них не может удовлетворять требованиям общезначимости, т.е. быть объективным для всех тогда, когда оно значимо только для одного. Только на таких условиях Мандельбаум признает право на существование подобного рода знаний (специальные истории).

Анализируя концептуальный аппарат историка-исследователя в рамках той же традиции критической философии истории, к которой принадлежит и Мандельбаум, Голдстейн, вслед за Коллингвудом, подходит к этой проблеме совершенно иначе. Прежде всего он стремится выяснить: как возможна сама творческая активность исследователя, направленная на изучение (согласно Голдстейну – конституирование) фактов изучаемой им исторической действительности. Другими словами, для Голдстейна, как, впрочем, и для Коллингвуда, историческим фактом являются сами исторические процедуры концептуального аппарата историков, очевидцев, принадлежащих различным культурным традициям и историческим эпохам. Для этой методологии исторического познания характерно, особенно на примере творчества Коллингвуда, "умение сжато, связано, ясно и впечатляюще выразить смысл идеи, проследить этапы ее развития в хаосе хронологической последовательности различных точек зрения..." (I, с. 458). Методологические просчеты этой позиции заключаются в следующем: ограничение области исследования только данными сознания и в силу этого – невозможность перехода от истории разума к эмпирической истории, опасность субъективизма в истолковании исторических фактов и т.п.

Мандельбаум, в отличие от Коллингвуда и Голдстейна, не только не стремится разрешить, но и считает несущественным вопрос о взаимоотношении истории разума и эмпирической истории и не дает ему никакого – даже с позиций идеализма –

ответа. История разума им просто отрицается. Возникает парадоксальная ситуация: методология исторического познания, отрицающая значение культурных традиций, объективности духовного знания и возвеличивая безличностные структуры и взаимоотношения независимо существующих, в отрыве от собственных функций абстрактных "социальных целостностей" отрицает самое себя как проявление духовной культуры. Таким образом, в позиции Мандельбаума, в отличие от Коллингвуда и Голдстейна, менее всего можно усмотреть диалектику, развитие, становление исторического знания, сознания, его "самодвижения" — т.е. менее всего рассматривается "источник движения", обуславливающий активность сознания в процессе познания. Коллингвуд и Голдстейн, раскрывая этот вопрос с субъективно-идеалистических позиций, рассматривают сознание в его самодвижении, как самодостаточную, ничем не обусловленную сущность. Для нас, однако, важно не это; особый интерес представляет их анализ развития идей в истории, "преemptивность традиции и одновременно изменения в ее лоне, изменения, которые, накапливаясь, приводят к возникновению нового, резко отличающегося от предшествующего, но вместе с тем выношенного и возвращенного временем" (I, с. 459).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Киссель М.А. Р.Дж.Коллингвуд — историк и философ. — В кн.: Коллингвуд Р.Дж. Идея истории: Автобиография., М., 1980, с.418—460. 485 с.
2. Ланглуа Ш., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории /Пер. с франц. Серебряковой А. — СПб: Попова, 1899. — 275, II с. — (Образоват. б-ка. сер. 2; 1898, № 3/4).
3. Danto A.C. Analytical philosophy of history. — Cambridge: Univ. press, 1965. — XI, 318 p.

4. Dray W.H. Laws and explanation in history. - L.: Oxford univ. press, 1957. - 174 p. - (Oxford classical & philos.
- 5, Goldstein L.J. Historical knowing. - Austin; London: Univ. of Texas press, 1976. - XXIX, 242 p. - Bibliogr.: p.232-238.
6. Mandelbaum M. The anatomy of historical knowledge. - Baltimore; London: Johns Hopkins univ. press, 1977. - VIII, 230 p.
7. Rec.: Mink L.O. - History a. theory, Middletown, 1978, vol.17, N 2, p.220-221.
8. Mandelbaum M. The problem of historical knowledge: An answer to relativism. - N.Y.: Liveright, 1938. - X, 340 p.
9. Walsh W.H. An introduction to philosophy of history. - L. etc., 1951. - 173 p. - (Hutchinson's philosophy libr. Philosophy).

**РОТЕНШТРАЙХ Н.
ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА:
ИССЛЕДОВАНИЯ В
ОБЛАСТИ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ
ROTENSTREICH N.**

**Philosophy, history and politics: Studies
in contemporary English philosophy of history. -
The Hague: Nijhoff, 1976. - [5], 158 p. - (Melbourne
intern. philosophy ser.; Vol.1). - Bibliogr.:
p.152-153.**

Книга, посвященная рассмотрению взаимосвязи между философией, историей и политикой, композиционно представляет собой как бы четыре обособленные монографии об английских философах истории: Р.Коллингвуде, И.Берлине, М.Оэкшотте и К.Поппере.

Среди современных английских философов истории принято говорить о двух аспектах истории: истории как объекте рассмотрения и истории как способе рассмотрения объекта. Внутри "объективного" аспекта проводится различие между стремлением считать этим объектом человека и стремлением считать этим объектом исторический процесс. Внутри "субъективного" аспекта преобладает тенденция видеть основу метода в использовании индивидуальных концептов.

Воззрения Р.Г.Коллингвуда на природу истории, рассмотрению которых посвящена первая глава данной книги, едва ли могут быть охарактеризованы посредством такой классификации. Имея дело с обоими вышеупомянутыми аспектами, он не проводил четкого различия между ними.

Натан Ротенштрайх пытается показать эволюцию понимания Коллингвудом понятия "историческое". На первом этапе этой эволюции Коллингвуд понимает под объектом истории факт как таковой. Основные его характеристики: факт всегда есть факт прошлого; факт индивидуален. Познавательное отношение, адекватное такому пониманию исторического объекта, есть утверждение категорического характера. Историческое знание, как утверждающее, противоположно научному, как гипотетическому. Конструкции (гипотезы) науки указывают на разрыв познающего субъекта и познаваемого объекта и поэтому абстрактны, а не конкретны, как в историческом знании, где гипотез нет. Однако претензии на конкретность (и это второй этап эволюции теории истории Коллингвуда) разбиваются о невозможность постичь отдельный факт вне его контекста, т.е. значения, в идеале — всеобщего контекста. История, следовательно, преодолевается философией, и именно на идентичности обеих настаивает Коллингвуд. Соответственно меняется познавательное отношение: это уже не утверждение фактов, а активность в отношении субъекта к объекту (воображение). "Восприятие интерпретирует X и определяет его природу и значение, и это определение есть несомненно деятельность" (с.9).

Дальнейшее развитие идей Коллингвуда связано с перенесением исторических объектов в область человеческого. Теперь история "не имеет дела с фактами как событиями; она имеет дело с событиями как действиями, где термин "действие" должен обозначать как аспект мотивов, так и аспект результатов" (с.II). Объект истории как мышление или намерение перестает быть индивидуализированным или монадическим,

"индивиды больше не рассматриваются как последние самодостаточные сущности" (с.12). Задачей исторического познания становится открытие через результаты, действия, которое создало эти результаты (следы фактов — сами результаты — принимаются как данные). Активность субъекта означает на этом третьем этапе эволюции Коллингвуда понимание мотивов и целей, выраженных в действиях. Процесс исторического мышления оказывается однородным с историческим процессом, поскольку оба они суть процессы мышления.

Ротенштрайх исследует проблему соотношения истории и философии у Коллингвуда. Она возникает у Коллингвуда вследствие того, что он добавил к формам духа, рассматриваемым Гегелем — искусству, религии, философии, — также науку и историю. "В отличие от Гегеля Коллингвуд рассматривает историю не только в качестве субстанциального процесса разума, но и в качестве формы. Поэтому в отличие от Гегеля Коллингвуд стоит перед проблемой отношения истории и философии" (с.22).

В понимании Коллингвуда отношения этих форм разума можно выделить три этапа эволюции: 1) история не может существовать без философии (философия присутствует в трех аспектах истории: на эпистемологических допущениях, ее этических критериях и метафизических заключениях); 2) философия невозможна без истории, как теория невозможна без фактов; 3) история и философия идентичны, поскольку обе эти формы духа занимают всеобщим как со стороны объекта, так и со стороны субъекта. Коллингвуд, однако, колеблется при принятии той или иной концепции их отношения. Например, "...осознав, что история не может соотноситься с тотальностью, поскольку исключает разум историка, Коллингвуд сделал вывод, что история не может быть отождествлена с философией. Неудовлетворенный этим выводом, Коллингвуд подверг сомнению предпосылку, на которой он был основан, доказывая, что история не является неререфлексивной" (с.25). Действительно,

если объект истории – мышление, то исторический факт становится рефлексивным.

В последний период творчества в результате анализа политики во взглядах на историю у Коллингвуда появляется новый момент. История не только интеллигибельна, но и разумна в себе. "Основным понятием, выражающим рациональную сущность исторического или по крайней мере политического процесса, является понятие диалектики" (с.86). "Диалектика" обозначает не только метод дискуссии, но скорее заменяет в качестве основной концепции политики понятие компромисса. "Диалектика преодолевает особенность какой-то односторонней позиции не для того, чтобы согласиться с оппонентом, но для того, чтобы заменить любую одностороннюю позицию тем, что, согласно разуму, является истинным взглядом, поскольку этот взгляд есть широкий взгляд" (с.87). Если же история недиалектична, то она становится варварской историей, а не историей цивилизации. Оппоненты в этом случае сталкиваются, чтобы победить, а не прийти к соглашению. "Отношение между противоположными принципами становится эристическим, вместо того чтобы быть диалектическим" (с.87).

А.А.Яковлев

В настоящее время философский анализ истории на Западе вполне утратил тот гегельянский ракурс, последним значительным представителем которого был Коллингвуд. Средоточием интересов философов истории стали теперь конкретные эмпирические проблемы внутри эмпирического исторического материала, а не метаморфозы духа. Разработкой конкретной проблемы предсказания и неизбежности в истории занимается И.Берлин.

Согласно Берлину, стремление к подведению исторических моделей под естественнонаучные схемы ведет к дискредитации как ненаучного всего, что не вписывается в подобный конструкт. Соответственно, функции истории как науки приписывается руководство в поисках неизменных и непреложных аспектов в потоке бытия. Историческая оценка события в силу сво-

его субъективного характера упраздняется, коль скоро для данного случая сформулирована объективная модель. Но алгоритмируемый и, следовательно, детерминированный исторический процесс исключает всякую возможность личной ответственности в истории. Последнее неприемлемо для Берлина.

Берлин четко противопоставляет безличности всеобъемлющих концепций истории личный характер интерпретации исторического процесса, допускающий индивидуальную ответственность, а единому принципу — множество целей, часто не связанных и даже противоречащих друг другу, которое, по его мнению, ближе человеческой реальности — реальности, не допускающей обобщений. Однако, выступая против гомогенности, обобщений и абстракций в истории, он не предлагает альтернативных полновесных теорий. Для него важно получить однозначный ответ на вопрос о том, допустим ли исторический (научно-исторический) подход, при котором игнорируются существенные стороны человеческой реальности как таковой.

Та мера, в какой позиция Берлина представляет собой вызов, — вызов, могущий означать философскую переориентацию вопросов, бывших до этого времени монополией экзистенциалистской мысли, — выявляется в его кратком анализе происхождения критикуемых им воззрений. По его мнению, сам вопрос об универсальной, детерминированной модели вызывает потребность стряхнуть бремя личной ответственности, освободиться от обязательства обдумывать и выносить суждения. И положительное или отрицательное его решение в различных общественных кругах имеет самые серьезные социальные последствия. Концепция неизбежности апеллирует к тому же уровню сознания, что и проложившее ей дорогу к умам стремление уклониться от ответственности. Например, фашизм заявил, что снимает ответственность с масс и перелагает ее исключительно на одно лицо, фюрера; универсальная же историческая схема отдает ее на откуп безличному, анонимному, всемогущему абсолюту.

Таким образом, Берлин провозглашает подчеркнуть "гуманистический" (т.е. в данном контексте "интуитивистски" удовлетворяемый) интерес к этике и политике. Тем не менее поиск наиболее адекватных путей здесь вынуждает его обращаться к "здравому смыслу" и эмпирическим рассмотрениям. Здравый смысл для Берлина сам является эмпирическим фактом, неотъемлемо связанным с опытом человечества, и потому не может быть отвергнутым исторической мыслью с полным основанием. Научно-историческая теория, содержащая объяснения для каждой отдельной частности, ставящая каждую деталь на ее законное место, будет насквозь антиэмпиричной, метафизической, поскольку она пренебрегает очевидностью коллективного опыта.

Другим аргументом Берлина против тотальной неизбежности является положение о том, что всякие утверждения о детерминированности хода истории должны встречать активное сопротивление, которое дополняется у Берлина отрицанием права искоренять сферу личного также и в регионе политики. "Несомненно, всякая интерпретация слова "свобода" должна включать в себя тот минимум, который я называю "негативной свободой". Необходимо должна существовать сфера, внутри которой мои устремления не тщетны" (с.109). При том, что говорится здесь о политике, нетрудно заключить, что в случае детерминированного исторического процесса не может быть и речи о "негативной свободе" и, соответственно, о личной ответственности. Трудности в политике не суть следствия воздействия безличных сил: возникают они благодаря людям, затрудняющим достижение цели.

Существование сферы негативной свободы предполагает существование сферы личного, которая, в свою очередь, коренится в человеческой природе, последнем ее прибежище. "Оперативный" смысл человеческой природы очевиден: внутри сфер с присущей им логикой бытия, историей и политикой наличествует сфера со своей собственной экзистенциальной логикой -

сфера, акцидентально определяемая самой сущностью человеческой природы. Хотя, с точки зрения Берлина, в отношении человеческой природы не может быть дано никакой формальной теории, здесь он считает допустимым указать на "одно существенное как для политики, так и для истории обстоятельство": "Поскольку, как я полагаю, человеческие цели многообразны и в принципе не все они совместимы между собой, постольку возможность конфликта - и трагедии - никогда не будет абсолютно устранена из человеческой жизни как на персональном, так и на социальном уровнях" (с.II0). Именно человеческая природа должна быть руководящим принципом политических акций.

Майкл Оэпшотт рассматривает взаимосвязь между политикой и историей в ином ракурсе. В основе его концепции лежит принцип различия между двумя подходами к проблеме прошлого: историческим и практическим. "История - это прошлое ради прошлого. Историк занимается мертвым прошлым, прошлым, не имеющим ничего общего с настоящим" (с.III). Сфера интересов историка из настоящего как области, в которой надлежит действовать, переносится в настоящее как область событий, которые надлежит объяснить. "Деятельность историка, главным образом, есть уяснение настоящих событий - того, что он имеет перед собой - как свидетельства происшедшего в прошлом" (с.II2). Таким образом, история, будучи занята исключительно прошлым, не может служить отправным пунктом для анализа сущности политики.

Подобно всякой науке, история требует непредвзятости. Соответственно, установка истории по отношению к прошлому заключается в "освобождении человечества от изначальной и почти полностью практической платформы" (с.II3). Разделение это важно не только для субъективного подхода, но означает и различие в логических установках. "Практика" и "история" суть "две логически самостоятельные сферы умозрения". Но все различия между ними, в конечном счете, сводимы к разли-

цию между наблюдением и действием. Цель истории — наблюдение, цель практики — действие. "В тех случаях, когда прошлое отыскивают в настоящем и когда прошлое расценивается просто лишь как спасение от настоящего, тогда прошлое является практическим, а не историческим прошлым. Если мы оцениваем событие прошлого лишь в его отношении к нам самим и к нашей текущей деятельности, наша позиция может быть названа "практической позицией" (с. II4), Практическая позиция есть и основа политической позиции по отношению к прошлому. "Практическое прошлое" вообще есть удел политики либо религии. В области прошлого политик одобряет все, что, по-видимому, поддерживает его политическую программу, и порицает все, что, по-видимому, ей противоречит. Позиция политика не требует теоретического объяснения тех событий, на которые он ориентируется, он мыслит исключительно практически.

В собственном смысле понятия, история не может служить основанием для политики. Однако если под связью с прошлым понимать связь с традицией, то можно сказать, что этот род связи с прошлым играет важнейшую роль в политической практике. Ибо традиция является тем элементом прошлого, который вторгается в настоящее и несет нормативную функцию.

Термин "традиция" Оэксотт употребляет для обозначения аккумулированного опыта поколений. В таком понимании концепция традиции лишена какой-либо политической окраски, но стоит дополнить его представлением о длительном, постепенном процессе, как таковая окраска возникает. В основе соотношения традиции и эволюции у Оэксотта лежит определение опыта как внеконцептуальной, практической и опирающейся на здравый смысл деятельности. Традиция, таким образом, коррелируется с "наследственностью", иначе говоря, с гармоничным соотношением прошлого, настоящего и будущего. Внеконцептуальный характер традиции как кумулятивного опыта находит свое выражение в связи, устанавливающейся между

традиционным опытом и его отдельными членами. Эта связь воплощается в обучении вообще и в политическом образовании в частности.

Для Оэксотта традиция является одновременно эмпирическим фактом и регулирующей силой, ценностью. Будучи ценностью, традиция не может без ущерба быть подвергнутой умышленному изменению. Поэтому нет ничего удивительного в том, что важнейшим пунктом кредо Оэксотта оказывается глубокое недоверие ко всякого рода утопизму, в котором "сочетание мечтательности и власти порождает тиранию" (с.120). Прагматически сопоставляя преимущества и недостатки умышленных изменений, Оэксотт делает следующий вывод: "Нововведения влекут за собой несомненные утраты и лишь вероятные достижения. Быть консерватором значит предпочитать известное неизвестному, испытанное неиспытанному, прошлое тайне, действительное возможному, ограниченное неопределенному, ближайшее отдаленному, достаток изобилию, удобство совершенству, сегодняшнюю радость утопическому блаженству" (с.121). К теоретическим рассмотрениям, в частности, относится биологическая интерпретация традиции. Следуя ей, Оэксотт приходит к тому убеждению, что "инновация тем более напоминает рост, чем менее она оказывается причиной утрат" (там же). Итак, обреченность утопии в том, что свои достижения она навязывает извне.

В качестве особой категории Оэксотт выделяет "политическую утопию", т.е. конструктивную или сконструированную модель наличного положения дел, цель которой состоит в оценке практической деятельности с надпрактической позиции. Собственно же утопическая процедура заключается в замещении практики и опыта абстракцией и теоретизированием.

Политику, "прорастающую" из традиции, Оэксотт противопоставляет "рациональному" (в социальном отношении — это планирование). В основе этого противопоставления лежит антитеза философии и традиции. Подобно философии, традиция яв-

ляется интегрирующей силой в обществе, но мировоззрение, воплощенное в традиции, ограничено пределами, обусловленными конкретным социумом; напротив, мировоззрение, воплощенное в философии, устремлено к универсальности. В пределах конкретного социума традиция обладает несомненными преимуществами над философией, ибо именно традиция прежде всего сказывается в действительном опыте. Идентифицируя философию с "рациональным", Оэксхотт противопоставление философии и традиции переводит в противопоставление традиции и рационализма. По мнению Оэксхотта, единственным правомерным родом критики здесь может быть самокритика. Наличие морального идеала предполагает наличие веры в возможность его осуществления - в этом рациональная подоплека веры в прогресс и поступательное совершенствование. Оппозиция Оэксхотта рационализму в форме претензии на разрешение политических проблем обосновывается прежде всего тем, что представление о жизни как о комплексе подлежащих разрешению проблем есть уже продукт рационализма. Но помимо тенденции к абстрактности рационализм обладает и худшей особенностью: "Родом претенциозного невежества является присущее либеральному и католическому мировоззрениям убеждение, согласно которому человек может авторитетно планировать течение общественной жизни; это предпринимается лишь теми, в ком нет уважения к людям, теми, кто желает воспользоваться ими как средством для осуществления своих честолюбивых устремлений" (с.127).

По классификации Ротенштрейха, двойственная проблематика философии истории (определенная Гегелем как возможность двух различных терминов "история" - в качестве последовательности событий и в качестве понимания этой последовательности) в истории своей собственной разработки знает два направления: классическое (объективное) направление, ориентированное на историю как на процесс, и новейшее (субъективное) направление, ориентированное на историю как на истолкование. Однако далеко не всегда возможно четко провести

это разграничение. Подобный дуализм подхода присущ трудам Карла Поппера, которому Ротенштрайх посвящает заключительную главу своей книги. В данной связи позиция Поппера находит свое выражение в его критике воззрения, согласно которому "человеческие существа увлекаются в будущее неодолимыми силами"; воззрение это он называет "историцизмом". Его теория исторического истолкования не может быть приведена в согласие с тоталитарно-холистической концепцией, утверждающей, что всякое частное изменение обязательно сказывается на характере процесса в целом. В этой концепции он видит одну из форм "эссенциализма", т.е. такого методологического подхода, при котором самая суть реальности редуцируется к методу постижения отдельных ее частей. Эссенциалистский подход предполагает, с точки зрения Поппера, наличие тотальной сущности истории, что придавало бы истории внутреннюю направленность, неумолимо подчиняющую себе человека. Историцизм неприемлем для Поппера как в моральном, так и в методологическом отношении. По его мнению, вопрос "что есть исторический процесс?" неправомерен в своей постановке, единственно реальным было бы спрашивать о том, "как происходят события?" (с.134). Моральная мотивация также отчасти связывает Поппера с "классической" традицией, учитывающей моральное содержание исторического процесса. "Классический" дух пропитывает его многочисленные доводы в пользу того, что тотальность как таковая фактически иррациональна и лишь частичное может быть представлено в качестве рационального.

Проблема Поппера – это не просто проблема "методологического номинализма", для него здесь дело заключается также в определении собственной задачи истории. как особой сферы человеческого. История – это также и понимание истории. "Оба эти предмета истории, распутывание причинно-следственных нитей и описание "акцидентального" порядка их переплетения равно необходимы, и они дополняют друг дру-

га; всякое событие, с одной стороны, может быть рассматриваемо в качестве типичного, т.е. с точки зрения его казуального истолкования, и, с другой стороны, - в качестве уникального" (с.136). "Дуализм" Поппера в его противопоставлении описания обстоятельств событий их истолкованию подтверждается также его указанием на "разделение на периоды и возникновение нового" в обществе как на "важнейшую его особенность". "Новое" - это нечто возникающее из уже существующего, в своем возникновении не связанное с ним логической необходимостью. Новое является как аспектом процесса, так и аспектом описания и истолкования того, что лежит в основе процесса.

Двойственность позиции Поппера сказалась и на других аспектах его теории, например в его подходе к проблеме исторического прогнозирования. С одной стороны, принцип предсказания оказывается вполне совместимым с концепцией истории как описательного, истолковательного знания, с другой стороны, сама возможность или невозможность исторического предсказания не может быть определена до установления его допустимости в отношении законов, объясняющих события. Предсказание может оказывать влияние на предсказанное событие. Для Поппера главное здесь не различие между двумя аспектами истории, но их взаимоувязанность: история со стороны субъекта оказывает влияние на историю вещей и событий. Это влияние препятствует возможности предсказания. Проникая в процесс, к которому относится историческое истолкование, предсказание затрудняет свое собственное осуществление.

Сходная двойственность позиции проступает также в доводе Поппера против отождествления направлений и тенденций общественной жизни с социальными законами. Законы являются универсальными положениями, они не претендуют на существование, тогда как положения, утверждающие существование тенденций, экзистенциальны, а не универсальны. Законы суть оп-

ределения соотношений, которые восприятие придает опытным данным: таким образом, собственная плоскость законов есть плоскость истолкования. О тенденциях Поппер говорит то как о реальных аспектах исторического процесса, то как об "удобных статистических выкладках".

Сходное проникновение субъективного в историю, подобное историческому прогнозированию, попутно имеет место и в "утопическом прожектёрстве", с критикой которого выступает Поппер. Используя термин "социальное проектирование" (social engineering) для обозначения "социальной активности... ради осуществления некоторой цели, сознательно использующей все виды доступного технологического знания", он проводит различие между "холистическим или утопическим социальным проектированием" и "умеренным проектированием", сторонником которого он себя заявляет. "Умеренный технолог или проектировщик признает, что лишь незначительное меньшинство социальных институтов учреждено сознательно, в то время как подавляющее большинство их образовалось в качестве спонтанных последствий человеческих поступков... Холистическое или утопическое социальное проектирование, напротив... стремится преобразовать все общество в соответствии с определенным планом или проектом" (с.139). Однако обе формы проектирования подразумевают активность исполнителей внутри объективного исторического процесса, что не вписывается в рамки истолковательного подхода.

"Умеренному" характеру реального социального планирования, согласно Попперу, должна соответствовать "умеренность" в деле написания истории. Холизм неправилен как в плоскости самого исторического процесса, так и в плоскости исторического описания и истолкования; история – это всегда история какого-либо одного аспекта. Тем не менее следует проводить различие между написанной историей и фактической историей. Написанная история подразумевает использование различных истолковательных и описательных механизмов, кото-

рые могут быть применены лишь с позиции отчужденности от истолковательного и описательного процесса. Фактическая история, напротив, далеко не всегда предполагает преднамеренные действия со стороны ее участника или участников. Таким образом, для нас достаточно очевидно, что Поппер уделяет внимание обоим аспектам, истории как процессу и истории как описанию и истолкованию. Подчас оба эти аспекта совпадают, как в случае исторического прогнозирования, подчас они параллельны, как в случае социального проектирования и написания истории. Колебания Поппера здесь являются следствием признания того, что исторический процесс обеспечивает тот запас фактов, от которого, собственно, и зависят возможности и пределы объяснения.

Вероятно, наиболее показательным у Поппера является совпадение истории как процесса и истории как объяснения в его концепции "ситуационной логики", или "логики ситуации". "Ситуация" здесь означает как бы отдельный фрагмент исторического процесса. Под ситуационной логикой подразумеваются выводы, которые человек делает исходя из конкретной ситуации. Однако такая ситуация, согласно Попперу, подчас включает в себя факторы, побуждающие человека к определенной последовательности поступков; подчас же она предполагает объяснения свидетелем поступков других людей; наконец, подчас она характеризуется как факторами, так и их объяснением.

В.П.Гарибян

УИЛКИНС Б.Т.
ОБЛАДАЕТ ЛИ ИСТОРИЯ СМЫСЛОМ? КРИТИКА
ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ ПОППЕРА

WILKINS B.T.

Has history any meaning?:

The critique of Popper's philosophy of history. - Ithaca
(N.Y.): Cornell univ. press, 1978. -

251 p.

Книга профессора Калифорнийского университета в Санта-Барбаре (США) Б.Т.Уилкинса, посвященная критическому анализу философско-исторических взглядов известного буржуазного философа и социолога Карла Поппера, состоит из четырех глав и введения.

Оценивая значение и место философии истории К.Поппера в развитии современных философских взглядов, Б.Т.Уилкинс заявляет, что "историзм Поппера" есть "признанное направление и составная часть современной философии". Поппер имеет, по его мнению, такое же важное значение для современной философии истории, как Гегель для философии истории XIX в. "Как философия истории XIX в. была в сущности все более расширенным комментарием Гегеля, - пишет он, - так современная философия истории в основном - расширенный комментарий положений, выведенных Поппером" (с.12-13).

Наиболее важный, по мнению автора, вклад К.Поппера в философию истории связан с его методом системного анализа, согласно которому событие считается объяснением, когда оно отнесено к той или иной категории общих закономерностей. История создания системного метода, отмечается в книге, еще не написана. Но, хотя отдельные элементы его можно обнаружить еще у Юма и Милля и даже у Аристотеля, значение, которое этот метод приобрел в современной философии истории, связано главным образом с именем К.Поппера, впервые всесторонне проанализировавшим его в своей книге "Логика научного открытия", а затем К.Гемпеля, обратившегося к нему в ряде статей (с.13).

По мнению Уилкинса, философия истории К.Поппера оказала значительное влияние на целый ряд новейших западных исследователей, работающих в этой области, среди которых он указывает имена В.Уолша, Джона Пэсмора, Алана Донагана и др. "Быть может, самое важное значение философии истории Поппера заключается для нас в том, — заявляет автор, — что она предстает перед нами в своих неотъемлемых связях с более общими проблемами человечества: свободы и необходимости, роли государственных институтов в научном и политическом развитии, взаимодействия моральной оценки и объективной закономерности исторического процесса" (с.14).

Говоря о своей собственной оценке философии истории Карла Поппера, автор книги отмечает, что она не является однолинейной: т.е. чисто позитивной или чисто отрицательной. Он возражает против многих положений, которые Поппер высказывает по поводу природы исторического исследования и исторических гипотез, в особенности против его тезиса о том, что существование теоретических наук об обществе и, в частности, исторической науки невозможно. Критикуя утверждение Поппера о существовании различия между историческим исследованием и наукой как таковой, Б.Т. Уилкинс разделяет в то же время его тезис о "единстве метода естественных

и общественных наук" и его дуалистическую концепцию "взаимодействия фактов и моральных стандартов". Независимо от решения вопроса – насколько верны его взгляды, заключает он далее, К.Попперу удалось создать "свою оригинальную философию истории, которая заслуживает изучения и развития" (с.12).

В первой главе книги подробно рассматривается вопрос, поставленный Поппером, – присутствует ли какой-либо смысл (иными словами, закономерность. – Реф.) в истории? Сам Поппер отвечает на него отрицательно. Раскрывая суть этого отрицания, он заявляет, что история сама по себе не имеет никаких ограничений: рамки для нее создаются нами по своему усмотрению. Иными словами, согласно Попперу, хотя история не имеет смысла, мы можем придать ей смысл. Этот тезис не может быть до конца понят без уяснения внутренней сущности антиисторизма Поппера, который во многом восходит к его кантовской позиции в области философии истории и этики.

В этой связи в главе реализуются общие точки соприкосновения и различия во взглядах Поппера и Канта на проблему закономерности в историческом процессе. Кант полагал, отмечает автор, что эта идея не отражает действительной природы исторической реальности, но тем не менее важна как регулирующая конструкция, выражающая нашу моральную ответственность за направление исторического развития и имеющая ценность в качестве организующего принципа при исследовании событий прошлого (с.20–21). Подобно Канту, Поппер отрицает, что история (исторический процесс. – Реф.), взятая как целое, познаваема. История, как некая целостность, в этом смысле вообще не может являться объектом реального опыта. Подобно Канту, Поппер утверждает также существование дуализма фактов и моральных стандартов, доказывая, что при объяснении исторического процесса создаются самими исследователями, в зависимости от их моральных установок (или стандартов), а не действительных

фактов, определенные конструкции решений, которые подгоняют этот процесс под определенные рамки (с.21).

Для раскрытия взглядов Поппера на природу исторического исследования автор считает крайне важным понимание сущности понятия "историзм" ("historicism"), введенного этим буржуазным мыслителем в свою философию истории. В своей книге "Нищета историзма" Поппер определяет это понятие как подход к исследованиям в области общественных наук, согласно которому их принципиальная цель - прогнозирование общественного развития на основе исторического метода. Оно осуществляется путем выявления определенных структур, закономерностей или тенденций, которые, по мнению исследователей - сторонников такого подхода, лежат в основе процесса исторического развития. Иронически Б.Т.Уилкинс, критикуя тезис К.Поппера об ограниченности исторического знания, отмечает: "Историзм и не должен указывать нам, куда мы движемся, ему нет надобности претендовать на разгадку истинного смысла всей истории, потому что, согласно самому Попперу, всякое историческое исследование по необходимости ограничено в определенных отношениях" (с.22).

Автор специально останавливается на критическом разборе трех основных тезисов, выдвинутых К.Поппером. Согласно первому его тезису, для историков характерен в большей мере интерес к подлинным, ярким и специфическим фактам (или событиям), чем к закономерностям и обобщениям. Соглашаясь с относительной справедливостью первой части этого наблюдения, хотя и оговаривая, что подлинные события не всегда могут быть яркими или специфическими, Уилкинс резко критикует вторую его часть. Слишком сильный акцент на исключительных и ярких событиях, взятых в качестве единственного объекта исторического исследования, может, по его мнению, привести к ослаблению или полному исчезновению интереса историков к исследовательским обобщениям, особенно к изучению причинных связей между множеством разрозненных

частных фактов, придающих им определенную целостность, становящуюся объектом исследования (с.25).

Переходя к разбору второго тезиса К.Поппера (о том, что используемые историками универсальные или общие законы банальны и малосодержательны. — Реф.), автор замечает, что, допуская возможность наличия теоретических компонентов в историческом исследовании, Поппер фактически сводит их к использованию историками терминологии, бессознательно выдаваемой за теоретическое осмысление: например, когда они берут такие общие понятия, как "власть", "нация", "армия" и др. (с.25). Критикуя этот взгляд, он пишет далее: даже если все или большая часть законов, применяемых историками прежде, оказались несостоятельными в указанном Поппером смысле, разве это исключает возможность того, что какой-то будущий историк, прочитав эти соображения Поппера или Гемпеля, решит применить в своем исследовании более оригинальные и содержательные законы? Может подойти более сознательно к используемым им теоретическим концепциям и проявить большее старание в формулировании их в форме рабочих гипотез, а не в утвердительной форме? Результатом этого могла бы быть перестройка исторической науки: но нет веских оснований считать, что она перестала бы существовать (с.27).

Третий тезис Поппера указывает на возросшую роль объяснения в историческом исследовании. Наиболее полно он развит в его труде "Свободное общество и его противники". В нем К.Поппер выступает против релятивизма и "культы системы", который он рассматривает как "главный оплот иррационализма в наше время". Раскрывая внутренний смысл своего тезиса, он заявляет, что в каждый данный момент мы неизбежно являемся пленниками, заключенными в клетку собственных теорий, предположений, своего прошлого опыта и знаний.

Отмечая актуальность этого попперовского тезиса, Б.Т.Уилкинс, анализируя его, задается вопросом: имеет ли Поппер достаточные основания утверждать, что "объяснение"

в большей мере характерно для исторических исследований, чем для научных исследований вообще? Если не имеет, то это свидетельствует о существовании внутреннего парадокса в его философии истории. Возможный вопрос таков: не является ли Поппер противником "культы системы" только абстрактно, становясь на деле, при осуществлении исторического исследования, его главным проводником и защитником? Кроме того, "объяснения" сами являются определенными системами или их результатами, а систематизация отражает необходимость проведения нами отбора, необходимость "общего" во всесторонне организованном исследовании. История, как и наука в целом, в равной степени нуждается в интерпретации или какой-то системе для отбора и объяснения фактов.

Вторая глава посвящена подробному анализу взглядов К. Поппера на роль "объяснения" в историческом исследовании. В своей книге "Свободное общество и его противники" он утверждает, что, хотя в историческом исследовании, как и в научном, необходим отбор фактов, в первом случае метод этого отбора значительно отличается от того, с чем мы сталкиваемся, например, в физике. Здесь точка зрения, согласно которой производится отбор фактов, представляет собой физическую теорию (или обобщение), которая может быть проверена новыми фактами. В истории вопрос не решается так просто. В связи с этим К. Поппер заявляет о различии между теоретической (фундаментальной) наукой и историческим исследованием. Теоретическая наука имеет дело главным образом с законами и гипотезами общего порядка. Для исторического же исследования характерен, по его мнению, интерес, и прежде всего к объяснению самих специфических событий или фактов (с. 30). Поппер отрицает существование каких-то собственно исторических законов. Имеющиеся обобщения и выводы в этом случае относятся совсем к другой линии интересов, утверждает он, в корне отличающейся от интереса к специфическим событиям и их объяснению, которые составляют основу историчес-

кого исследования: те же, кто применяет в нем законы, вынуждены черпать их в теоретических общественных науках, к примеру в социологии (с.31). В связи с этим положением автор останавливается на анализе позиции К.Поппера относительно степени уникальности исторического исследования. Поппер утверждает, что история не имеет своего предмета исследования, а если имеет, то он сам по себе не делает ее самостоятельной дисциплиной, присущим только ей методом. Так, если для истории характерен интерес к специфическим и оригинальным сведениям, то это характерно и для любой прикладной дисциплины. То есть "различия существуют не между историей и наукой вообще, а точнее, между историей и прикладными науками, с одной стороны, и теоретическими науками - с другой" (с.33). Поппер подчеркивает далее, что для каждой фундаментальной теоретической дисциплины или ее проблемы общие законы составляют ее фундамент, центр логических построений и концепций. В истории же, по его мнению, мы не найдем таких фундаментальных теоретических идей, а скорее множество общих мест, используемых как нечто само собой разумеющееся. Практически они не представляют никакого интереса и не способны привести какую-либо организацию в исследование существа предмета. Критикуя этот взгляд, Б.Т.Уилкинс спрашивает: но верно ли, что законы или теории, используемые историками, настолько тривиальны, неприменимы на практике и не способны упорядочить исследование? В противовес этой точке зрения указывается, что исторические законы играют важную роль, отражая комплексный подход, характерный для многих исторических исследований. Точка зрения Поппера тем более удивительна, замечает Уилкинс, что, по его собственному признанию, применяемые историками общетеоретические законы вновь вызвали к себе в последнее время пристальный интерес социологов и психологов, до того угасавший (с.34).

Еще один аспект философии истории К.Поппера, который подвергается в главе критическому анализу, - его взгляд на

роль "ситуационной логики" в историческом исследовании. Поппер заявляет, что в большинстве исторических исследований бессознательно используются не столько заурядные общие законы, взятые из социологии и психологии, сколько то, что он называет "логикой ситуаций" (с.50-51). Под этим он подразумевает логически сконструированную исследователем оптимальную модель ситуации или обстоятельств, в которых действует определенное историческое лицо и посредством которой исследователь оценивает соответствие или адекватность поведения искомого лица в заданной ситуации, вызывающей с его стороны соответствующие ей решения или действия (с.52). Давая свою оценку этой концепции Поппера, автор книги отмечает, что она может помочь устранить некоторые излишне запутывающие реальность методы анализа, применяемые историками.

Должен ли историк выносить приговор личности и поведению исторических деятелей? Обычно это вопрос, подчеркивает Б.Т.Уилкинс, связывает с возможностью морального приговора, и фундаментальная проблема состоит в том, является ли осуществление такого морального приговора частью задачи историка, реконструирующего идеи и действия человека, который зачастую живет моральными нормами и идеалами, отличающимися от норм и идеалов исповедуемых исследователем? (с.57-58).

В главе рассматривается также вопрос о соотношении "натуралистического" и "антинатуралистического" методов исследования в попперовской философии истории. На первый взгляд, пишет автор, может показаться, что Поппер, несмотря на то что он отмечает некоторые различия между методами теоретических наук о природе и обществе, является сторонником натуралистического метода. Так, он заявляет, что согласен с Миллем и многими другими, вроде К.Менге, в вопросе о схожести методов исследования в двух областях знания (с.107). В основе этого метода, согласно Попперу, лежит дедуктивно-причинная система (модель) объяснения фактов и ее последующая

проверка. Иногда он называет этот метод "гипотетически-дедуктивным" методом. Давая это определение, Поппер фактически провозглашает тезис о единстве метода естественных и общественных наук и, казалось бы, полностью должен стать на позицию признания возможности натуралистического (или научного) метода исторического исследования. Но на деле, как отмечается в книге, существует серьезное противоречие между утверждением Поппера о единстве метода в естественных и общественных науках, включая историю, с одной стороны, и его отрицанием истории как теоретической науки, его убеждением, что используемые историками законы незначительны, а их интерпретация исторических событий не проверяема — с другой. Критикуя подобные противоречия во взглядах Поппера, автор указывает, что даже если отдельные законы, используемые историками, тривиальны, это вовсе не должно означать тривиальности всех исторических исследований, а применение в них научных методов, в частности гипотетически-дедуктивного метода, доказывает научный характер этих исследований, убеждая в существовании исторической науки (с.109-110).

В третьей главе рассматривается вопрос о сущности исторического исследования. В книге "Нищета историзма" К.Поппер утверждает, что историки как классического, так и нового типа не смогли быть объективными. Первые стремятся избежать любой интерпретации фактов, выдавая это за объективность, а вторые, игнорируя возможность многовариантного объяснения исторических событий, сводят их к единственной точке зрения. Он заключает на этом основании, что как те, так и другие "стремятся написать историю, которая не может быть написана". Первые ставят своей целью создание истории человечества в узком смысле слова; вторые — написание всеобщей истории, т.е. не только человека, но и его социального окружения, общественного устройства. Но то, чего достигают на деле первые, — это история политической власти, а вторые — история классовой борьбы. Вывод, к которому в итоге

приходит Карл Поппер, — история, как таковая, не существует (с.120).

Подвергая критическому рассмотрению данный вывод, Б.Т.Уильямс ставит в книге свой вопрос: что означает этот тезис Поппера — отрицание реальности прошлого или, напротив, утверждение автономного существования прошлого? По его мнению, речь идет о другом — об отрицании того, что история состоит из "более или менее определенных серий (или последовательностей) фактов" и что "эти факты, расположенные в определенной последовательности, составляют историю". В силу этого, согласно Попперу, невозможно написать какую-либо определенную историю человечества, так как нет какого-либо определенного собрания верных сведений об истории его прошлого. Но если область фактов бесконечно разнообразна, неизбежен выбор того, о чем писать. Историки классического типа выбирают своим предметом исследования политическую власть, хотя есть множество других вопросов, которые также могут быть предметом исторического исследования, — от истории искусств до истории сыпного тифа. Автор в итоге приходит к выводу, что внутренний смысл отрицания Поппера сводится к тому, что история (будь то история человечества или всеобщая история) как упорядоченная целостная категория не может существовать и не может признаваться объектом исследования (с.124).

Взгляды Поппера на исторический процесс как объект исследования тесно связаны с его концепцией "дуализма фактов и стандартов", разбору которой посвящена четвертая глава книги. Эта концепция, по мнению автора книги, есть выражение веры в автономность принимаемого исследователем морального решения и как таковое является серьезным вызовом современному "историцизму", понимаемому в качестве моральной философии (с.167). Поппер подразумевает под "историцизмом" системный подход (или метод), практикуемый в современных исторических исследованиях, и рассматривает его применение

в моральном плане как самоотречение исследователя ради морального долга, как разновидность морального футуризма. Другими словами, "историцизм" взваливает моральную ответственность за определенную трактовку исторических фактов, за определенное решение на будущее. Малопривлекательным результатом этой веры является освобождение личности от непосредственной моральной ответственности за свои решения и поступки. Будущее за нас, история оправдывает нас, и прошлое также за нас, так как, что бы мы ни сделали, это не может противоречить закономерному движению истории. Эти оправдательные вердикты, по мнению Поппера, выражают старый крайне аморальный тезис - сильный всегда прав (там же).

Формула "дуализма фактов и решений" была впервые введена К. Поппером в заключительной части книги "Свободное общество и его противники". Соответственно этому положению исторические факты сами по себе не обладают смыслом и могут приобрести его лишь через наши решения. В написанном позднее приложении к книге формула "дуализма фактов и решений" была переформулирована в "дуализм фактов и стандартов". Поппер стремится доказать, что есть большое противоречие между двумя формами исследования исторических фактов - утверждением (интерпретацией. - Реф.) и предположением (гипотезой. - Реф.). (с. 210). Моральные решения (или стандарты) привлекаются, когда исследователь решает - принять или отвергнуть какие-то утверждения в области фактов. Но эти моральные решения (или стандарты) в свою очередь сталкиваются с проблемой истины, а истинность их зависит от его понимания вопроса о справедливости и благе. Эти идеи истины, справедливости и блага являются регулирующим идеями, но логический статус этих идей в моральной области гораздо менее очевиден, по мысли Поппера, чем в области фактов. Если у нас нет критерия абсолютной истины, еще менее вероятно существование критериев абсолютной справедливости и абсолютного блага. Мы можем, однако, иметь стандарты (или нормы) справедливос-

ти и блага. И, по-видимому, хотя Поппер не говорит об этом определенно, именно с точки зрения таких стандартов исследователь должен строить свои предположения при осмыслении фактов истории (с.210-211).

Стандарты, которые Поппер имеет в виду, замечает Б.Т.Уилкинс, — это моральные стандарты традиционного либерализма. В отличие от рационалистов, отвергающих важность традиций, Поппер исповедовал конвенционализм и считал, что многие традиции представляют большую ценность. В этой связи он большое внимание уделял разработке социологической и функциональной теории "конвенционализма", в которой именно традиции рассматриваются как социальные регулирующие механизмы (с.211). Анализируя концепцию "конвенционализма" Поппера в контексте его философии истории, автор отмечает, что попперовский "традиционализм" вовсе не означает, что его фундаментальные идеи о глубоком различии между истинной наукой и псевдонаукой и между наукой и моральным решением проблем, подобно мифу о фениксе, приобрели совершенно новую форму, заново родившись из пепла. Я надеюсь, заключает он, что одно из самых глубоких постижений Поппера в его философии истории возобладает над остальным, а именно его ощущение того, что вопрос о смысле истории есть прежде всего внутренний вопрос каждого исследователя, другими словами, вопрос о том смысле, который мы сами решим вложить в историю (с.247).

М.Л.Гавлин

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Theorieprobleme der Geschichtswissenschaft
/Hrsg. von Schieder Thh u. Gräubig K. - Darmstadt :
Wiss. Buchges. 1977. - XXXV, 500 S. - (Wege der
Forschung; Bd 378). - Bibliogr.: S. 473-500.

В ввводной статье Теодора Шидера подчеркивается, что только после окончания второй мировой войны был особенно остро осознан основной недостаток исторических трудов - отсутствие в них целеустремленных поисков теоретических обоснований истории как науки. Сознание настоятельной необходимости создания и разработки теорий было в значительной степени связано с конфронтацией западных буржуазных теорий с марксизмом, с огромными достижениями в области естествознания, новыми течениями в искусстве и литературе, нежеланием "историков концентрировать внимание главным образом на политической истории и многими другими явлениями и процессами в современном мире" /с. IX/.

Теодор Шидер в статье "Различия между методами исторической науки и социальных наук" ставит вопрос, должна ли история мыслиться как чисто социальная наука, связанная тесно с "науками о духе в целом", или она является самостоя-

тельной наукой" /с.352/ (под социальными науками автором понимаются все науки, имеющие дело с социальными структурами и процессами, например политическая наука, этнология и др.).

Историческая наука и социальные науки не совпадают, но и не противостоят друг другу; это – "комплементарные" науки, имеющие и аналогии и различия. Они имеют один объект, но подходят к нему с разных позиций. Для социальных наук, претендующих на "генерализацию", т.е. метод обобщения, как бы "открыт путь в будущее" /с.354/. История, хотя бы в принципе, ограничиваясь изучением прошлого, дает материал для обобщений, обнаруживает путем его исследования альтернативы, возможные для будущего.

Задачи исторической науки представляются более легкими, чем задачи социальных наук, претендующих на охват прошлого, настоящего и будущего. Трудности же ее заключаются в невозможности ввиду ограниченности поля наблюдения и изучения строго судить о каком-либо факте, оценивать с точки зрения его роли и места в историческом процессе в целом. Факт для историка в этом отношении всегда остается загадкой. "Разгадка" доступнее для социальных наук, рассматривающих его с отдаленной критической позиции, "с большого расстояния" /с.358/. Социальным наукам легче измерить значение и роль реальных и потенциальных исторических факторов. История остро нуждается в помощи социальных наук в процессе установления каузальных отношений между историческими фактами.

Для исторической науки недоступны некоторые методы изучения своего объекта, играющие все большую роль для социальных наук нашего времени: интервью, опросы, систематическое наблюдение, статистические обзоры. Исследование источников – первостепенная задача историков – котируется иногда представителями социальных наук как "второстепенные анализы" /с.360/.

В то время как социальные науки – по крайней мере по своей тенденции – стремятся базировать свои выводы "на сплоченном и законченном наличии статистических данных", история часто принуждена ограничиваться лишь случайным собранием фрагментов, дополнять их "при помощи дара ученого к комбинированию, иногда близкого к фантазии" /с.361/. С этой точки зрения для истории открывают новые горизонты успехи социальных наук с их методами информации и коммуникации.

Очень трудным для социальных наук – и полностью неосуществимым для истории – является применение экспериментальных методов,

Ганс-Ульрих Велер в статье "История и социология" указывает на распространенный в наше время среди представителей гуманитарных наук призыв к междисциплинарному кооперированию историков и социологов.

Социальная история во всяком случае не "отделяется" от социологии, пишет Велер, так что не так легко установить границы между этими двумя дисциплинами. Социология помогает представителям социальной истории преодолеть трудность разрешения стоящих перед ними проблем. Социология же может только из истории получать "модели для объяснения "долгосрочных" (длительных) тенденций" /с.389/. Историческая наука во всех ее вариантах всегда испытывает необходимость в теориях, в теоретических обоснованиях и в этом отношении многому учится у социологии.

С давних времен, однако, сохраняется принципиальное различие между обеими науками: "история фиксирует внимание на национальном государстве и на национализме, социология интересуется обществом как интернациональным феноменом" /с.391/.

Теоретически сохраняется и в наше время краткая формула: "История посвящает себя индивидуальному, социология –

общему" /с.392/; на практике же в научных исследованиях "редко выдерживается это установленное полемикой различие" /с.393/.

Так же опрометчиво было бы утверждать, что предметом истории является прошлое, а предметом социологии – настоящее. Фактически обе дисциплины охватывают гораздо более широкие масштабы. Социология не может устанавливать социальные закономерности, не затрагивая событий и процессов прошлого; история охватывает не только ограниченные во времени и пространстве события и процессы, но и грандиозные "дистанции", не исключаящие явлений настоящего времени" /с.393/.

Центральным пунктом серьезной исторической науки является "познание исторических времен", учет их своеобразия, неповторимости, невозвратимости их различных темпов и структур /с.396/. Социологи, за исключением представителей "диалектической социологии", часто упускают из поля своего зрения различия и "противоречия" между историческими временами. Не только для социологов, но и для историков чрезвычайно трудным является точное разграничение между понятиями прошлого, настоящего и будущего вообще. Особенно много упреков социологи направляют против "туманного" понятия настоящего в исторических трудах, против того, что историки, в целях облегчения своей методологии, "заставляют текучее настоящее застывать автоматически на десятилетия в твердые познаваемые единицы" /с.407/.

В связи с игнорированием проблемы исторических времен в социологии доминируют "линейные" концепции развития общества... Историки, "находя одновременное в неодновременном" /с.402/, чувствуют сильную антипатию к современным схематизирующим теориям, ставят ударение на фактах, говорящих о многих отклонениях от схем в исторических процессах, о "деволюции", об "обратных" течениях в развитии че-

ловечества. История "тренируется" на восприятии действительности как чрезвычайно разнообразной, отливающей разными цветами и красками, далеко не всегда поддающейся гармоническому объединению; она предпочитает "конкретное мышление" /с.403/. У социологов, наоборот, преобладает тенденция к часто скороспелым формулам, к искусственным "широковещаниям", к преждевременной удовлетворенности полученными результатами. С этим связано различное отношение обеих наук к методу квантификации и статистике: социологи часто забывают о том, что открытые ими формулы и понятия могут применяться далеко не ко всем фазам развития общества /с.409/, что эти формулы и нормы в значительной степени возникли лишь в нашем веке и не могли применяться историками, жившими в более раннее время.

Историк обвиняет социологов в чрезмерно высокой степени абстрагирования, в незначительной, если и не в совсем минимальной, способности к объяснению. "Эмпирический анализ, — утверждают историки, — не допускает перехода через определенную степень абстрагирования" /с.404/.

Историки усматривают недостаток социологии в часто повторяющемся отказе от выдержанного герменевтического объяснения и осмысливания событий — и в связи с этим в необоснованной интерпретации. Для историка же нет "пути вперед" без нерушимого применения герменевтической методологии, помогающей дополнять, расширять, уточнять их выводы.

Выводы Велера сводятся к тому, что социологи не имеют права заимствовать полностью результаты исторических исследований, так как это было бы акцией "третьих рук"; социологи должны вернуться в этом случае к источникам и их оценке со своей точки зрения. Так же и историки не могут "прививать" социологические теории к своему материалу и обязаны развивать свои собственные исторические концепции.

Детлеф Юнкер и Петер Райзингер в статье "Что такое объективность в исторической науке и насколько она воз-

можно" подвергают критическому анализу выдвигаемый некоторыми исследователями тезис, выражающий сомнение в "смысле" существования истории как науки вообще.

Историческая наука обязана ответить на вопрос, "что такое ее объект, может ли она уловить этот объект непосредственно или только опосредованно через субъект историка" /с.ХХІУ/.

Авторы статьи утверждают, что с методологической точки зрения невозможно проводить полное разделение между историческим познанием, т.е. исторической наукой, и историей как реальным процессом. Изложение и интерпретация предопределяются в значительной степени личностью интерпретатора, исторической ситуацией, в которой он находится, и, значит, течением объективного исторического процесса /с.ХХІУ/. Вера в возможность абсолютной объективности исторической науки – наивность. Подлинный объект истории как науки – не "объект" (в традиционном смысле слова), а "взаимоотношение между реальной историей и реальностью исторического понимания" /с.ХХУ/. В этом взаимодействии понимание как бы выполняет функцию, переходящую за пределы познания и создающую тождество историка и истории /с.ХХУ/.

Недопустимо игнорировать принципиальное различие между герменевтическим истолкованием понятий, взятых из самой истории и исторических текстов, с одной стороны, и реальными событиями – с другой. Есть фундаментальная разница между философской и эстетической рефлексией и историческим исследованием какого-либо явления или события. "Философская рефлексия" над "Государством" Платона – нечто совсем иное, чем изучение этого произведения как исторического источника /с.ХХVI/.

История, отображенная в историческом труде, – не реальная история, а создание историка. Подлинный же истори-

ческий процесс в его целом и конкретном всегда остается Х, преобразенным субъективным сознанием. "Его воспроизведение, собственно говоря, - новое произведение" /с. XXVI/.

Субъективность истории как науки не может быть никогда полностью преодолена. Приводимые ею данные, однако, могут подвергаться проверке и контролю как в связи с открытием новых источников, так и в связи с достижениями в сфере герменевтических и аналитических методов исторических исследований.

Возможность объективного познания действительности исторической наукой является также основной проблемой работы Карла Отто Апеля "Сциентистика, герменевтика и идеологическая критика". Очерк наукоучения с познавательной-антропологической точки зрения является проблемой, которая рассматривается им в свете давно продолжающихся дискуссий по вопросу взаимоотношения наук о природе и наук о духе.

Этот вопрос Апель хочет разрешить, исходя из "познавательной-антропологической концепции" /с. I/, связанной с развитием "наук о поведении" и базирующейся на "трихотомии сциентистики" (очевидно, дисциплины, соответствующей наукоучению), "герменевтики" и "идеологической критики". Утверждая нерушимую связь между сциентистикой и герменевтикой, другими словами, между "объясняющими" науками о природе и "понимающими" науками о духе, к которым относится и историческая наука, Апель указывает на недопустимость отказа от каузального и герменевтического анализа в исторической науке, подчеркивает роль ее "идеологической критики" /с. 7, 28/, под которой имеются в виду эмпирические методы и критические позиции (среди них и социально-политические), исследования исторических событий и процессов.

Из этих соображений, делает вывод Апель, и вытекает методологическое требование диалектического соглашения социально-научного "объяснения" и "исторически-герменевти-

ческого понимания" как основного регулятивного принципа исследования нашего исторического существования /с.35/.

Доказать невозможность существования исторической науки без теоретических обоснований – задача работы Рейнгардта Козаллека "Потребность исторической науки в теории".

Автор, опровергая чрезвычайно распространенную анти-тезу, резко противопоставляющую историю и естественные науки, утверждающую, что "история имеет дело с индивидуальными явлениями, а естествознание – с общим" /с.37/, отмечает "перекрещивание" между этими дисциплинами. Экспериментальные методы внесли "релятивность" в естествознание. Представителей наук о духе и социальных наук (в том числе и истории) "пронизывает" желание концентрировать свое внимание на обобщениях.

Нельзя рассматривать историю как науку, изолированную от смежных с ней наук, например социологии, антропологии и многих других. В то же время недопустимо смешение методологии истории с методологией других наук, как социальных, так и наук о духе. История должна иметь свою теорию и свою собственную проблематику. "История как изучение исторического процесса и как философия истории неразделимы и "равны по своему значению" /с.38/.

Проблема "историчности" – одна из основополагающих проблем исторической науки. Объектом истории является не движение, а способность к движению, не конкретные изменения в историческом процессе, а "изменчивость", способность к изменениям /с.39/. Признание категории историчности освобождает историков от упреков в субъективизме в исследованиях, без которого они никогда не могут обходиться. Козаллек утверждает право и долг каждого историка корректировать свой труд, "все заново и заново его переписывать" /с.39/.

Большой трудностью для истории – в сравнении с другими науками – является точное определение ее объекта.

Экономика, политология, социология, филология, лингвистика изучают определенную сферу явлений, определяющую и их методологию. "На практике же объектом истории является все или ничего; примерно все она может декларировать как исторический объект. Ничто не ускользает от исторической перспективы" /с.40/. Вместе с тем история может быть наукой только тогда, когда она является теорией определенных "исторических времен" (т.е. эпох и явлений, фактически имевших место в истории). "Она не имеет права терять ся в качестве всезнайки в безбрегии" /с.41/.

Признавая правомерность постановки марксизмом проблемы взаимоотношения теории и практики, Козеллек дает свой анализ принципов ее применения к исторической науке. "История как наука всегда исполняет хотя бы и меняющуюся политическую функцию" /с.53/. Но исторические исследования никогда не должны подчиняться политическим интересам. "Политическая функция и политическая импликация в принципе не покрывают одна другую".

Историческая наука не может претендовать на восстановление прошлого во всей его тотальности и действительности. "Приходится признать фиктивный характер его изображения" /с.55/. "В наивно-реалистической теории познания имеется принуждение ко лжи" /с.55/.

Петер Христиан Людз и Харст Дитер Ренш в статье "Теоретические проблемы эмпирических исследований в области истории" рассматривают понятие исторического факта, которое значительно расширилось и усложнилось в современной истории.

Проблема "объяснения" факта – одна из фундаментальных теоретических проблем. В ее основе лежит вопрос о возможности "объяснять" историческое явление и процессы путем установления законов, исходя из принципа детерминизма и дедукции из этого принципа /с.77/.

Связанные с проблемой объяснения проблемы идеографической или номотетической позиции в этом вопросе, а также возможности установления общих методологических принципов для естествознания и исторической науки в наше время не ставятся так строго, как раньше. Категорическая позиция защитников единого метода для всех наук представляется неприемлемой.

История как наука должна выработать свою собственную теорию. "Она не имеет права быть лишь потребителем законов других наук, в том числе и социологических, строго установленных законов" /с.77/. Ей необходимы свои собственные гипотезы. Историк должен больше ориентироваться на объяснение и понимание определенных явлений, чем на открытие и обоснование универсальных законов. Для него всегда остается открытым вопрос о модификациях в закономерностях исторических процессов, по-разному обусловленных во времени и пространстве /с.77/. Спектр теоретических размышлений историков чрезвычайно широк – от обобщений, "касающихся "мира жизни", до универсальных законов" /с.78/. "В распоряжении исторической науки находятся самые разнообразные типы объяснения: историко-генетические, повествовательные, вероятностные, телеологические" /с.78/.

Герман Люббе в статье под названием "Что это значит: – "это можно объяснить только исторически" считает необходимым для ответа на поставленный им вопрос дать своеобразное определение термина и понятия "исторический". Историческое событие – нечто "странное", "непонятное" /с.ХХ/, не выводимое ни из каузальных законов, ни из статистической последовательности. Историческое объяснение не объясняет события ни путем обращения к их смыслу, ни номологически, путем установления законов. Объяснение исторических фактов и процессов производится через повествование /с.ХХ/.

В этих высказываниях Люббе хочет противопоставить особый ход исторических событий процессам, происходящим в

природе, например движениям планет в солнечной системе, элементы которой постоянны, а движения периодичны /с. XX/. Совершенно очевидно, что комплексные социальные системы не поддаются этим условиям, и поэтому их развитие не может быть твердо предсказано. В исторических процессах возможны варианты, которые расширяют область, открытую для гипотез. В основе объяснений исторических событий должны лежать аналитические и герменевтические принципы. "Исторические тексты можно описывать как смешение повествовательных и теоретических элементов" /с. XXI/.

Уильям О. Айделотт в статье "Проблема исторической генерализации (обобщения)" указывает на "скользкость" этого понятия в исторической науке и на явную тенденцию историков уклоняться от его точного определения /с. 205/.

Он решительно выступает против отрицания возможности обобщений в истории как науке, подчеркивая его внутреннюю противоречивость, поскольку, по его мнению, появляется опасность смешения универсальных законов истории с историческими обобщениями, присущими исторической науке. Не учитывается и то, что обобщения вообще, во всех науках не всегда носят универсальный характер.

Ученые, признающие возможность исключительно субъективных и интуитивных обобщений в истории, игнорируют тот факт, "что интуиция не является последним прибежищем историков, что существуют эффективные методы, помогающие им в некоторой степени расширить как объем, так и достоверность утверждений авторов исторических трудов" /с. 208/.

Вообще же историки не претендуют в принципе на установление всеохватывающих закономерностей. "Убеждение в возможности дать абсолютное понятие генерализации", заключает Айделотт, "может возникнуть лишь в "странном интеллекте" /с. 209/.

Позиция Уилльяма О.Айделотта по вопросу о "квантификации в исторической науке", по его признанию, — "консервативная". Не отрицая полезности и даже необходимости квантификации во многих случаях, он отмечает, что "квантификация в истории стала в наше время чрезмерно модным явлением и что ее защитники предъявляют слишком большие претензии" /с.152/.

Имеются многие аргументы в пользу применения квантификации. Сам принцип "генерализации" в исторической науке включает в себе элементы квантификации. Уже такие традиционно применяемые историками термины, как "типический", "значительный", "интенсивный" и многие другие, — по сути дела квантификационные термины, употребляемые хотя бы и без приведения цифр.

Методы квантификации помогают проверять выводы исследователей, избегать ошибочных заключений. Они ускоряют и облегчают работу над получаемой информацией, гарантируют в большей степени, чем субъективная и селективная память, достоверность, точность и беспристрастность создаваемых теорий.

Квантификационный метод — "незаменимое средство при проверке гипотез" /с.255/, отыскании ошибок в общепризнанных распространенных прогнозах. Внимательный анализ материала, полученного путем квантификации, рождает у историков стремление заново сформулировать свои мысли и теории. "Квантификация — это метод мышления, связанный с числами" ... "квантификация — ключ к сокровищам математики и, значит, к схемам дедуктивных заключений" /с.256/.

Однако у некоторых историков наблюдается сильная и даже открытая враждебность по отношению к квантификационным методам, убежденность в их абсолютной неприменимости в исторической науке. Айделотт признает некоторую обоснованность взглядов этих специалистов. Многие исследования, при-

меняющие квантификацию, далеки от осуществления своих претензий "на революционизирование исторического мышления", на абсолютную значимость своих как бы "окончательных" заключений. "Статистика бессильна доказать все" /с.272/. Правильность ценностных, интуитивных догадок, необходимых в исследовательской работе, не может быть доказана при помощи цифр, применимых лишь к определенным классам и группам исторических фактов.

Этот метод необходимо применять в исторической науке, помня, однако, о его практических трудностях и ограниченных возможностях. Он лучше выглядит в стадии планирования, чем в стадии фактического применения. "Рекомендуется не дискредитация квантификации в исторической науке, но определение пределов ее реализации" /с.285/.

Цель работы французского историка Фернана Броделя "Длительные периоды" - поставить проблему структурального изучения истории, мыслимого им как исследование "длительных периодов времени" (с.173), изучение не кратких и не средних по длительности периодов истории, а исторических, "глубинных" структур, мало подверженных изменениям, являющихся еще большей реальностью, чем отдельные события и поверхностные фрагменты времени (с.173). "Структуры - это и опоры и препятствия. Они - границы, через которые не может переступить человек со всем его опытом"... "Для их преодоления надо разбить географические рамки, биологические реальности, многообразные действующие в мире духовные силы" (с.173). "Чтобы понять это, необходимо вспомнить, что человек в течение веков является пленником климата, растительного и животного мира, культуры и многих других факторов" (с.173). "Все кружится вокруг длительности структур".

Бродель призывает исследователя изучать структуральную историю, не забывая в то же время о необходимости исследования процессов краткой и средней длительности. В связи с этим особенно большое внимание он уделяет понятию истори-

ческого события. Многие философы неправильно определяют исторические события как нечто кратковременное и только кратковременное, взрывчатое, оглушающее. "Его обманчивый дым заполняет сознание современников, но удерживается ненадолго, едва ли кто видит его пламя" (с.168). Историческое событие, возражает Бродель, часто выносит на поверхность глубоко запрятанную в истории "игру причин и следствий", "занимает по существу гораздо больший период времени, чем его видимая длительность" (с.168). Социальная наука не без основания испытывает страх перед событием, значение которого нелегко разгадать. "Краткий отрезок времени – это своевольная и обманчивая длительность" /с.169/.

Резкую критику взглядов Броделя дает Дитер Гроу в работе "Структуральная история как "тотальная" история".

Гроу обвиняет Броделя в отсутствии глубоких и реалистических размышлений над понятием "структура", в его "онтологизации" как чего-то "инвариантного". Структура, согласно Броделю, пишет Гроу, – скорлупа, останавливающая историю в ее движении вперед, влияющая на жизнь и деятельность людей, ограничивающая их свободу, замораживающая все процессы (с.344).

Совершенно неаргументированным, согласно Гроу, является рассмотрение Броделем структур как инфраструктур, лежащих в основе всей истории человечества, а структуральной истории – как единственно "приводящей к источникам жизни во всем, что в ней заключается самого конкретного, самого повседневного, самого неразрушимого, самого человеческого" (с.344).

Бродель в связи с отсутствием логической остроты и тщательно выработанной методологии как бы не видит, что структуры одновременно с конъюнктурными условиями и событиями существуют как модусы во всех областях реальной действительности, на всех ступенях развития. Для него скрыта взаимозависимость между всеми этими модусами и категориями. "Он заключает их в капсулы" (с.345), – отмечает Гроу.

Структуральная история исследует как будто лишь "квази неподвижную историю обществ, для которых решающей чертой является статика". Роль исторических изменений истории "медленных ритмов" приближается в нулю (с.346). Становится целиком непонятным "превращение" форм в истории человечества (с.347), возможность, например, перехода старого порядка во Франции к Великой французской революции 1789 г.

Статья Карла Ахама "Новейшие англосаксонские теории истории" является попыткой дать общее представление о господствующих теориях английских и американских историков XX в. В вопросах методологии английские историки исходили из эмпиризма Дж.С.Милля; в США теории исторической науки были тесно связаны с прагматизмом, главным образом У.Джеймса.

После второй мировой войны в странах, говорящих на английском языке, в исторической науке эмпиризм и прагматизм были "актуализированы неопозитивизмом и близкими ему гносеологическими и научными теориями" (с.103).

Материалистические традиции, в особенности исторический материализм, игравшие большую роль в Европе XIX—XX вв., наблюдались главным образом в области социологических исследований. Среди них отмечается труд Корнфорта, подвергнутого марксистской критике неолиберальные концепции истории, представленные К.Р.Поппером и др.

На переднем плане современной англосаксонской философии истории стоит логический и лингвистический анализ, представители которого считают себя единственными защитниками подлинного научного эмпиризма, причисляя все остальные течения к области спекулятивной философии. Автор указывает на большую опасность проводимого этим течением резкого разрыва между методами логического и лингвистического анализа в исторических трудах и анализом подлинной исторической действительности. "Возникает риск увековечивания дуалистических традиций", — пишет Карл Ахам (с.105).

Логический и лингвистический анализ исключает из сферы философии истории оценку событий как якобы незначительную с точки зрения познания исторического процесса. Проблема ценности в исторической науке "выпадает" из интерпретации исторических данных и объяснения роли и значения фактов, взятых из действительности; она не имеет значения при их интерпретации. Такая позиция американских и английских историков связана с неприятием психологизма в исторических трудах, т.е. с отрицанием роли, которую, несомненно, играют в исторических процессах взгляды, традиции, эмоции, национальные характеры, великие люди.

Плюрализм в интерпретации исторических процессов в англо-американской философии истории автор называет ленивым плюрализмом, сводящим "свою эпистемологию к ничему не обязывающему принципу "все зависит от" (с.106).

Теоретический "плюрализм" и отрицание права на существование и роли теории ценности в исторических теориях не случайно привели к релятивизму, к определению истории не как науки, а как искусства, как прагматического и субъективного истолкования и оправдания определенного жизненного пути. Большим вниманием пользовались представители интуитивистско-эстетической историографии, экономической идеологии (К.Рид, Н.Грасс) и многие другие философы истории.

Более обстоятельное и конкретное представление об англосаксонской философии истории возникает при анализе постановки и решения в ней проблем описания исторических событий, их истолкования, объяснения, оценки их значимости и роли.

Основной проблемой является вопрос о месте, занимаемом историей среди других наук. В значительном количестве трудов отстаивается мнение о тесной связи истории с такими науками, как психология, экономика, социология, "с которыми ее сближают детерминистические и статистические закономерности" (с.142). Особенно остро ставится вопрос о

границах между историей и социологией. Наряду с утверждением радикального различия и "несовместимости истории как идеографической науки, описывающей отдельные, неповторимые факты, с социологией — наукой номотетической, устанавливающей закономерности, существует тенденция подчеркивать связь между этими дисциплинами, "выявляющаяся в тенденциях историзации социологии и социологизации истории" (с.143).

Автор статьи признает отсутствие строгого разрыва между эмпирическими и теоретическими научными законами и подчеркивает "количественный" характер этого различия, делает вывод о том, что идеографические цели научных исследований никогда не должны быть замещены номотетическими, особенно в области изучения истории и человеческих взаимоотношений. "Никакой всеобщий закон не может охватить все эмпирические условия и ситуации" (с.146).

М.В.Резцова

СЕРБИНЕНКО В.В.
ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА:
ЗАДАЧИ И ГРАНИЦЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА
(Реферативный обзор)

1. FABER K.-G. Grundzüge einer historischen Hermeneutik. - In: Die Hermeneutik und die Wissenschaften: /Hrsg. von Gadamer H.-G. u. Bochm G. Frankfurt a.M., 1978, S.344-344-361.
2. PANNENBERG W. Hermeneutik und universalgeschichte. - Ibid., S.283-319.

Изданный во Франкфурте в 1978 г. сборник "Герменевтика и науки" отражает современное положение герменевтики как метода, используемого в практическом опыте различных гуманитарных наук. Он дает также представление о международном уровне развития герменевтики, так как в нем опубликованы работы авторов не только из Западной Германии, но и из ряда других стран. В большей части статей сборника используется система понятий, разработанная Г.-Г.Гадамером. Она используется для решения весьма широкого круга проблем, но при этом нередко осуществляется и значительная корректировка основных положений герменевтики этого ученика Хайдеггера. В данном отношении характерна статья Карла-Георга

Фабера "Основные положения исторической герменевтики". Один из ответственных издателей сборника Г.Еём (вторым является сам Гадамер) пишет о Фабере, что хотя тот "исходит в своей методологии истории как науки из интерпретации Гадамером истории как традиции, однако краеугольное для герменевтической теории последнее понятие "понимания" (он, Фабер) рассматривает лишь "как составную часть исторического познания, не сводя это познание к пониманию" (с.45). Сам Фабер признает, что принимаемые им ограничения понимания пониманием интенционального действия для Гадамера неприемлемо, так как означает редукцию "универсальности герменевтической дискуссии" (с.358, сн.2).

Отношение метода "исторической герменевтики" (составляющего, по его соображениям, самую возможность "истории как науки") к общей теории герменевтики Фабер определяет в следующих тезисах:

1. Вместе с герменевтикой (Гадамер. - В.С.) история как наука видит в историчности, коренящейся в жизненном опыте и определяющей горизонт понимания, одновременно слабость и силу (исторического понимания. - В.С.).

2. Вместе с критической теорией (Хабермаса. - В.С.) история как наука признает необходимость критического контроля в форме рационального анализа исторических памятников как реликтов.

3. История как наука избегает такой оценки обнаруживаемых в истории благодаря пониманию смысловых единств (Sinneinheiten), которая связана как с приспособлением к ним, так и с полной эмансипацией от традиции.

4. История как наука стремится к приближению к объективной исторической истине путем соединения понимания и метода.

Очевидно, что если в первых двух тезисах формулируется отношение к позициям участников известной дискуссии

конца 60-х – начала 70-х годов по проблемам герменевтики (главным оппонентом Гадамера от Франкфуртской школы был Ю.Хабермас), то в двух последних делается попытка определения специфики собственного подхода к задачам исторического исследования.

Фабер раскрывает суть этого подхода, подвергнув рассмотрению определенный факт немецкой истории, а именно тот факт, что, вероятно, 31 октября 1517 г. М.Лютер прибил к дверям Витенбергской церкви свои знаменитые 95 тезисов, содержащие в имплицитной форме его учение об оправдании верой. Фабер подвергает критическому анализу различные варианты объяснений этого события, представляющие собой примеры того, что он определяет как "неконтролируемое понимание": протестантскую легенду, канонизировавшую образ вождя Реформации (Меланхтон), католическую версию (И.Кохлеус) и, наконец, используемые в немецкой учебно-исторической литературе XIX–XX вв. стереотипы оценки поступка Лютера, например: прогресс в развитии человеческого духа (Просвещение), национальный герой и орудие бога (в протестантской прусско-немецкой литературе XIX в), национальный герой и лидер "немецкой революции" (1933–1945) и т.д. При всех различиях этих оценок они все исходят из символического значения данного факта, считает Фабер. Он пишет: "Сама идея знака, символа делала ненужным ответ на вопрос о подлинных мотивах поступка Лютера" (с.346). Исследуя причины, приводящие к мистификации действительных исторических событий (в данном случае действий Лютера), Фабер выделяет прежде всего возможность конфронтации жизненного опыта и соответственно горизонта понимания интерпретатора с характером реконструируемой им ситуации или даже вообще наличие в жизненном опыте интерпретатора "нормативных элементов, связанных с ситуацией" (с.348). Здесь он следует за Гадамером и Хабермасом, которые в равной мере подчеркивали по-

ложительный смысл "разрыва" между интерпретатором и текстом"¹⁾. Давая же собственную интерпретацию поведения Лютера, Фабер пишет, что оно носило "скорее реактивный, чем активный характер" (с.349) и, безусловно, не содержало в себе того символического смысла, который был навязан ему (этому поведению) традицией "неконтролируемого понимания". Фабер утверждает необходимость метода, связывающего понимание, как его трактовал Гадамер, с "исторической критикой, благодаря которой только и становится возможной научно обоснованная интерпретация имевших место в прошлом интенциональных действий" (с.351). Такой подход определяет то, что Фабер не разделяет крайних выводов гадамеровской критики исторической школы. Его оценка представителей этой школы носит значительно более дифференцированный характер: резкая критика интерпретации истории Ранке сочетается с характеристикой положительного значения идей Дройзена.

Фабер делает вывод, что хотя историческая герменевтика и не решает всех проблем, связанных с пониманием совершенного в прошлом интенционального человеческого действия ("случайный характер и тем самым свобода этого действия, таким образом, не может быть элиминирована"), но такая "неточность" исторического исследования в состоянии, по его мнению, "вызвать беспокойство только у того, кто считается с тем обстоятельством, что результаты других опытных наук (речь идет о естественных науках. - В.С.) также имеют только гипотетический характер" (с.357). В определении значения исторической герменевтики Фабер согласен с Гадамером, писавшим о возможности единого горизонта понимания, "который, выходя за рамки современности, образует историческую глубину нашего самосознания" (с.354).

1) Впрочем, Фабер указывает, что и тот и другой недооценивают связанную с таким "разрывом" вероятность непонимания (с.359, сн.13).

Фабер рассматривает историческое понимание как "предпосылку для формирования более крупных смысловых единств", подчеркивая необходимость учета того, что "эти единства представляют... причинно-следственные связи, которые далеко превосходят намерения людей, действующих в рамках этих связей" (с.357). Смысловые единства, о которых говорит Фабер, - это, собственно, такие этапы исторического процесса, которые не могут быть сведены к интенциональной деятельности людей: уже не действия Лютера, но Реформация, не взятие Бастилии, но французская революция и т.п. На определенном уровне исследования, делает в заключение вывод автор статьи "Основные положения исторической герменевтики", исторические связи ставят историка перед необходимостью "для их интерпретации... обратиться к причинным объяснениям в структурно-историческом аспекте" (с.358).

Таким образом, позиция К.-Г.Фабера, как она выражена в данной статье, характеризуется следующими важными особенностями:

Во-первых, он предлагает существенно ограничить принцип герменевтического понимания, сформулированный Гадамером: речь может идти о "понимании" таких действий и поступков в прошлом, которые носили интенциональный характер. Более того, герменевтическое толкование этих действий должно обязательно опираться на методологические принципы "критической теории" Хабермаса. Фабер здесь в значительной степени следует за самим Хабермасом, который как раз готов принять герменевтику как метод, но в весьма "ограниченном" виде.

Во-вторых, историческая герменевтика, по Фаберу, должна стать предпосылкой решения общих проблем исторического познания, прежде всего связанных с рассмотрением структуры исторического процесса и закономерностей, находящихся в ней отражение.

Второе из отмеченных нами обстоятельств свидетельствует о значении, которое имеет для современной герменевтики вопрос об отношении ее метода исторического исследования к традиционным проблемам философии истории, иначе говоря, к определению смысла, логики, направленности и т.п. в историческом процессе. Это подтверждает и включенная в сборник "Герменевтика и науки" статья известного западногерманского теолога В. Панненберга, имеющая характерное название "Герменевтика и универсальная история".

Ученик Гадамера Г. Бём пишет во вступительной статье: "Теологическая герменевтика является не только вообще одним из источников герменевтической теории, но в настоящее время она тесно связана с ее (герменевтикой) центральными проблемами" (с.41). Бём указывает, что работа Панненберга должна рассматриваться, с одной стороны, как критическое изложение основных положений новейшей теологической герменевтики, с другой стороны, как определенный вклад в общую теорию герменевтической философии. Действительно, хотя Панненберг в своей статье уделяет немало места обсуждению конкретных возможностей использования герменевтических принципов исторического исследования в теологии, но его внимание прежде всего сконцентрировано на общей оценке значения выводов философской герменевтики для теологии и религии.

Панненберг начинает с указания на наличие двух проблем, связанных с толкованием библейских источников. Первая состоит в необходимости определения исторической основы описанных в религиозных текстах событий. Проблематику такого рода он определяет как историческую. Вторая проблема касается наличия исторической дистанции и соответственно различий "между современностью и современной теологией и теологическим сознанием эпохи раннего христианства... Это герменевтическая проблема" (с.283). Панненберг указывает, одна-

ко, что обе эти проблемы органически связаны, "образуя одну целостную тему", так как "необходимость толкования библейских текстов в духе их творцов, с позиций того времени, когда они были созданы, — именно это методическое требование и породило обе задачи" (с.284).

Данная тема, считает Панненберг, предстает в форме, которая не позволяет однозначно трактовать ее как герменевтическую или историческую. Вопрос об исторических событиях, лежащих за библейскими текстами, пишет он далее, скорее относится к сфере универсальной истории и может быть понят во всем своем значении только в рамках универсальных смысловых связей событий, лишь в "горизонте" универсальной истории, включающей в себя и современную исследователю действительность. Панненберг, таким образом, хотя и с иных, теологических позиций ставит тот же вопрос о возможности "осмысления" исторического процесса, что и Фабер. И так же, как и тот, он считает невозможным ограничиться в историческом исследовании только герменевтической методологией: "Универсально-историческая проблематика... включает герменевтическую... Возникает известная конкуренция и вместе с тем конвергенция между универсально-историческими и герменевтическими аспектами рассмотрения..." (с.285-286). Проследивая эволюцию герменевтики от Шлейермахера и Дильтея до Хайдеггера и Гадамера, Панненберг указывает, что только последний формулирует "требование учитывать связь между исторической и герменевтической проблематикой" (с.316, сн.3). Панненберг критикует не только взгляды Шлейермахера и Дильтея, не разграничивавших исторический и герменевтический аспекты анализа (их интерпретации он характеризует как психологические), но и экзистенциально-теологическую герменевтику Р.Бульмана и близких к нему Э.Фукса и Г.Эбалинга. При всем различии обоих подходов (психологического и экзистенциального) они, указывает Панненберг,

одинаково "ограничивают значение прошлого для современности вопросом о бытии человека, отраженном в тексте" (с.293). И далее, говоря о Бульмане, он пишет: "Для экзистенциальной интерпретации существенны только возможности человеческого бытия. Или точнее: в конце концов релевантно все, но только как возможность понимания человеческого бытия" (с.294). Критикуя Бульмана с теологических позиций (очевидно, более ортодоксальных), Панненоерг в то же время делает ему и упрек методологического характера. Антропоцентристская позиция Бульмана и др. не позволяет "сохранить, - утверждает Панненберг, - историческую дистанцию текста и времени его толкования (современности)" (с.295). Как раз заслуга Гадамера состоит в том, что тот стремится "заменить рассмотрение слушателя, читателя или толкователя текста содержанием самого текста при определении центральной проблемы герменевтики. Он старается сохранить дифференциацию времени создания... текста и современности" (с.298). Но, признавая значение сделанных Гадамером выводов для методологии исторического исследования, Панненберг определяет специфику своей теологической и философской позиции именно через критическое отношение к этим выводам. Так, он критикует гадамеровскую концепцию исторического исследования как вопрошания традиции, диалога с ней. Панненберг считает, что идея исторического понимания как диалога не более чем аналогия, причем не слишком удачная. Она адекватно передает смысл процесса объяснения, так как "интерпретатор должен проникнуть в чужой горизонт, а не донести... "свой" (с.300).

То, что религиозные предпосылки лежат в основе позиции Панненберга, достаточно очевидно: интерпретатор и "священный" текст не могут рассматриваться как равноправные участники герменевтического "диалога". Но все же здесь эти предпосылки представлены в имплицитном виде. Однако в дальнейшем, характеризуя соотношение универсально-исторического

и герменевтического подходов, он явно и определенно отстаивает богословскую точку зрения.

В качестве наиболее значительного философского опыта обоснования универсально-исторического метода Панненберг рассматривает философию истории Гегеля. Он признает справедливость экзистенциалистской критики панлогизма последнего и прежде всего то, "что система Гегеля с ее абсолютной идеей игнорирует факт непреодолимой конечности человеческого опыта" (с.313).

В итоге, замечает Панненберг, это приводит к известному парадоксу гегелевской системы, исключаящей "открытость" будущего, лишаящей историю каких-либо существенных перспектив. Согласившись, таким образом, с критикой рационалистического понимания истории, он, однако, указывает на опасность релятивизма, связанную с выводами "герменевтической онтологии" Хайдеггера и отчасти Гадамера. В попытке универсального обоснования исторического развития Панненберг видит не недостаток, а достоинство философского опыта Гегеля. Может показаться, что Панненберг в этом не так уже далек от самого Гадамера, который в отличие от Хайдеггера высоко оценивал методологию гегелевской философии. Но это не так. Ведь Панненберг подчеркивает значение именно универсального характера философии истории Гегеля, что для Гадамера неприемлемо в меньшей степени, чем для Хайдеггера. И Панненберг утверждает, что "задачи теологии мировой истории не могут быть сняты из-за неудачи гегелевского решения, как это делает Гадамер..." (с.314). Действительно, для теологии отказ от возможности универсального осмысления исторического процесса в его целостности значит слишком много, во всяком случае она не может признать, что соответствующие образы не содержатся в тех текстах, которые признаны "священными". Панненберг "просто" фиксирует это обстоятельство, когда пишет, "что библейские

источники образуют основу для универсально-исторического мышления" (с.314). Он утверждает, что герменевтику нельзя полностью эмансипировать (как это делали Хайдеггер и Гадамер) от философии истории или теологии. Следуя теологической традиции и одновременно признавая значение достижений новейшей герменевтической теории, Панненберг считает, что необходимо в рамках последней "по-новому рассмотреть проблематику универсальной истории, исходя из первичного эсхатологического смысла истории Христа..." (с.314-315).

Рассмотренные работы К.-Г.Фабера и В.Панненберга в различном отношении, но достаточно ярко показывают трудности, с которыми сталкивается современная герменевтика при попытке связать принципы герменевтического понимания с методологией, делающей возможным анализ общих закономерностей истории.

ДАЛЛМАЙР Ф.Р.

ГЕНЕЗИС И ОБОСНОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ: УРОКИ МЕРЛО-ПОНТИ

DALLMAYR F.R.

Genesis and validation of social knowledge:

Lessons from Merleau-Ponty. -

In: Phenomenology and the social sciences:

A dialogue / Ed. by Bien J. The Hague etc.,

1978, p.74-107.

В статье раскрывается значение феноменологии как философии социальных наук. В споре с логическим позитивизмом утверждается тезис о том, что феноменология должна перейти от субъективной значимости к связи с дорефлексивными и досубъективными структурами опыта, особенно в применении к социальной сфере, где традиционная установка на трансцендентальное сознание и субъективизм должна быть модифицирована в сторону герменевтической онтологии.

Феноменология прежде всего сделала упор на специфические черты социального феномена по сравнению с чисто природными явлениями. Ученый-обществовед менее жестко обособлен от своего предмета исследования, чем ученый-естественник, и поэтому он в состоянии понять не только внешнюю последовательность событий, но и их подлинное значение.

По словам А.Шютца, задачей социального исследования является раскрытие того, что действующее лицо "имеет в виду" в своем действии. Утверждения общественных наук, следовательно, должны включать ссылку на субъективное значение действия для того, кто его совершает.

По мнению позитивистов, феноменология ничего не дает для установления истины в общественных науках. Признавая специфический статус социального феномена, логики-эмпирики (Р.Руднер, Э.Нагель и др.) отрицают необходимость прибегать к особому методу для его познания, отличному от научного в их понимании. Некоторые исходят при этом из модели объяснения с помощью "охватывающего закона", согласно которой факты и события являются объясненными, если можно подвести под общий закон или утверждение. Тогда целенаправленному поведению не обязательно избегать эмпирического изучения, ибо интенциональное определение - один из видов номологического анализа.

Будучи излишним в целях обоснования знания, феноменологическое "понимание" с точки зрения философов науки оказывается плодотворным в контексте открытия или выдвижения гипотез. Суть обоснования - в логической связи между фактами и умозаключениями о них. Открытие же отсылает нас к процессу возникновения знания, в котором преобладает творческое начало. "Процесс открытия исключает логический анализ" (Г.Рейхенбах).

К такой постановке вопроса близки и некоторые сторонники феноменологии. Согласно А.Шютцу, мир дан нам intersubъективно, как общий для всех, что предполагает наличие языка и взаимодействия. Intersubъективный характер обыденного опыта составляет основу взаимного "понимания" Вебера. Таким образом, "понимание" - прежде всего не метод, используемый социологом, а специфическая опытная форма, в которой обыденное мышление воспринимает социокультурный

мир, "пред-выбирая" и "пред-истолковывая" его как реальность повседневной жизни. "Жизненный мир" предстает в первую очередь с "биографически определенной позиции", которая обеспечивает "систему релевантностей и практических интересов". Эти субъективные смысловые структуры рассматриваются в основном как "конструкты первого уровня", над которыми надстраивается здание общественной науки.

Эта концепция в целом сходится с позитивистскими взглядами, по которым социолог, делая свои утверждения, основывается не на самом предмете исследования, а на искусственной модели, где специфические отношения могут быть изолированы. В конечном счете полагается, что понятие "жизненного мира" либо представляет лишь сумму данных, играющих роль в процессе верификации, либо является эвристичным только в контексте открытия и создания исследовательских программ.

Эту дилемму безуспешно пытается преодолеть через подчеркивание конституирующей роли трансцендентального сознания и М.Натансон. Рассматривая социальную реальность как интерсубъективный мир, конституируемый деятельностью сознания, а интуицию или "непосредственное представление" — как основу и источник всякого знания, утверждая, что феноменология стремится к метафилософскому исследованию, которое по необходимости является априорным, диалектическим, категориальным, Натансон признает, что феноменологическое понимание должно быть дополнено эмпирическим анализом. Два методологических подхода не противоречат друг другу: "эмпиризм начинается там, где кончается феноменология". Но, хотя здесь нет противоречия между открытием и обоснованием, разрыв между ними остается. Одна из наиболее удачных попыток его преодоления принадлежит Мерло-Понти.

Он считал, что существующая изоляция философии от социологии препятствует их развитию и взаимопониманию, тем са-

мым способствуя постоянному кризису культуры в целом. Причи-нами этого, с одной стороны, является философский "миф о рефлексии", согласно которому философия — больше не исследование, а определенная совокупность догм, созданных для самообоснования абсолютного духа; с другой — "миф о научном знании", призванный через простую регистрацию фактов получить знание не только о внешнем мире, но и о самой науке. По Мерло-Понти, рефлексия и эмпирическое изучение взаимодействуют и взаимозависимы. Суждения социологии имеют отношение к обществу, когда они исходят из единого взгляда на данное общество, который вырабатывается философией. Философ же не имеет права забывать, что наука высказывается о том же мире, который имеет в виду и он. Именно феноменология предназначена содействовать их обоюдному сближению.

Гуссерлианская идея о "психофеноменологическом параллелизме" ведет к мысли о "взаимохвате" философии и социологии. Философия, рассматриваемая как сознание свободного сообщества единомышленников, связанных между собой и с природой, не может быть больше определена как самодовлеющая область знаний. Она не просто совместима с социологией, но даже необходима ей для постоянного напоминания о ее задачах. Рефлексия не может быть противопоставлена научному знанию раз стало ясным, что "внутренняя сущность", к которой она нас возвращает, является не "личной жизнью", а интересубъективностью, которая намного ближе соединяет нас с историей в целом.

Нашупывание связи между рефлексией и наукой позволило преодолеть пропасть между субъектом и объектом, "трансцендентальной" и "естественной" установками и, наконец, между открытием и обоснованием. В противовес бихевиористскому взгляду Мерло-Понти утверждает, что никакое количество внешних стимулов не может объяснить возникновения соответ-

ствующего образа и знания о вещи или событии. Связь между объектом и восприятием нельзя свести ни к причинно-следственным отношениям, ни к функции соответствующей переменной. На уровне конкретного восприятия объект всегда представляется неполно, "в перспективе", что необязательно ведет к субъективному искажению и к сведению объекта к субъективной идее или намерению, ибо всякое восприятие вне своих пределов указывает на реальный мир, не исчерпывающийся его субъективным осознанием. Акцент на едином восприятии или "жизненном опыте" дает направление познанию и средства для преодоления традиционной дихотомии субъекта и объекта.

Перцептивное познание подразумевает слияние имманентности и трансцендентности, что несовместимо ни с материалистическими, ни с идеалистическими предпосылками. Восприятие не совпадает со знанием или объективной истиной, но между ними существует глубокая связь. Восприятие часто противоречиво и парадоксально, но считается, что "осознанная противоречивость выступает как абсолютное состояние сознания". Перцептуальный опыт указывает на генеалогию знания самого по себе, на возникновение обосновывающего познания из его собственных дорефлективных и дорациональных предпосылок. Всякое познание происходит из конкретного столкновения с миром, из предпосылки "веры в воспринятое", которая сама по себе является дорефлективной и первоначально неясна. Для преодоления этой неясности традиционная философия прибегает либо к жесткому делению на субъект и объект, либо приводит к одному знаменателю мир и того, кто его воспринимает. По Мерло-Понти, отношения между наблюдателем и объектом заключают в себе сложное взаимодействие, которое он часто называет "переплетением" или "реверсией". В восприятии наблюдающий не может овладеть видимым миром, пока он сам принадлежит ему, пока он внутри него. Связь и расстояние между ними обеспечиваются их "слиянием". Если человек

в состоянии видеть и ощущать вещи, то только потому, что, будучи из их семейства, он сам видим и осязаем. Его собственное бытие есть средство для участия в бытии других. Не сводимое ни к материи, ни к сознанию, это "слияние" составляет краеугольный камень дорефлексивной онтологии.

Поэтому отношение между познанием и опытом не равно отношению между трансцендентальным зрителем и вероятной действительностью. Так как восприятие играет роль "пуповины" нашего знания, то познание должно более внимательно относиться к дорефлексивным явлениям. Мышление не противоположно чувственному миру, но является его глубинным содержанием. В этом ракурсе родословная нашего знания предстает в качестве сложного познавательного процесса, в котором генезис и обоснование выделяются как две несводимые стороны, одинаково способствующие установлению истины.

И. М. Нагдимунов

РИКЕР П.

МОЖЕТ ЛИ СУЩЕСТВОВАТЬ НАУЧНОЕ ПОНЯТИЕ ИДЕОЛОГИИ?

RICOEUR P.

Can there be a scientific concept of ideology? -

In: Phenomenology and the social sciences:

A dialogue / Ed. by Bien J. The Hague etc., 1978,

p.44-60.

Статья посвящена феноменологической концепции идеологии, которая рассматривается с точки зрения природы социального исследования в целом. Эта концепция противопоставляется марксистскому взгляду на идеологию. Центральная проблема - проблема соотношения науки и идеологии.

За основу феноменологического понятия идеологии берется идея Макса Вебера о социальной интеграции. Возможность значимого, направленного на других, социально-интегрированного действия предполагает наличие у некоторой социальной группы "образа" мира для того, чтобы представлять свое место в нем. Задача идеологии состоит в воспроизведении в любой форме прошедших, но основополагающих для существования данного сообщества событий, чтобы память о них эффективно воздействовала на настоящую деятельность его членов. Значимость их действий основывается на социальной

памяти и вместе с тем на интерпретации жизнедеятельности людей в смысле обратного отношения к некоторым первоначальным, определяющим событиям.

Другое понимание идеологии исходит из иерархической структуры общества, из феномена власти и господства. Власть требует придания ей законообразного характера, чему и служит идеология. Претензия на законообразность равносильна вере людей в то, что социальная организация должна быть именно такой, какая она есть. Однако в данном случае претензия значительно преобладает над простой верой, происходит "переоценка", оправданию которой и предназначена идеология.

Третье понятие идеологии, марксистское, рассматривает ее не с точки зрения господства вообще, а с точки зрения конфликта между господствующим классом и угнетенным. Идеология здесь выступает как "перевернутый" образ реальности. В основе этого лежит идеологическая "реверсия", являющаяся первоначально религиозным, а затем идеалистическим гипостазированием мышления. Идеи, будучи вырванными из процесса повседневной жизни, предстают как самоуправляемая реальность. Никакая критика идей не может рассеять этой иллюзии. Идеология возникает из реальной жизни, и только революция в материальном базисе идеологии способна положить конец иллюзиям.

Однако марксистское понятие, согласно Полу Рикёру, будет более действенно, если соотнести его с двумя преддущими. "Перевернутый образ" подразумевает первоначально реальный процесс. Но этот так называемый "реальный" процесс имеет на самом деле символический характер. Общественная деятельность и общественные отношения опосредуются представлениями, убеждениями, образами. Опосредствующая роль идеологии именно в том и состоит, чтобы обеспечить значимость этой деятельности и отношений. Другими слова-

ми, не может быть никакой досимволической и поэтому доидеологической фазы реальной жизни. Символизм – это не результат действительной жизни общества; он сам конституирует реальный процесс как социально значимый. Таким образом, марксистская концепция идеологии становится следствием символического конституирования социальных сущностей.

Вопрос об исчезновении идеологии включает в себя важную эпистемологическую проблему: возможна ли вообще, до какой степени и при каких условиях наука идеологии, которая была бы сама по себе внеидеологической. Ведь тот, кто осуждает идеологию за искаженное представление о действительности, сам не должен быть ею заражен. А это предполагает существование внеидеологической науки идеологии. Необходимо также выяснить, может ли эта внеидеологическая позиция быть научной, сравнимой, скажем, с евклидовой геометрией, физикой Ньютона или Галилея.

В антитезе "наука – идеология" проблематичны оба понятия. Позитивистский взгляд четко разделяет науку и идеологию. Согласно ему, у общественных наук нет позитивного критерия научности. Чтобы социальная теория могла отделить себя от идеологии, она должна удовлетворять двум критериям: интеллигибельности и фальсифицируемости. Первый требует, чтобы высказывания теории имели смысл и соответствовали как можно большему количеству явлений. Второй играет роль опровержения якобы противоречащих фактов. Причем необходимо их совместное использование; теория может быть убедительно обоснована, но слабо поддержана фактами. Сближения этих двух моментов до сих пор недостает общественным наукам. В том же смысле не является собственно научным и признание того, что действительные причины и факторы исторического процесса не осознаются людьми.

Критерий научности, отличный от позитивистского, должен трактовать науку и идеологию не как простые противоположности.

Понятие "наука" в отношении к идеологии может иметь и "критическое" значение, аналогичное младогегельянской критике как действительной критике. Но может ли какая-либо социальная теория, понимаемая как критика, достичь внеидеологического статуса, исходя из собственного критерия идеологичности?

Наиболее существенная трудность здесь проистекает из невозможности создания совершенно радикальной критики, так как последняя предполагает полное, абсолютное познание.

Лишь общественные науки претендуют на всеобщность. Модель объяснения может быть всеобщей либо в терминах "целесообразности", либо в терминах "системности". Первая связана с невозможностью совершенно объективной, свободной оценочной позиции. Объяснение с точки зрения целесообразности — это объяснение данного ученого. Поэтому нужно, чтобы он до конца разъяснил свое собственное положение и свою собственную цель, чего он не может сделать, ибо для этого предварительно требуется "тотальная рефлексия", т.е. двоякая перспектива "над" и "ниоткуда".

Объяснение через "системность", казалось бы, избегает такой перспективы. Но и в этом случае ученый претендует на определенную всеобщность в рамках своего исследования. Только допущение полного познания или абсолютного знания поднимет критику на уровень, когда ее противостояние идеологии будет целиком внеидеологическим. Следовательно, социальная теория никогда не освободится от идеологичности, так как она не в состоянии отделить себя от идеологического опосредования.

Разрешить противоречие между наукой и идеологией может помочь герменевтика и ее взгляд на статус исторического понимания.

Эпистемологические трудности, связанные с употреблением высказываний, идеологических и преднамеренных по ха-

рактору, имеют общие основания в структуре человеческого существования, которое никогда не предоставляет субъекту независимого положения, способности отделить себя полностью от его условий.

Все предметное знание, касающееся нашего положения в обществе, внутри общественного класса, в культурной традиции, представлено отношением "принадлежности к", которое никогда не станет полностью ясным для рефлектирующего мышления. До всякой критики мы принадлежим классу, нации, культуре. Соглашаясь с этим, мы принимаем первую, интегрирующую функцию идеологии.

Опредмеченное значение всегда отсылает нас к некоторым предшествующим отношениям "участования". Вместе с тем оно обладает относительной автономией, происходящей из фактора "дистанции", который, по существу, наличествует совместно с нашим участием в историческом процессе.

Диалектика "участования" и "отдаленности" представляется основным условием диалектики науки и идеологии. "Участование" делает невозможным абсолютное знание. "Отдаленность" разрешает частичную критику. Отдаление или "дистанция" означает не только временной промежуток, являющийся чем-то пассивным, а активно взятую "отдаленность". По словам Гадамера, некто "осознает себя историческим существом при условии отдаленности". Так, посредничество между прошедшими событиями и нами обеспечивается текстами, документами и другими письменными памятниками. Понять же текст означает использовать его временную отдаленность для "сближения" с ним. Эта герменевтика текстов — лучшая предпосылка для справедливой оценки критики идеологичности. Не может быть самопознания без самокритики и самокритики без критики субъективных иллюзий. Критика идеологии — часть этой всеобщей критики.

Если критика идеологии основывается на частичной объективации нашего исторического положения, то знание,

которое она дает, не будет полным и всеобщим. Этот недостаток полноты – герменевтическая черта, вытекающая из диалектического отношения "отдаленности" к "участвованию". Забыть об этом – значит создать непреодолимые трудности для теории идеологии, которая по необходимости является идеологической. Эпистемологический статус неполноты отражает герменевтическое условие исторического понимания, которое исключает "тоталитарность".

Теорию идеологии должно правильно использовать. Критику идеологии мы вынуждены начать, не имея возможности когда-либо ее закончить. Идеология остается принципом интерпретации конкретного сообщества, который помогает нам. Благодаря этому мы – не "беспочвенные интеллектуалы", наши корни в том, что Гегель называл "нравственной сущностью". Поэтому необходимо немного меньше самонадеянности и чуть больше сдержанности в деле критики и восстановления нашей исторической сущности.

И.М.Нагдимунов

БАРТНИК Ч.
ПРОЛЕГОМЕНЫ К ДИСКУССИИ НАД СМЫСЛОМ ИСТОРИИ
BARTNIK C.

Prolegomena to a discussion on the meaning of history. -
Dialectics a. humanism, W-wa, 1979, vol.6, N 1, p.29-37.

Дискутируя проблему смысла истории, отмечает автор, необходимо различать между индивидуально-личностным и социальным смыслами, которые, будучи тесно между собой связанными, тем не менее не отождествляются, не говоря уже о том, что параметры социального смысла изменяются в зависимости от размеров исследуемой социальной общности - социальной группы, класса нации, человечества в целом. Автор указывает также на необходимость уточнения наряду с понятием смысла понятия нонсенса /отсутствия смысла/, особенно применительно к человеческой истории. Так, например, К.Поппер, утверждая, что "история не имеет смысла", одновременно постулирует необходимость придания истории смысла; Б.Кроче, отмечая отсутствие смысла в истории как таковой, полагает, что только история рождает человеческие "смыслы"; Ницше считает историю бессмыслицей, но потому, что в ней осуществляется вечный круговорот человеческих ценностей-смыслов. Трудности в познании конкретных форм проявления смысла истории, пишет автор, следует рассматривать как проблему

познаваемости смысла истории, а не как его отсутствие или бессмысленность. При этом решение проблемы познаваемости смысла истории возможно лишь на основе анализа разнообразно обусловленного и постоянно динамизируемого процесса индивидуального и социального познания конкретных проявлений смысла.

Негативное решение проблемы смысла истории дают представители целого ряда современных философских школ. Так, экзистенциалисты отрицают существование истории в смысле ее объективности, принимая во внимание только историю человеческого сознания или переживаний; структуралисты /Левин-Стросс, М.Фуко/, отрицая наличие в реальной действительности изменений исторического характера, рассматривают ее как повторение единого во многом; ряд англосаксонских мыслителей отрицают всякую возможность онтологии истории; представители герменевтики и общей философии языка, выступая в защиту своеобразного лингвистического субъективизма, призывают ограничиться чисто семиологическим анализом "смысла истории". В результате, отмечает автор, подавляющее большинство современных западных мыслителей оказывается сторонниками агностицизма либо пессимизма по вопросу о смысле истории. Что касается католического персонализма, точку зрения которого разделяет автор, то его концепцию можно определить как плюралистическую.

В.С.Гаевой

СОВРЕМЕННЫЕ БУРЖУАЗНЫЕ КОНЦЕПЦИИ
ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ И ИХ КРИТИКА

Реферативный сборник

Сдано в набор 15/УІ-81 г. Подписано к печати 8/УІІ-81г.

Формат 60x84/16

Печ.л. 13,0

Уч.-изд.л. 9,0

Тираж 1000 экз.

Заказ № 1053д

© ИНИОН АН СССР, Москва, ул.Красикова, д.28/45.
Отпечатано в ПИК ВИНТИ, г.Люберцы, Октябрьский пр., 403.

042(02)9

